ТРУДЫ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМЕНИ НАРИМАНОВА

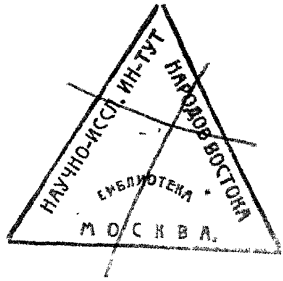
ПРОВЕРЕНО
1936 г.
1947

О. В. ПЛЕТНЕР и Е. Д. ПОЛИВАНОВ

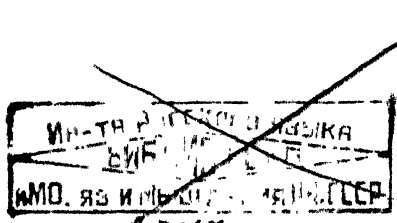
П-38

ГРАММАТИКА

ЯПОНСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА



ИЗД. МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
МОСКВА * 1930



PL
521
Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальных библиотек
по общественным наукам
1958
71

Мособлит № 2086. Заказ 1070 Тираж 2000 экз
Книжная ф-ка Центриздата Нар. СССР. Москва, Шлюзовая наб. 10

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая грамматика является продолжением серии пособий по японскому языку, выпущенных Институтом Востоковедения [1]). При составлении этой грамматики мы руководились следующими соображениями: во-первых—необходимостью дать научную грамматику, так как ни одна из японских грамматик на европейских языках не удовлетворяет современным научным требованиям; во-вторых — необходимостью создать учебную грамматику — учебник по японскому языку. Конечно, учебник может и должен быть построен на строго научных началах. Сосуществование научных и школьных грамматик, по-разному трактующих одни и те же языковые факты — нелепость. Затруднение заключалось в том, что исследовательскую работу приходилось сразу-же облекать в форму учебника. Приходилось рассчитывать не на читателя-лингвиста, а на студента-первокурсника, по большей части совсем незнакомого с иностранными языками. Изложение приходилось возможно упрощать; в качестве же материала приходилось привлекать иногда сравнительно обильные словарные выписки. Для того, чтобы установить тот или иной факт в области языка, эти словарные выписки совсем излишни, но в целях педагогических они неизбежны. Таким образом, читатель-лингвист при чтении нашей грамматики может быть неудовлетворен нагромождением учебного материала.

Настоящая грамматика ни в коем случае не является самоучителем японского языка. При изучении ее студент должен находиться под постоянным руководством профессора.

Размер книги не позволил нам остановиться на других диалектах кроме токиоского, который в настоящее время признается обще-японским интеллигентским языком. Ссылки на тот

---

[1]) Проф. О. Плетнер „Японские разговоры".
„ „ „Тексты разговорного языка".
Л П Хон. „Пособие по изучению яп письменности".

или иной диалект делались только в целях сравнения. По тем же причинам совершенно упущено рассмотрение графики, орфографии и пр. Изучение японской графики должно быть предметом особой монографии. Поскольку нашей задачей было дать фонетику и морфологию, мы касались синтаксиса лишь в тех случаях, где это требовалось при изложении морфологии.

Все японские слова транскрибированы по транскрипции проф. Е. Д. Поливанова. К работе приложен словарь японских слов, встречавшихся в морфологии.

В заключение считаем долгом выразить благодарность научным сотрудникам Инс-та А. В. Борисенкову и С. П. Мартынову и студентке 4-го курса Е. Д. Плетнер-Белаго за помощь, оказанную при составлении выходящей в свет грамматики.

ВВЕДЕНИЕ.

Выше в Предисловии—уже было сказано о том, что в основу стандартного разговорного яп. языка ложится токиоский говор. В связи с этим можно сделать вывод, что социальная характеристика описываемой нами языковой системы (токиоского κοινὴ διάλεκτος, т. е. о б щ е г о—в данном случае общеяпонского—д и а л е к т а) слагается из следующих трех моментов:

1. Описываемый нами разговорный стандарт является, прежде всего, особым социально-групповым и в частности классовым диалектом внутри территориального говора гор. Токио.

2. Начиная с фактического перехода к крупно-капиталистическому хозяйству, когда новые экономические отношения обусловливают уже общеяпонский масштаб реальных потребностей в перекрестном языковом общении—для определенных социальных групп населения, токиоский стандарт в сравнительно быстрое время занимает положение общеяпонского разговорного языка—по крайней мере в данном социальном слое: буржуазии и буржуазной интеллигенции (но никакого иного об'единения Японии на почве разговорного языка для иных социальных групп вообще не существует [1]).

В истории данной языковой системы, как таковой (т. е. независимо от ее принадлежности к тому или другому социальному субстрату), вышеуказанный момент—момент перехода к крупнокапиталистическому хозяйству является границей двух эпох, каждая из которых имеет дело со своими вполне специфическими социальными факторами языковой эволюции.

3. В связи с наметившимся у прогрессивно-либеральной интеллигенции стремлением к демократизации письменного языка (по принципу „гэмбун-итти"), токиоский стандарт выступает и в роли кандидата на положение единого письменно-разговорного языка Японии. Реализация этой программы, однако,

[1]) Если не иметь в виду, разумеется, внутрирайонные об'единения (напр на почве говора гор. Нагасаки внутри Нагасакской префектуры и т. д.), но это, конечно, совсем другого порядка и меньшей значимости явление.

далека еще от осуществления, да, строго говоря, и вообще невозможна [1]) при настоящих политических условиях.

Остановимся на каждом из этих пунктов в отдельности.

1. Было бы совершенно неправильным утверждать, что объединяющим Японию разговорным языком является территориальный говор гор. Токио в *его целом*, т. е. как совокупность наличных на территории столицы подговоров (районного или социально-группового характера) или, тем более, индивидуальных говоров всех токиосцев. Во первых, мы найдем—в составе нескольких из только-что упомянутых (коллективных) подговоров—ряд взаимно-неключающих языковых особенностей (достаточно будет—в качестве случайного примера—указать на те свойственные разным подговорам столицы словарно-акцентуационные дублеты, которые упомянуты в приложении к моей работе „Музыкальное ударение в говоре Токио". Изв. Академии Наук 1915). Кроме того, в числе фактов, известных (т. е. понятных и признаваемых за токиоские) каждому из токиосцев, на целый ряд явлений кладется запрет (социально группового порядка „та́бу") в смысле безусловной непригодности их для стандартного языка интеллигентского междурайонного (т. е. общеяпонского) общения. Это—целый ряд морфологических, словарных и фразеологических „вульгаризмов" [2]). В итоге, мы убеждаемся, что кладущийся в основу „общеяпонской" разговорной *койнэ* токиоский говор является „*фильтрованным*" токиоским говором, принадлежа—на территории столицы—исключительно лишь той социальной группе, которая больше всего заинтересована в общеяпонском языковом перекрестном общении и фактически больше всего осуществляет его. Это,

[1]) Кроме достижений индивидуального, „кружкового" типа

[2]) Такого рода—находящиеся под социально-групповым „табу"—вульгаризмы наблюдаются, впрочем, и внутри других яп говоров,—в частности городских, напр, киотоского и т. д. (и носят при этом вполне специфический—без всяких координаций с токиоским „та́бу"—характер) Но во всяком случае условием для существования внутри территориального говора ярко-выраженных вульгаризмов служит сложный (классово-расслоенный) состав соц. субстрата данного говора (г е. населения данного пункта). в противоположность киотоскому и т п. мы их, например, почти не сможем выявить в говоре какой-нибудь бедной и маленькой рыбачьей деревушки (например Тобара возле Мороги в Тоса—в префектуре Ко ти на Сикоку [материалы по этому говору начаты опубликованием в „Ученых Записках Института Языка и Литературы РАНИОН" № 3. 1929]).

следовательно,—язык токиоской крупной и средней буржуазии и интеллигенции.

Противопоставляться же ему могут (внутри самой столицы) следующие диалектологические единицы: районные или классовые подговоры иной уже социальной принадлежности, при чем, в сущности, нам придется весьма часто на деле отожествлять понятия районного и социально-группового говора: определенные кварталы=[ku] «ку» (в частности принадлежащие беднейшему люду столицы)— те самые [Хондзё, Фукагава, напр.], о которых цитированный мною (в „Приложении" к „Муз. ударению гов. Токио", Изв. Ак. Н. 1915) автор упоминает как о районах, имеющих свои языковые особенности, имеют вместе с тем и (специфическую классовую и профессиональную характеристику рабочий квартал, квартал моряков и рыбаков, наконец квартал мелкой торговой буржуазии, не выходящей ни в экономическом, ни в языковом обмене за пределы столицы).

2. Не надо думать, что до вышеуказанной эпохи экономического сдвига (terminus post quem для начала которой—1862 год) вообще не существовало языковой системы, объединявшей всю Японию [1]): Япония как политическая и культурная единица (существовавшая в качестве таковой по кр. мере с Го-он'ной эпохи) [2]) была бы немыслима без того средства объединения, которым служил и продолжает служить безусловно единый для Японии (кроме Рюкю) письменный язык. Исторически этот письменный (в основе классический) язык ничего общего, конечно, не имеет с токиоским говором—представителем восточно-японской диалектологической группы—ни в территориальном, ни в хронологическом отношении,—восходя к древнему западно-японскому диалекту—района былых культурных центров (Кинаи).

Здесь мы наталкиваемся, в сущности, на типичное для крупных азиатских [3]) государственных образований состояние:

[1]) За исключением, конечно, островов Рюкю (—Окинава-кэн), имевших свой собственный литературный язык (рюкюский), в основу которого легли говоры Нафа и Сю(р)и.

[2]) Подробнее об этой условной датировке речь будет итти в статье „Историко-фонетический очерк японского консонантизма", принятой к напечатанию в „Ученых Записках Ин-та языка и Л-ры РАНИОН'а".

[3]) Впрочем, для имеющихся здесь в виду азиатских государств (каковыми являлись, наприм., Китай, Персия, Бухара и—как мы здесь видим—Япония)

административное (и соответствующее культурное) единство обслуживается — в обще-японском масштабе — исключительно письменным языком—при весьма большом расхождении устных patois различных районов.

В Японии, заметим, это расхождение устных patois—по крайней мере к концу Токугавской эпохи—достигало вряд ли на много меньших размеров, чем в Китае: уроженец северо-восточных (сильно гибридизованных благодаря аинской этнической подпочве) провинций, напр. Аомори, Акита [1]) и пр., безусловно чужд пониманию не только, напр., южно-японской (нагасакской, напр.) или западно-японской, но и токиоской речи. При этом фонетические расхождения (благодаря сильно-прогрессивной фонетической эволюции именно на гибридизованной территории) настолько велики, что совершенно преображают и звуковые значения яп. слогового алфавита (примеры: буква, изображавшая в древности слог *wi, читается в центральных говорах как i и в Аомори тоже как i [2]), но зато всякое другое *i [в слогах *i, *ki, *ti, *di, *ri, *pi и т. д.] превратилось в Аомори в апикальный звук $\overset{z}{\underset{\circ}{\text{ɿ}}}$: в результате появились следующие, напр., соответствия между аоморийским и токиоским: Ао. $\overset{z}{\text{ɿ}}$ || ток. i, Ао. $\overset{s}{\text{k}}\underset{\circ}{\text{ɿ}}$ или внутри слова — $\overset{k}{\text{g}}\overset{z}{\text{ɿ}}$ || ток. ki, Ао. $\underset{\circ}{\text{cɿ}}$/$\underset{\circ}{\text{cz}}$ или внутри слова — $\overset{t}{\text{зɿ}}$ || ток. ći, Ао. $\overset{t}{\text{зɿ}}$ или внутри слова — $\overset{n}{\text{зɿ}}$ || ток. źi/-źi, Ао. $\underset{\circ}{\text{ɿz}}$ || ток. ri, [*pi] = Ао. $\overset{f}{\text{sɿ}}$ или sɿ (в зависимости от говора) || ток. çi; с другой стороны, благодаря переходу *e → сев.-вост. i, появились такие соответствия: Ао. i || ток. e, Ао. ki или внутри слова — $\overset{k}{\text{gi}}$ || ток. ke,

характерным—в отличие от Европы—было именно то, что с данным языковым состоянием они вступали и во 2-ую половину XIX века и даже—иногда—в XX век.

[1]) Известные (но в статистическом отношении, конечно, очень ничтожные) случаи ослабления этой дифференциации мы находим (в той же Акита, напр.) в известных социально-групповых говорах определенных пунктов, восходящих—в данном городе—к перенесенному из Зап. Японии языку ссыльных самураев.

[2]) Хотя совпадение это вполне случайно появилось в результате двух совершенно разных по существу процессов в центр. говорах *wi просто утратило свое *w (т. е. *wi→i), а в сев.-восточных (в Аомори) *wi, конвергировав с дифтонгом *oi, дало *e, которое, затем, как и всякое другое *e, сузилось здесь в i.

Ао. hi || ток. se; название города Хакодатэ, несмотря на единообразное написание его каной, в Акита, например, читается как fa go ^{n}da di || ток. hakodate, а токиоскому ući-maći-kotoba соответствует (в Акита) произношение ^{w}üsïmasigodo ^{m}ba, хотя каной, как и иероглифами, акитасец напишет это слово одинаково с токиосцем и т. д. и т. д.). Ясно, что, если аомориец respect. акитасец (уроженец пров. Акита—ag ^{z}ïda в местном произношении) начнет читать вслух какой-либо текст, токиосец respect. киотосец и т. п. ничего не поймет в слышимом, пока своими глазами не увидит начертаний [равным образом и аомориец [1]) не поймет чтения вслух токиосцем]. Таким образом мы здесь и в деталях даже наблюдаем сходную с китайской диалектологическую ситуацию письменного языка.

Поскольку, однако, за последние $^{1}/_{2}$ столетия японские экономические условия—в отличие от китайских—постулируют наличие общеяпонских средств общения именно в форме разговорного языка, процесс койнэизации последнего несказанно опередил соответствующее китайское явление (где в соответственной, до известной степени, роли выступает пекинский говор). Именно, в настоящее время (во второй четверти XX века) весьма значительная часть (около 50%) японского провинциального населения состоит в положении социального или коллективного двуязычия [2]), т. е., владея своим родным patois, знает (или по кр. мере понимает) токиоскую „койнэ".

Дальнейший путь процесса—через системы социального двуязычия к монопольному возобладанию „койнэ"—зависит уже от времени [3]).

---

[1]) Если только он еще не двуязычен

[2]) Этим термином я называю такой вид двуязычия, когда весь коллектив (того или другого территориального пункта) является носителем двух языковых систем. Подробнее об этом—см. „Ученые Записки Ин-та Яз. и Л-ры РАНИОН'а" № 5. 1930: Поливанов, „Факторы фонетической эволюции языка как трудового процесса", ч. II.

[3]) Ср. закончившиеся уже этого рода процессы—напр в формации новогреческого языка (из афинского, или аттического древне-греческого диалекта, мало-по-малу вытеснившего на правах κοινὴ διάλεκτος—через ступень социальных двуязычий—прочие местные древне-греческие говоры [кроме разве лаконского, к которому восходит современный лаконский диалект]), или,

X

Несмотря на вышеуказанные 2 социальных функции токиоского языка (описываемой нами токиоской системы речи): в виде социально-группового подговора столицы, во-первых, и общеяпонского стандарта, во-вторых,—на составе самой этой языковой системы(чисто языковых ее фактах) сказывается сплошь и рядом, в доминирующей даже пропорции, действие социальных факторов, относящихся не к современной этим 2 функциям эпохе, а наоборот к периоду давноминувшему,—предшествовавшему социально-историческому пласту. Это, в сущности, мы и всегда наблюдаем в истории языковых стандартов самых разнообразных нац. коллективов: иногда „слова не пахнут", или—точнее—легко утрачивают запах,—свой parfum social и historique, т. е. иногда, несмотря на внутреннее свое противоречие новым социальным и бытовым условиям, не подвергаются браковке при переходе политического господства (а вместе с тем и готового языкового стандарта) к новому, „берущему власть" классу; а потому язык и оказывается—в преемстве культурных средств при переходе политической и экономической гегемонии к новой социальной группе—весьма часто более консервативным, чем другие области наследуемой (новым господствующим классом) культуры (—материальная культура, литература, искусство, штаны, манжеты, педагогическая система и т. д.). Этим отнюдь не отрицается активное участие нового класса в оформлении и эволюции языкового стандарта: тогда пришлось бы отрицать эту функцию и у его предшественника. Я просто хочу указать на наличие известной терпимости к языковым фактам — когда слова „перестают пахнуть" Для подтверждения этого сошлюсь в качестве параллели на пример из совершенно другой области семантических явлений—явлений, уже не стоящих ни в какой зависимости от социальной природы коллектива—носителя языка: когда мы говорим фразу on revient toujours à ses premiers amours, мы вовсе не замечаем, что toujours—это этимологический эквивалент для tous les jours, и никакого „дня"—jour при произношении этой фразы мы не представляем: toujours здесь для нас—просто словарный эквивалент русского „всегда".

с другой стороны, в языковой истории Ташкента (где узбекский язык вытеснил таджикский — тогда как в Самарканде мы в наше время застаем тот же процесс еще на стадии социального двуязычия), и т. п. явления в ряде разных других нац. коллективов

Также мы можем забыть и значение слова „конка", употребляя его в комплексе „паровая конка": это выражение фактически имело социальное существование несколько десятилетий тому назад, и русское мышление относилось терпимо к его этимологической абсурдности.

Подобным же образом и ряд японских токиоских явлений (словарных [1]), морфологических [2]) и даже фонетических [3]), генезис которых относится к феодальному быту предков нынешних токиосцев и вне условий этого быта был бы невозможен, отлично, до поры до времени, [4]) уживается, как мы видим, в токиоской речи современных учителей, студентов и „нарикинов".

Надо помнить, следовательно, что описываемый нами язык—потомок языка феодально-военного класса и притом в центральной цитадели феодализма -в токугавском Эдо Нынешнее Токио говорит языком самурайского Эдо и—поскольку „слова не пахнут"—довольствуется этим.

Следы этого исторического прошлого ясно видны при сравнении токиоского с провинциальными говорами крестьянского и рыбачьего населения Для таких, напр., чисто-койнэистических особенностей, как „высшие" формы quasi-местоимений или „вежливые" суффиксы -mas/-mast- , -des/-dest- , в деревенских patois мы вовсе не найдем эквивалентных рядов соответствий [5]). Теперь эти формы — уже просто особенность (специфические черты) койнэистического языка интеллигента, но находят себе объяснение они именно в той среде, которая была носителем предка токиоского говора

[1]) Ср. напр, слова, употребляющиеся (в токиоском) в роли личных местоимений ва-такуси, кими (буквально „государь, сударь"), боку (буквально „слуга") и т д, а с другой стороны, напр, вежливые глаголы—кудасару и т п

[2]) Ср., напр, употребление гонорифического префикса О—в качестве признака, 2 лица, употребление форм Passivi (страдательного залога) для действий, субъектом которых является высокопоставленное лицо, и т д

[3]) Яп. фразофонема —s („с" произносимое посредством вдыхания, а не выдыхания воздуха).

[4]) Зато в следующем периоде яп. истории и яп. языка будущие исследователи его заметят, в свою очередь, пережитки, т. е напластования нынешней эпохи (влияние ее социального быта), а кудасару 下, кими 君, ватакуси 私, —s и т. п. продукты предшествовавшей эпохи будут, повидимому, уже „изжиты".

[5]) Равным образом, и гонорифическое о—(с функцией признака 2 лица) является чуждым для многих провинциальных (деревенских) говоров

Нужно оговорить, впрочем, что в историческом отношении токиоский не может быть возводим единственно к исконным диалектам своего района: в формации его приняли участие и более южные элементы, в частности диалект Микава,—провинции, откуда ведут свое начало Токугава, а с ними и токугавский феодализм. Этим, м. пр., и объясняется ряд фонетических отличий токиоского от ближайше-смежных деревенских диалектов.

3. Для реализации программы гэмбун-итти необходима социальная революция в Японии точно так же, как и для другого мероприятия по демократизации письменности латинизации (или вообще фонетизации) яп. графики. До этого и тот и другой процесс вынужден будет пребывать в стадии проектирования и, в лучшем случае, индивидуальных начинаний,—точно также, как невозможно было реализовать ни реформу рус. графики, ни рационализацию график наших нацменьшинств до революции 1917 года (и до Октября 1917 года на долю этих реформ приходилось точно так же одно лишь „прожектирование" будущих мероприятий). Соображения этого порядка достаточно ясны сами по себе, чтобы нужно было уделять место их мотивировке.

Вопрос о происхождении японского языка (вместе с ближайшим его родственником—рюкюским) долгое время оставался совершенно неразрешенным. Однако, когда на основании компаративного изучения японских (и рюкюских) диалектов оказалось возможным восстановлять формы доисторического периода японского языка, пользуясь ими для сопоставлений с языками других семейств, то удалось установить, что в формации японского (или обще-японо-рюкюского) языка принимали участие **два**, по крайней мере, различных источника: с одной стороны, мы находим здесь ряд языковых особенностей (и в фонетике, и в словаре, а отчасти и в морфологии [1]), совпадающих с материалом малайско-полинезийских или „аустронезийских" (буквально: „южно-островных") языков; с другой стороны—ряд фактов (главным образом словарных и морфологических), повторяющихся в континентальных языках—именно в корейском,

---

[1]) См., между прочим, статью „Одна из японо-малайских параллелей" в Известиях Ак. Наук, 1919.

а также в т. н. „алтайских“ языках.[1]) Разумеется, и те и другие сопоставления (—и с аустронезийским и с корейско-„алтайским“ языковым материалом) являются показательными постольку, поскольку они обнаруживают регулярные звукосоответствия[2]), (т. е. то самое, что вообще служит критерием достоверности во всех сравнительно-грамматических сближениях).

Таким образом еще в доисторическую эпоху яп. язык представлял собою гибридную формацию. В историческое время к этому сложному составу прибавился еще один элемент в виде китайского (словарного, а в некоторой мере и фонетического) влияния, обусловленного, разумеется, сильнейшей культурной зависимостью Японии от древнего Китая (а так как культурное влияние было весьма длительным—более тысячелетия, то среди вошедших из китайского языка заимствований мы можем различать 5 хронологически-различных категорий — начиная с заимствований до-литературных: напр. мма 馬 ммэ 梅 и т. п. и кончая—уже после эпох массовых литературных заимствований—позднейшими устными заимствованиями в отдельные яп диалекты: напр. pe:roŋ, p'a:roŋ нагасакских говорах из кит. мандаринского 白龍 „бай-лун“).

---

[1]) К семейству „алтайских“ языков (в широком смысле) причисляются 3 языковых группы или семьи—турецкая, монгольская и манчжуро-тунгусская. Однако есть некоторые основания включить в это же семейство—на правах четвертого его члена—и корейский яз

[2]) В качестве простейшего примера приведем несколько корейско-японских словарных параллелей на т. н. „тожественное“ звукосоответствие (—в котором оба звука — двух разных языков—качественно совпадают): яп. k || кор. k (в начале слова). яп kuma || кор. kom 'медведь', яп. kame || в корейских говорах kama или kame—название сосудов, яп. kumo (нагасакск. kobu, рюкюск. ku ba) || кор. kom 'паук', яп. kasa || кор. kat←древне-кор. * kas 'шляпа', и т. д. Заметим, впрочем, что есть и такие яп. слова, которые, не находя параллели в корейском, встречают ее в других „алтайских“ языках: таково, напр яп. inu 'собака', ближайшими соответствиями к которому оказываются слова манчжуро-тунгусских языков (с тем же значением. 'собака). Наконец, добавим еще пример в виде пары японо-алтайских слов. яп, куро — ‚черный' || тур. gara, монг. хара из древнего* qara, 2) яп. кура ‚темный' || тур. qaranu

МОРФОЛОГИЯ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ.

ГЛАВА I.

Части речи в японском языке.

Элементарной единицей морфологического анализа является м о р ф е м а, т. е. часть слова, обладающая самостоятельным значением и повторяющаяся—с тем же или близким значением—в других словах, но **не** разлагающаяся сполна на отрезки меньшего состава, к каждому из которых могли бы подойти вышеуказанные признаки морфемы (наличие самостоятельного значения и т. д.). Например в слове нива-ни (niwa-ni) „в саду"—2 морфемы: нива-(лексическая или коренная морфема) и -ни (формальная морфема: именно суффикс Дательного или точнее Дательного-Местного падежа); в слове нива-ва (niwa-wa) также 2 морфемы: нива- и -ва (суффикс падежа логического подлежащего, или Subjectiv'a). Но слово ниванива (niwa-ni-wa) мы уже не можем по той же схеме (выделения лексической и формальной морфем) разделить на 2 морфемы: -ни-ва сполна разлагается на две формальных морфемы, каждую из которых (с тем же значением) мы уже встречали в двух вышеприведенных словах (нива-ни и нива-ва); итого, следовательно, в слове нива-нива—3 морфемы.

Поскольку единицей высшего порядка в морфологии является с л о в о, а единицей низшего порядка, или элементарной морфологической единицей—м о р ф е м а, морфологическая классификация слов естественно должна итти путем отбора (в группы или „гнезда") родственных слов, в каждом из которых повторяется одна и та же морфема; при этом родственными словами могут считаться (и как таковые об'единяться в группы) и такие слова, которые имеют общую всем им (т. е. повторяющуюся в каждом из этих слов) лексическую (или корневую) морфему (напр., русские слова р у к а, р у к о й, р у к или японские слова ʳte-ŋa, ʳte-wa, ʳte-ni, ʳte-de, ʳte-mo, te), и, с другой

стороны—такие, которые об'единяются наличием в них общей формальной морфемы (например русские слова р у́ к у, н о г у, д у́ ш у, д о́ с к у и т. д. или японские ˈte-ʷo, aˈśi-ʷo, hana-ʷo, kodomo-ʷo, haˈna-ʷo и т. д.—т. е. Винительные падежи от te 'рука', aˈśi 'нога', hana 'нос', ko-domo 'ребенок', haˈna 'цветок' и т. д.).

Но наличные в данном языке формальные морфемы обязательно будут неизмеримо малочисленнее, чем морфемы лексические, что прямо вытекает из общего характера значений тех и других: лексические морфемы, совокупность которых составляет с л о в а р ь данного языка, в виде принципа отображают (обозначают) все богатство своеобразных внеязыковых представлений и понятий, известных данному коллективному мышлению: совокупность идей всевозможных предметов, качеств, действий и т. д. А значения формальных морфем—это те идеи, для которых типично быть примышляемыми к значениям лексическим и притом к определенной категории этих значений: напр., когда говорящий мыслит о совершении какого-либо действия (ассоциируемого с такой-то лексической морфемой—напр., с русской морфемой д а—в слове д а л или с японской морфемой niŋe- в слове niŋe-ta „(у)бежал"), то он вполне естественно примышляет к этой идее действия (—акту д а в а н и я или акту б е г с т в а) д о б а в о ч н у ю и д е ю—представление о времени, когда имело место данное действие (давание, respective бегство)—до данного момента говорения, т. е. в прошедшем времени и т. д. И уже в силу языковой экономии случается так, что на эту д о б а в о ч н у ю и д е ю не ассигнуется особого слова (т. е. не говорят „дать раньше", или наоборот „дать теперь"...), а выражается она в м е с т е с основной (лексической) идеей в одном и том же слове—посредством формальной морфемы этого слова (-л— в рус. д а л, -ta в японск. niŋe-ta). Но для лексических значений иной категории—идей определенных предметов, а не действий,—естественно сочетаться уже с другого рода добавочными идеями—не идеей времени (действия), а например с идеей числа данных предметов (на этом основано русское различие единственного и множественного числа—посредством формальных морфем, ассоциируемых с понятием единства или множественности (предметов или лиц), или же определенных отношений данного предмета к действию или другому пред-

мету, которые фигурируют в данной коммуникации (отсюда выражение таких „падежных" значений, как в русском к о р о в у (он убил корову), к о р о в а (корова пьет), к о р о в ы (молоко этой коровы).. или японском uśi-^{w}o uśi-wa uśi-no: напр. uśi-^{w}o korośita, uśi-wa nomu, uśi-no cuno и т. д. Естественно поэтому, что совокупность идей, потенциально примышляемых (на правах д о б а в о ч н ы х и д е й) к определенной категории лексических значений (напр., к идеям действий или, наоборот, к идеям предметов и лиц, и т. д.), а значит и совокупость тех формальных морфем, которые потенциально сочетаются с данной категории лексическими морфемами, может служить внешней характеристикой этой категории лексических морфем (—морфем со значением различных действий, или наоборот—различных предметов и лиц и т. д.), а внутренней ее характеристикой будет общая черта, присущая значениям всех (лексических) морфем, входящих в данную категорию.

Легко уяснить себе, что такая именно классификация—классификация лексических (коренных) морфем по совокупности сочетаемых с ними формальных морфем и, в связи с этим, по общему характеру значений данных лексических морфем,—будет наиболее выгодной морфологической классификацией слов, ибо позволит свести в небольшое число классов все громадное количество лексических морфем, тем самым будет осуществлена и классификация с л о в, содержащих эти лексические морфемы: каждая лексическая морфема будет возглавлять известное число комплексов, в которых она сочетается с такими-то и такими-то формальными морфемами (а ряд этих последних—потенциально соединимых с данной лексической морфемой формальных морфем—нам уже известен, поскольку он служил нам внешней характеристикой всей данной категории лексических морфем). И вот, указав место для лексической морфемы данного слова в той или иной категории лексических морфем (напр., в категории лексических морфем со значением д е й с т в и й—т. е. в категории г л а г о л ь н ы х морфем), а затем указав место для формальной морфемы данного слова в ряду формальных морфем, способных сочетаться с данной категорией лексических морфем (—глагольных морфем), мы тем самым уже характеризовали с исчерпывающей точностью данное слово (в морфологическом отношении): напр., слово niŋeta определяется

этим путем, как форма прошедшего времени от глагольной морфемы mye.

Тут необходимо, однако, сделать следующую оговорку: в числе формальных морфем встречаются и такие, которые уже не только примышляют какую-либо дополнительную идею к идее действия или предмета и т. д., но и изменяют общий (принципиальный) характер лексического значения: слово перестает (благодаря присоединению данной формальной морфемы) означать предмет и оказывается означающим действие, или, наоборот,—несмотря на глагольную лексическую морфему оказывается обозначением предмета. Напр., японское слово ⌜ku-r-u-no, имеющее глагольную лексическую морфему ku „приходить", и при отсутствии морфемы -no имеющее значение действия (⌜kuru „приходит"), благодаря присоединению морфемы no оказывается уже не глаголом, а именем означает лицо, совершающее данное действие (⌜kuruno- „приходящий"), и может склоняться по падежам, как прочие имена: ⌜kuruno^{w}o „приходящего" (вин пад.), ⌜kuruno-de (Instrumentalis) и т. д.

Однако, если мы будем просто-на-просто причислять ⌜kuruno и т. п. формы к именам существительным, (т. е. словам, обозначающим предметы и лица), наравне с такими именами существительными, как h̄anā „нос", m̄iči „дорога", cu⌜ki „луна" и т. д., мы, во-первых, упустим из виду морфологическую конструкцию этого „имени существительного", во-вторых, безнадежно запутаем дело классификации слов: в отдел имен существительных придется механически включить столько же новых „имен существительных", сколько в японском языке глаголов—и сколько в японском языке прилагательных (ибо от всех них тоже образуется „имя существительное" на -no).

Итак, надо дать себе прежде всего ясный отчет в том, что ⌜kuruno—есть производное от глагольной лексической морфемы, но производное, принципиально отличное от тех форм (с данной лексической морфемой: ku 來), которые носят глагольный характер (⌜kuru, kita и т. д.), производное, в котором понятию, закрепленному в одной категории лексических морфем (глагольных), как-бы проложен мост к выражению в другой категории слов—с принципиально-отличным общим значением (—предметности).

Приняв во внимание существование подобных „мостиков“, т. е. конструкций, допускающих лексическим морфемам одной категории (напр., глагольной) образовывать—в данной именно форме—слово принципиально-отличного значения (напр., имя существительное, как ⌜kuruno и. т. п.), мы на основании существующих в японском языке принципиально-различных систем формальных морфем (прилагаемых к определенным классам лексических морфем) можем установить 3 основных категории лексических морфем—иначе говоря 3 основных части речи[1]) это будут:

1) категория именных (или субстантивных, т. е. существительных) основ, характеризуемая системой (или парадигмой) падежных форм (т. е. присоединимых к данным именным основам формальных морфем, являющихся падежными суффиксами), а также и спряжением в предикативной форме (по значению соответствующим русским фразам „я—студент“, „я был студентом“, „я буду студентом“), при чем это спряжение, однако, прицинпиально и формально отличается от спряжения глаголов и прилагательных.

Примеры именных (или субстантивных, или существительных) основ:

ину (i⌜nu) „собака“, хана (ha⌜na) „цветок“

Примеры форм, характерных для имен (существительных):

Именительный (Nominativ.) i⌜nu-ŋa ину-га, ha⌜na-ŋa хана-га
Выделительный (Subjectiv.) i⌜nu-wa ину-ва, ha⌜na-wa хана-ва
Винительный (Accusativ.) i⌜nu-^{w}o ину-о, ha⌜na-^{w}o хана-о
Родительный (Genitiv.) inu-no ину-но, хана-но
Дательный (Dativ.-Locativ.) inu-ni ину-ни, хана-ни
Творительный (Instrumentalis) inu-de ину-дэ, хана-дэ
Форма сказуемого (Praedicativ.) inu-da, inu-des ину-да, ину-дэс
hana- da, hana-des хана-да, хана-дэс

и спряжение Praedicativ'a: inu-deśta „был собакой, были собаками“, inu-deśo: „будет собакой“, „будут собаками“ и т. д.

Рядом с падежными формами можно назвать и форму с суффиксом -па, являющуюся „мостиком“ к образованию слова со значением принципиально-отличным уже от значения существительных: посредством этого суффикса именная (существительная) основа дает уже слово, по значению (и синтаксическому употреблению) сходное с аттрибутивной формой прила-

гательных (т. е. 2-й части речи: см. ниже). Примером аналогичного же „мостика" в категорию глагола (3-ей части речи)—служит суффиксация -suru (вспомогательного глагола, утрачивающего уже, в данной позиции, роль самостоятельного слова и становящегося[1]) в полной мере суффиксом именных основ); этим путем от именных основ образуются особой конструкции глаголы (деноминативные глаголы).

Кроме указанной системы суффиксов (суффиксов склонения, Praedicativ'ной формы и ее спряжения, суффикса Attributiv'a -na, и наконец- suru как суффикса деноминативных глаголов) есть и некоторые другие признаки именных (существительных) основ, напр., потенциальность присоединения префикса о- (с нюэтетическим значением); но в данном случае мы не имеем в виду исчерпать формальную характеристику имен существительных, как части речи, а хотим лишь дать представление о ней—для противоположения остальным 2 основным частям речи.

2) Категория прилагательных (ад'ективных основ), характеризуемая прежде всего наличием „основной ад'ективной парадигмы" из 2 форм[2]): аттрибутивно-предикативной на-i[3]), а также спряжением по временам, которое, однако, принципиально и формально отлично и от спряжения глаголов и от спряжения предикативной формы имен (существительных).

При этом пока речь идет у нас об изменяемых частях речи (это ясно из того, что критерием определения каждой части речи—т. е. категории лексических морфем—служит определенная система формальных морфем—т. е. система словоизменяемости). Впрочем, вопрос о неизменяемых частях речи для японского языка, как мы увидим, имеет минимальное значение.

Интересно, что голая (лишенная суффиксов) ад'ективная основа фактически употребляется очень редко (если не говорить о ее функциях в качестве элемента сложного слова, но об этом речь должна уже итти в морфологии словообразования), но когда употребляется—носит характер именной основы;

---

[1]) Вместе со всем своим спряжением: suru, śita, śite и т. д.

[2]) В современном разговорном языке,—и 3-х форм в классическом языке: аттрибутивная форма на -ki, предикативная на -si и наречная (адвербиальная) на -ku.

[3]) В которой совпали аттрибутивная и предикативная формы классического языка.

отличие ее от прочих именных основ (напр., hana 鼻 и т. д.), однако, вполне несомненно и состоит в потенциальности образования ад'ективной парадигмы (а вслед за нею и ад'ективного спряжения), чего лишены, разумеется, настоящие („только—именные") именные (или существительные) основы.

Примеры основ прилагательных (ад'ективных): сиро (širo), ака (ака).

Примеры форм, характеризующих прилагательные:

Основная ад'ективная парадигма.

Аттрибутивно-предикативная форма: ši'roi akai.

Наречная (адвербиальная форма: 'široku akaku.

Спряжение прилагательных (ад'ективное спряжение)

Praeteritum 'širokatta a'kakatta

Conditionalis 'širokereba a'kakatta и т. д

Прилагательные основы также располагают „мостиком" для образования форм, принципиально-чуждых ад'ективному значению (и синтаксическим функциям, характерным для прилагательных)—именно для образования форм именного характера употребляется—при ад'ективных основах—тот же суффикс -no, который, как мы видели, исполняет ту же функцию и при глагольных основах:

Široi-no—образованная от прилагательного široi—просубстантивная форма, т. е. форма, употребляющаяся вместо имени существительного и с синтаксическим значением имени существительного; ср. 'kuru-no. Это široino (как и kuruno) может склоняться; словом, по функциям своим это уже имя или именная основа; по конструкции же—производное от прилагательного (как kuruno от глагола). Иногда можно встретить даже смежное сочетание суффиксов, играющих роль вышеуказанных „мостиков" (—из одной части речи в другую): напр., в форме kire:na-no мы видим: 1) именную (существительную) [1] основу kire: („краса") 2) суффикс Attributiv'ной формы (от именных основ) -na, превращающий комплекс kire:-na уже в прилагательное (с аттрибутивным значением—„красивый"), и, наконец, 3) суффикс -no, который образует от kire:na „красивый" (как от

[1]) Китайского происхождения; китайские же заимствования дают именно исключительно лишь именные основы.

прилагательной основы)—просубстантивную форму,– форму со значением и синтаксическими функциями имени (существительного), благодаря чему это kire:na-no может и склоняться (на правах именной основы), напр.: kire:-na-no-^{w}o (винительный падеж– Accusativ.), kire:-na-no-de (творительный падеж—Instrumentalis) и т. д.

3) Глагол (т. е. категория глагольных слов (—со значением действия) и совокупность производных от них форм), характеризуемый спряжением по временам, наклонениям и т. д., притом спряжением, принципиально и формально отличным и от спряжения предикативной формы имен (существительных) и от спряжения прилагательных; кроме чисто глагольных форм (т. н. форм verbi finiti) со значением действия, приписываемого в качестве признака какому-либо предмету или лицу („он ходит", „г-жа Ммэда придет" и т. д.) глагольные лексические морфемы образуют и некоторое количество форм с принципиально-иным значением: напр., именным—такова, например форма (о которой мы уже упоминали), служащая „мостиком" в категорию именных (существительных) слов: форма просубстантивного причастия на -no (kuru-no). Наконец, и сама, в изоляции взятая (т. е. лишенная суффиксов) глагольная основа—по крайней мере в известной части глаголов (т. н. II-го спряжения)—имеет именное значение, являясь **названием действия**[1]) (рассматриваемого уже не как признак, приписываемый лицу или предмету, а само в логической ситуации предмета) соответственно русским „отглагольным именам существительным—названиям действий", например, страдание, чтение, подражание и т. д.

Примеры глагольных лексических морфем или основ (условно ограничиваемся только основами так называемого II спряжения): de- tabe- kure- uke- oki- ki-| ku-| ko-, śi-| su-| se- и т. д.

Приметы форм, характеризующих глагольное словоизменение:

Две основых простейших формы глагольной парадигмы.

1) Простейшая форма verbi finiti так. наз. Praesens: de-r-u („выходит, выхожу, выходишь, выходят и т. д."), tabe-r-u („ест, ем, ты ешь, едим, едите, едят и т. д.").

2) Простейшая из глагольных форм с именным значением: сама глагольная основа, взя-

[1]) Ср. аналогичное же явление в категории прилагательных. ад'ективная основа (лексическая морфема), взятая в изоляции является именем (хотя и редко употребляемым)

тая в изоляции (без суффиксов),—со значением „имени (названия) действия“—т. н. Nomen verbale (глагольное имя).

Пример форм, составляющих спряжение по временам, наклонениям и т. д.

3) Praeteritum(прошедшее вр.): deta tabeta.

4) Imperativ. (повелительное): dejo tabejo

Примеры формы, служащей „мостиком“ в категорию именных (существительных) основ

5) Просубстантивное причастие (потенциально являющееся именной основой, т. е. потенциально склоняющееся по падежам): deruno, taberuno.

Не нужно, однако, думать, что теми примерами форм—„мостиков“, позволяющих основам (или лексическим морфемам) одной категориии образовывать принципиально отличные от значения этой категории слова), которые выше были приведены, данного характера конструкции (а значит и формальные морфемы) исчерпываются. Так, для ад'ективных основ нами были указаны: 1) просубстантивная форма на -no, а с другой стороны и 2) голая (бессуффиксальная) основа прилагательного, имеющая значение имени (хотя и редко употребляющаяся); но есть и другие образования того же (от ад'ективных лексических морфем) порядка (т. е. именного значения): назовем деад'ективные имена“, служащие названием качеств на-mi и -sa. О их специфическом значении (т. е. о различии в значениях слов на -mi и -sa) речь будет, разумеется, ниже. „Мостиком“ в глагольную категорию для ад'ективных лексических морфем могут считаться такие перифрастические (т. е. составленные из нескольких слов, но имеющие значение единой формы) конструкции, как: „адвербиальная форма от прилагательной основы (напр. śiro-ku)+глагол в форме verbum finitum: „arimas“ или же: адвербиальная форма в кратком своем виде[1]) (напр. śiro: или

[1]) В токиоском известная (в кратком дублете) лишь в данного рода сложениях. В западных же говорах она, наоборот, вообще вытеснила форму на -ku.

acu:)+verbum finitum: „gosaimâs“. Но в сущности глаголообразным образованием является уже и спряжение прилагательных (по временам): śirokatta acukatta, śirokereba acukereba и т. д. (см. ниже §28). То же может быть сказано, в сущности, и относительно спряжения предикативной формы имен (inu-deśta, inu-deśo: и т. д.). Эти формы спряжения имен могут, следовательно, быть сопоставлены—в данном отношении со спряжением деноминативных глаголов на -suru|-zuru (несмотря на то, что специфические значения у tabu-deśta и tabu-śita, разумеется, различны).

Точно так же и глагольные лексические морфемы—кроме вышеупомянутой формы просубстантивного причастия на -no (ˈkuro-no)[1]) имеют и другие пути („мостики“) к образованию существительнообразных слов (способных быть основами именного словоизменения, т. е. склоняться по падежам). Назову, например, своеобразное (по специфическому своему значению) просубстантивное причастие, образуемое через прибавление к verbum finitum, напр. к. настоящему времени—(Praesens) суффикса -tokoro[2]) и имеющее значение причастия с подразумеванием одновременности действия данного (выраженного причастием) придаточного предложения с действием главного предложения.

Надо помнить, что, имея необходимость—в вопросе о частях речи—упомянуть о подобных, играющих роль „мостиков“ конструкциях, мы хотели дать лишь примеры их, но отнюдь не имели в виду полный их перечень, для чего будет место в соответствующих отделах морфологии, посвященных отдельным частям речи. Пользуясь же приведенными нами примерами именно лишь

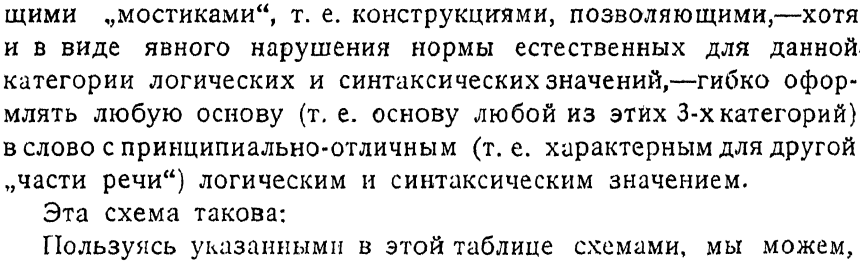
---

[1]) А также простейшего Nomen verbale,—голой (бессуффиксальной) глагольной основы, (напр. de, tabe).

[2]) Морфема tokoro известна в японск языке, разумеется и не только как формальная, но и как лексическая морфема—tokoˈro со значением „место“. Но в данном образовании (этого своеобразного по значению, просубстантивного причастия) это слово (—tokoro) уже вполне грамматикализовалось т. е. утратило лексическое свое значение (японец говорит такую например, фразу: bukubuku-suru-tokoro-wo usagi-wa kai-de tataite uci -koroś i ta „когда тот пускал пузыри (утопая), заяц его прикончил веслом (эквивалент в нагасакском говоре дер. Мие bukubuku-śijoi-tokoi ba osaˈg'a: kˈa re uttatˢa.ˈte ucikoreˈte śimo ta — „Психофон. набл“ стр. 9, 24),“ вовсе не мысля в ней значения „место“.

как примерами (частного случая данных форм) можно дать следующее схематическое изображение основных категорий основ (—3-х основных „частей речи“) вместе со взаимно их связывающими „мостиками“, т. е. конструкциями, позволяющими,—хотя и в виде явного нарушения нормы естественных для данной категории логических и синтаксических значений,—гибко оформлять любую основу (т. е. основу любой из этих 3-х категорий) в слово с принципиально-отличным (т. е. характерным для другой „части речи“) логическим и синтаксическим значением.

Эта схема такова:



Пользуясь указанными в этой таблице схемами, мы можем, напр., проследить состав формы кирэинаноо (kire:-na-no-wo) след. образом:

Основа kire: — именная основа (как и всякое кит. заимствование вообще) со значением „краса“.

-па — «мостик» (для именных основ) в категорию прилагательнообразных слов, т. е. суффикс Attributivi, образующий, следовательно, прилагательную (с аттрибутивным значением) форму от имен (существительных). Значение суффикса -па может быть поэтому сравнимо со значением суфикса -*н*-(ый) в русских словах небес-*н*-ый, бед-*н*-ый, книж-*н*-ый, и вся форма kire: na может быть сопоставлена с русским прекрас-*н*-ый.

-по — «мостик» для прилагательных (или прилагательнообразных) слов в категорию имен, — суффикс просубстантивной формы от прилагательного, а в данном случае от прилагательнообразного kire: na. Значение kire:-na-no — „некто красивый, некий красивый, нечто красивое“ (франц. le beau).

-о(=-^{w}о) — одна из формальных морфем типичного именного словоизменения, т. е. склонения по падежам — суффикс Accusativ'a (винительного падежа); следовательно, kire:-na-no-^{w}o — винительный падеж от (сложной по своей словообразовательной конструкции) основы склонения kire:nano. Общее значение формы: некоего красивого, нечто красивое (в винит. падеже).

Остается сказать 1) о так называемых, „неизменяемых словах“, 2) о подразделениях **основных частей речи**, в частности имен, на морфологические **подклассы**. Окажется, однако, что вопросы эти составят, в значительной мере, в общем — один лишь вопрос, так как значительную часть так называемых „неизменяемых слов“ удастся рассматривать именно как подкласс имен

XXVI

В числе так называемых „неизменяемых слов" прежде всего обращают на себя внимание (по статистике их) слова, соответствующие по значению русским наречиям — а потому и называемые обычно „наречиями" и с точки зрения японского языка (это наименование — с учетом всего нижесказанного — и мы будем сохранять за ними)

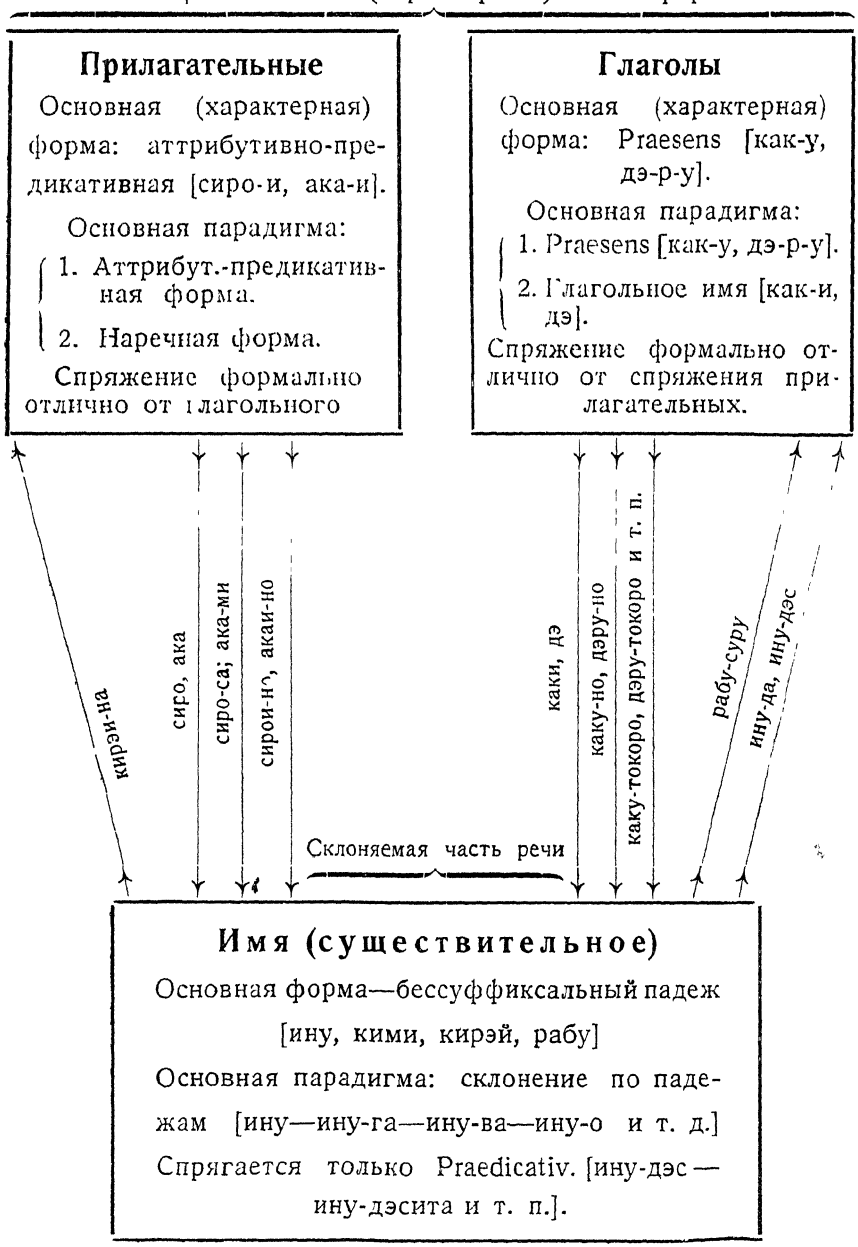
Оговоримся, прежде всего, что здесь рассмотрению не подлежат наречные (адвербиальные) формы прилагательных: ˈ śiroku и т. д., так как конструкция их уже выяснена и с нашей точки зрения, имеющей в виду в классификации по частям речи основы со всеми относящимися к ним формами, это будут элементы ад'ективного словоизменения — т. е. определенные формы от прилагательных основ.

Речь пойдет о других „наречиях" — не способных трактоваться как адвербиальные формы прилагательных или глагольных (как напр. ситагаттэ и т. д.) основ, — о словах, называвшихся **неизменяемыми** в том смысле и потому, что рядом с ними исследователь затруднился бы поставить форму, родственную к ним, отличную от них лишь по суффиксу словоизменения. Однако, для большего числа случаев таких „наречий" вопрос о выделении их в особую часть речи вовсе не возникал бы у европейских авторов японской грамматики, если бы они не руководствовались тем, что в переводе на европейские языки (например, русский) данным словам соответствует (русское, например) **наречие**. Например, слово ⌜ima 今 по переводным (на европейские языки) ассоциациям причисляется к наречиям — ибо в переводе на русский ему соответствует наречие „теперь". Между тем, с точки зрения японской морфологии,— ⌜ima — есть не более как именная основа в бессуффиксальном падеже, основной функцией которого, как мы увидим ниже, и является выражение наречных или обстоятельственных значений [1]), но не подлежащего или определения, как у бессуффиксального падежа в турецких или восточно-финских языках. И нельзя отрицать, что ⌜ima обладает таким (первостепенным) признаком имени, как склонение (по падежам), ибо можно образовать такие например,

---

[1]) В частности, выражение времени действия — в случае определенного значения лексической морфемы.

Части речи несклоняемые [точнее—неимеющие полного склонения] в основных (характерных) своих формах.



падежные формы, как ⌜imani, ⌜imaniwa (т. е. дательный и сложный падеж — дательный-выделительный).

Следовательно, слово ⌜ima вполне может быть соизмеряемо (в морфологическом отношении) со словом ⌜asa „утро“, „утром“, которое, являясь, бесспорно, именем (существительным), в данной своей форме бессуффиксального падежа тоже имеет наречное значение: „утром“ [1]). Разница лишь в статистическом соотношении функций у склоняемых (по суффиксальным падежам) форм той и другой основы: суффиксальные формы от ⌜asa будут более часты (*и*, так сказать, вполне нормальны в лексико-статистическом отношении), а ⌜ima, может быть, чаще будет встречаться в бессуффиксальном, чем в суффиксальном падежах.

И в действительности не трудно убедиться в том, что большинство слов, которые можно было бы относить к „наречиям“ на том основании, что они на русский язык переводятся наречиями, потенциально образуют несколько или хотя бы один суффиксальный падеж, — например, дательный на -ni. Это, следовательно, будут ни более ни менее как имена, формально отличающиеся от обыкновенных имен лишь **дефективностью** склонения, т. е. тем, что из всей совокупности наличных в именной парадигме падежей, от данных основ (—„наречий“) употребляются лишь Casus indefinitus (—бессуффиксальный падеж) и **ограниченное** число суффиксальных падежей.

Но даже и в том крайнем случае, где „наречие“ будет встречаться **исключительно** лишь в форме Casus indefinitus (—этот случай будет, однако, в значительной мере, теоретическим), мы не должны видеть принципиальной разницы с явлениями только что рассмотренного порядка: здесь будет лишь **крайняя** степень дефективности склонения — отсутствие всех падежей, кроме бессуффиксальных; следовательно, с формальной точки зрения и такого рода наречия мы можем причислять к именным осно-

---

[1]) И в том говоре, который обладает особым (хотя и дефективным по употреблению — лишь от очень небольшого числа основ) падежом для выражения времени действия—Casus Temporalis — в говоре Тоса, обе данных основы употребляются со значениями „теперь“, „утром“ именно в данной форме ⌜imar'a (от ima), ⌜asar'a (от asa ←asâ)

вам, хотя с практической точки зрения такой факт, как утрата всего склонения — за исключением „специфически-наречного“ по своим функциям, т. е. бессуфиксального падежа — не оставляет сомнений в своей важности, и дает право выделять, но уже внутри категории именных основ — группу основ, обладающих **минимальной склоняемостью**, что, естественно находит об'яснение и в общих основам данной группы смысловых особенностях (т. е. в том самом, что дает повод называть их „наречиями“ со смысловой точки зрения).

К этой же группе (т. е „наречной“ подгруппе именных основ) в японском языке отойдет и известный ряд основ, которые на русский язык будут переводиться не наречиями, а союзами [1]), например, слово сатэ

Однако формального различия—с точки зрения японского языка — между этими союзного значения „наречиями“ и другими „наречиями“ (т. е. дефективными по словоизменению именными основами) усматривать не приходится.

Мы не говорим здесь, разумеется, о тех наречных по значению (переводящихся русскими наречиями) словах, которые раз'ясняются (и сознаются языковым мышлением современного японца) как формы от другой какой-либо части речи. Мы сделали выше оговорку по этому поводу относительно наречных (адвербиальных) форм прилагательных, напр. ⌈śiroku akaku и т д (см. стр. 21); но то же самое следует сказать и относительно всей категории адвербиальных форм от глагольных основ (напр., śitagatte), а равным образом относительно суффиксальных падежей от именных основ.

Итак, о категории „наречий“ мы будем говорить лишь как о некоей подгруппе внутри совокупности именных (существительных) основ.

* * *

Из всех подобных подгрупп, которые можно выделять внутри столь обширной (в японском языке) категории, как именные (в широком смысле) основы, наибольшей определенностью и

---

[1]) Хотя сюда войдут далеко не все союзы; главная и сцецифическая часть союзов, как типовых, составит группу т н „синтаксических суффиксов“ (формальную параллель к ним в русском языке мы найдем в „словечках“ или „синтаксических суффиксах“ *же/ж*, *ли/ль*, см ниже стр 41

наиболее явными признаками (относительной) самостоятельности обладает группа так называемых ономатопоэтических слов (onomatopoëtica), или слов — „звуковых жестов", например, ˉpika-pika ˉguru-guru и т. п. Но прежде, чем перейти к формальной характеристике этой „второстепенной части речи", нужно сделать краткое отступление о двояком характере морфологических средств (а значит, и формальных признаков у той или другой части речи) в японском языке, в связи с гипотезой исторического об'яснения этого дуализма японской морфологии.

В общем и целом, т. е. точнее именно: не в общем и не в целом, а лишь в статистически-доминирующем типе японских морфологических явлений, японская морфология является морфологией **суффиксальной**, что сближает ее с чисто-суффиксальными морфологическими системами континентальных—именно «алтайских» языков[1]). Совпадение это (доминирующего суффиксального типа грамматических форм в японском с исключительно-суффиксальными образованиями «алтайских»—включая корейский—языков находит себе историческое об'яснение в том генезисе японского языка, который устанавливается компаративным путем: в формацию японского языка широкой волной вошли или даже, может быть, несколько раз последовательно входили [2]) континентальные—именно «алтайские» или «алтайско»-корейские элементы. Но, подобно гибридности антропологической формации японского народа, компаративный метод

---

[1]) В отношении японского словаря это многократное вторжение континентальной языковой стихии на японскую почву, устанавливается с бесспорностью можно различать, по крайней мере три различных источника (в различные эпохи) алтаизмов (т. е. алтае-кореизмов) японского словаря

[2]) Третий элемент, вторжение которого также оставило заметное влияние на фонетическом строе и в особенности на словаре японского языка,—это китайский язык Но роль его относится уже к исторической эпохе, и при этом причиной вторжения кит элементов в яп. язык служило не этническое смешение, а громадное культурное значение Китая; вот почему, несмотря на весьма значительный % кит. заимствований в яп. словаре, влияние китайской фонетики на японскую ограничивается, в общем, сравнительно немногими фактами (в области фонетики современного японского языка, за счет китайского влияния мы относим такие черты, как появление „парных палатализованных согласных", слогов на носовые N и *M, заднеязычных лабиализованных k^w и g^w, но систему музыкального словоударения приходится, вне всяких сомнений, относить не за счет китайского, а за счет аустронезийского наследия),

устанавливает и гибридную формацию японского языка (о чем говорит не только состав словаря, но и сличения типовых сходств фонетических, а также и морфологических систем): кроме континентальных элементов, за счет которых (в значительной, по крайней мере части) приходится относить происхождение суффиксальных образований в японской морфологии, удается констатировать и противоположное по географическому направлению «океанское» (南洋) или аустронезийское влияние, т. е. участие—в гибридной формации японского языка—известных представителей аустронезийских, или малайско-полинезийских (точнее малайско-полинезийско-меланезийских) языков. И вот те спорадические для японской морфологии явления, которые не есть явления суффиксального характера, — а именно формации префиксального и редупликационного характера, мы склонны относить за счет аустронезийского наследия — тем более, что эта группа явлений на правах некоего чужеродного тела резко выделяется на общем фоне суффиксального строя японской морфологии.

Нужно иметь в виду, что сближение это (префиксальных и редупликационных образований японского языка с аустронезийскими средствами морфологии) делается нами, конечно, не просто на основании того, что аустронезийским языкам,—в отличие от „алтайских" — присущи префиксация и редупликация в качестве морфологического средства, а в результате констатирования ряда детальных конкретных сходств, делающих вышеуказанное общее утверждение уже не гипотетическим, а доказуемым [1])

[1]) О материальном совпадении японского префикса ma — в интенсивных образованиях типа ma-kkuro, ma-nnaka и т. д. (являющихся сразу примерами и префиксации и редупликации — в стяженной до minimum'а ее форме) см. Е. Поливанов „Одна из японско-малайских параллелей", в Изв. Ак. Наук, 1919. За генетическую связь японских редупликационных форм в onomatopoetica с аустронезийской редупликацией говорит ряд общих особенностей, — между прочим, полное тожество количественно-фонетической формы тех и других в виде повтора двусложной основы типа C_1VC_2V (и в частности — $C_1V_1C_2V_1$ — напр., яп. guru-guru gusu-gusu малайск doro-doro).

Оговоримся только, что не каждое из образований, способных в современной японской граматике трактоваться как префиксальное, оказывается исконной префиксацией аустронезийского происхождения. Так напр., „префикс" mi- (по этимологии точно соответствующий рус.-нем. *лейб-* (*Leib* „тело") в **лейб-гвардия, лейб-медик** и т. д.) надо сопоставить с именной основой mi в miwo nageru и т. п.

И вот наличие словоизменения по данным двум направлениям: префиксальному и редупликационному, дает как бы зародыш возможности построить вторую классификацию основ по „частям речи“, независимую от классификации, построенной на формальных признаках суффиксального порядка. Напр., совокупность основ, участвующих в префиксально-редупликационном образовании интенсива типа ma-kkuro, могла бы составить нечто вроде „категории основ, выражающих качество“ (т. е. своего рода категорию прилагательных с формальными признаками префиксально-редупликационного порядка), но эта категория вовсе не совпадает и не умещается в категории прилагательных (по суффиксальным признакам): в нее войдут, напр., и такие именные (существительные) — с точки зрения суффиксальной морфологии—основы, как naka ɕira (·pira): mannaka, mappira [1]).

Но количество префиксальных и редупликационных образований в нынешнем составе японской морфологии — по сравнению с лексическими элементами суффиксального словоизменения — настолько незначительно (— им отведены как бы „задворки морфологии“ — с немногочисленными и вполне специфическими функциями), что построить цельную классификацию „частей речи“ японского языка по этого порядка формальным признакам, конечно, не удается [2]). Есть только обрывки ее и

Тут имеет априорное значение еще и то обстоятельство, что в аустронезийских языках редупликация есть морфологическое средство (— прием формообразования) par excellence· в ряде языков оно живет в ряде функций и поныне в первоначальном своем виде — полной редупликации (полного удвоения) основы, ср. меланезийские и тагальские параллели к японскому интенсиву типа ma-kkuro — ma-nao-nao в одном из меланезийских языков и ma-butiy-butiy в тагальском (ср. также в языке Илокано промежуточную ступень — к японскому minimum'y редупликации в ma-kkuro: Илоканск ma-saksakit вм. *ma-sakit-sakit «infirmus»). На ряду с этими в целом ряде других форм мы реконструируем полную редупликацию для древнего языкового состояния Так напр., все тагальское спряжение раз'ясняется как стяжение редупликационно-префиксальных форм

[1]) Из этого ясно, что образование интенсива предшествовало тому делению основ на именные (существительные) и прилагательные, которое характерно для современного яп. языка

[2]) Ср, однако, используемость префикса o- в качестве потенциального признака именно именных основ. С другой стороны, можно было бы говорить (но с рядом оговорок) о редупликационном Pluralis iterativum типа śima-źima (которое по формальным методам — наличию „Нигори“ — отлично от редупликаций в ономатопоэтиках) — тоже в качестве признака именных основ.

к ним-то, прежде всего, и относится формальная характеристика основ onomatopoëtica (точнее — одного, наиболее характерного — во всех отношениях — типа ономатопоэтических основ), характеризуемых парадигмой из двух (разной конструкции) редупликационных форм. Относящиеся сюда основы мы будем по количественно-фонетическому признаку — называть двусложными ономатопоэтическими основами (напр., pika-, guru-); онито и составляют вполне специфическую с точки зрения внутренней морфологической структуры, часть речи, словоизменение (парадигма) которой состоит из следующих двух форм:

1) форма полной редупликации (двусложной ономатопоэтической) основы: ˈpikapika, ˈguruguru и т. д. К формальным моментам ее характеристики относится также наличие начального ударения — во всех говорах — или на первом слоге одного первого повтора (напр., киотоск. ˈpi̲kapika) или, дублетно, на первых слогах обоих повторов (киотоск. ˈpi̲kaˈpi̲ka), а также некоторые другие фонетические особенности;

2) форма со стяжением редупликации до удвоения одного только второго согласного и с суффиксом -ri (напр pikkari).

Однако благодаря тому, что потенциально ономатопоэтики этого вида играют роль наречий и, подобно наречиям, втягиваются частично в именное словоизменение (при чем форма ономатопоэтической парадигмы выступает в роли именной основы), мы вправе, с точки зрения суффиксальной морфологии, рассматривать каждую из этих двух форм как именную основу — хотя бы указанные функции (вовлеченных в именного типа формации) ономатопоэтик и были лишь окказиональными и ограниченными в фактическом употреблении. Действительно: поскольку любая из форм ономатопоэтической парадигмы приемлет, например, суффиксацию -suru, т. е. образует деноминативный глагол, по той же схеме, что и именные основы, она — в данном отношении, т. е. с точки зрения общих норм суффиксальной морфологии, — есть именно именная основа; ее же внутренняя конструкция (делающая ее особой частью речи с точки зрения редупликационного образования) — это уже другое дело: это словоизменение, которое с только-что указанной точки зрения (общих норм суффиксальной морфологии) может рассматриваться как словообразование (или „**осново**образование“).

Но можно назвать также и другие суффиксации, тоже делающие эти ономатопоэтические формы основами именного словоизменения (суффиксация -to, напр. pika-pika-to и т. д.).

В семантическом отношении категория ономатопоэтических слов — или „звуковых жестов", — слов, выражающих не понятия, а ощущения, и в связи с этим не переводимых на русский язык (или другие западно-европейские языки [1]), конечно, может считаться вполне определенной, обособленной от других основ японского языка, которые даже могут быть противополагаемы на правах „нормальных" или **„нормально-значущих** (т. е., выражающих не ощущения, а понятия) элементов японского словаря [2]). И в частности, это приложимо именно к данному — наиболее типичному классу ономатопоэтик (характеризуемому двухсложностью основ и вышеуказанной парадигмой типа pika-pika/pikka-ri), который позволительно будет называть „чистыми ономатопоэтиками"—в отличие от другого класса (типа ˈčanto), по функциям своим близящегося уже к наречиям (и потому называемого нами **адвербиальными ономатопоэтиками** или ономатопоэтическими наречиями).

Во всяком случае, следовательно, в лице ономатопоэтических основ мы имеем наиболее своеобразную (в морфологическом и семантическом отношениях) из „второстепенных частей речи", выделяемых нами внутри именной категории (как „основной части речи").

---

[1]) См „Поэтика" Сб-к изд Опояза, Е. Поливанов „О звуковых жестах японского языка".

[2]) Хотя не надо думать, что это принципиальное различие основ ономатопоэтических от „нормальных" основ японского словаря (напр, глагольных, именных и т. д) идет искони наоборот, есть все основания полагать, что в дояпонскую эпоху (до скрещения с источником суффиксальной морфологии) основы, вошедшие в нынешнюю категорию ономатопоэтическнх, были вполне „нормальными" и в семантическом и в формальном отношениях. Ср. например, родство нынешней ономатопоэтической основы pika в pika—pikka-ri (про блеск молнии) и „нормальной" (в лексическом и морфологическом отношениях) глагольной основы çikar-u/çikar-i (из*pikar-i ← *pika-ri) „блестеть". Ведь надо полагать, что некогда (как и поныне в типичных аустронезийских языках, в том числе в малайских, напр. тагальском) редупликация была нормальным приемом формообразования в классах вполне „нормальных" основ (пережиток этого мы видим, кроме ономатопоэтик, и в Pluralis iterativum типа сима-дзима и т п.

Вопрос о местоимениях **в целом** — куда вошли бы, например, и такие „эквиваленты русских личных местоимений", как ватакуси, аната, о-маэ и т. д. — явится уже вопросом совершенно иного порядка, чем вопрос об ономатопоэтиках (как более или менее самостоятельной части речи). Вполне явными специфическими формальными признаками обладает, собственно говоря, лишь очень немногочисленная—демонстративно-интеррогативная группа местоименных основ, состоящая в современном языке из следующих единиц:

Демонстративные (указательные или — что почти то же — личные 3 лица) местоименные основы (или морфемы)	1-го геометрич плана	ko
	2-го „ „	so
	3-го „ „	a-/as(u)-
Интеррогативная (вопросительная) местоименная основа (или морфема)		do

Примечание: С последней основой (do) лексически соседят (т. е. принадлежат к одному и тому же семантическому гнезду) еще несколько засвидетельствованных в единичных формах основ: дарэ „кто"?, идзурэ, нани; но в **систему** данного „внутреннего формообразования" местоимений они не входят.

Эти основы образуют ряд строго координированных друг с другом (или по суффиксу или по местоименной морфеме) форм различного синтаксического назначения, как-то:

1) просубстантивную (т. е. именную) форму, равняющуюся, следовательно, — при указательных основах личному местоимению 3 лица (но с различиями по трем геометрическим планам); суффикс — -re; следовательно, формы эти таковы: ko-re, so-re, a-re, do-re. К ним примыкают (по формальному признаку) dare, izure, а в известной мере — о чем речь пойдет ниже — также личные местоимения 1 лица ore ware (диалектически ware — 2 лица).

2) аттрибутивную форму на -no: ko-no, so-no, a-no, do-no

3) наречную форму („так" и „как"?): ko:, so:, a:, do:

4) именные формы со значением места (pronomina loci): ko-ko, so-ko, as(u)-ko [диалектическ. a-ko], do-ko („тут", „там" и „где"?)

5) Именные формы со значением направления или места koćira... или kotći...

6) Именные формы со значением (уже вторичным [1]) уважаемой персоны, т. е. вежливого личного местоимения: ko-nata...

Эта группа тесно связанных одна с другой форм дает, конечно, право на выделение указанных основ в особую морфологическую категорию. Но именные (т. е. просубстантивные) формы этой парадигмы (начиная с kore sore и кончая koko, soćira и donata) являются в то же время обычными именными основами, поскольку они склоняются наравне с прочими именами. И, следовательно, оставаясь на точке зрения класификации по основным частям речи, мы можем смотреть на всю вышеуказанную парадигму [2]) как на внутреннего порядка явление внутри имен, образуемых от (таких-то) местоименных морфем. Или, что тоже, как на **систему словообразования** определенной группы имен и прилегающих к ним аттрибутивных и наречных форм.

Но этим (и этой группой основ), в сущности, формальные особенности местоимений, как таковых, и исчерпываются (для токиоского говора [3]). Некогда бывшие в тесном родстве с ko-re so-re a-re личные местоимения ore ware уже вполне порвали это родство [4]) и (не говоря уже о сокращении их словарных функций [5]) являются в формальном отношении настоящими именами (существительными).

---

[1]) Первоначально — направления и места („та сторона".), для японского языкового мышления вообще является типичным именование лица по занимаемому им месту в пространстве

[2]) Которой мы легко найдем параллели в самых различных языках (напр., в греческом).

[3]) В нагасакском (гов. д Мие) мы встречаем, наоборот, процесс нарастания и закрепления индивидуальных формальных особенностей местоимений — настолько, что получается известная возможность говорить о категории местоимений, в целом, как об особой части речи К числу формальных признаков относится например, чередование i/-re: в двух основных для деклинационнсй парадигмы падежах (Casus indefinitus и Dativ-Locativ), тогда как в (обычных) именах нормально i/ri , а также своеобразное (и в акцентуационном и в прочих отношениях) образование Pluralis . o i—oro mo ,Subjectiv. o(ro)ma: и т. д. Правда, признаки эти распространяются еще не на все местоименные основы, но тенденция к созданию особой категории, бесспорно, уже налицо

[4]) В отличие от нагасакского: см. предыдущее примечание.

[5]) Именно в токиоском, где личное местоимение 1 л. ore стало напр. принадлежностью исключительно-грубой (по отношению к собеседнику) речи. В провинциальных говорах (напр. кюсюских), наоборот, o-re[или → o-i], не утра-

В еще большей мере последнее может быть сказано относительно таких „местоимений", которые никогда местоимениями в формальном отношении и не были (если не иметь только в виду местоимений характера первой морфемы в этих Composita), каковы напр. ватакуси (и его стяжения), происходящее из wa- + + глагольное имя takusi, или же o-mai (именная основа mae „перед" с префиксом o-), te-mai (te „рука" + mae „перед"; te-mai имеет, кстати сказать, значение 1 или 2 лица — в зависимости от диалекта).

Единственным признаком, который, казалось бы, можно было бы выделить, как общую черту личных (включая и 3 лицо) местоимений, оказывается образование множественного числа. Но при более внимательном рассмотрении приходится лишить его этой роли: 1) образование множественного числа (в японском его правильнее относить к словообразованию, а не к словоизменению) характерно не только для личных местоимений, но для более обширной категории внутри имен существительных—именно для нарицательных имен лиц (ср. онна-тати, кодомо-ра: и т. д.). В состав этой группы „нарицательных имен лиц" естественно войдут и личные местоимения[1]), но данный признак (наличие формации множ. числа), конечно, при таких условиях не может быть взят за черту, характеризующую **лишь** местоимения. 2) В формальном отношении это образование (мы его причислим к словообразованию) множественного числа не имеет постоянной картины: здесь царит разнообразие (т. е. выбор разных суффиксов Pluralis) в зависимости от индивидуальных особенностей семантики каждого имени лиц (точнее: имени категории лиц) или каждого личного местоимения, — черта опять-таки характерная именно для формаций словообразовательного а не формообразовательного порядка (— по кр. мере в агглютинативных языках).

Таким образом, оговорив наличие особой системы (или парадигмы) „внутреннего формообразования" у некоторых (именно -демонстративно-интеррогативных) из прономинальных основ, мы

тило роли основного местоимения 1 лица (хотя и не принадлежит к „вежливым формам").

[1]) Наиболее, так сказать, нарицательные, т. е обладающие уже на целую ступень высшей степенью абстракции (по сравнению с такими именами как напр. женщина, ребенок и т. п.).

здесь должны и закончить формальную характеристику местоимений, как таковых (для современного токиоского говора), не найдя т. о. оснований на выделение местоимений в целом в особую основную часть речи.

Иное дело было, нужно полагать, в древнем состоянии языка: к отчетливо-очерченной категории местоименных основ принадлежали не только ko- so- a- do-, но и такие морфемы, как o- wa-, заставаемые нами в составе токиоских ore ware или нагасакских (д. Мие) o|i „я“ wa|i „ты“ (sic!). Общей чертой служил им не только суффикс — -ıe [1]), но и количественно-фонетическая характеристика местоименной морфемы: как именные, так и ад'ективные и глагольные коренные морфемы, в виде общего правила [2]), двусложны (глагольные основы типа (C)VC-, напр. kir- „резать“ *kap- „покупать“ и т. д. мы также считаем двусложными на вполне понятных — для японской фонетики — основаниях), а указанные местоименные морфемы оказываются исконно-односложными, т. е. в данном (количественно-фонетическом) отношении носят общую характеристику с формальными морфемами (— суффиксами и префиксами). В этом мы не должны находить, однако, повода к удивлению, если мы вспомним, что в логическом отношении местоименные значения обладают нисколько не меньшей степенью абстракции, чем это свойственно, в виде общей нормы, формальным морфемам (да, ведь, в ряде языков лично-местоименные значения именно и занимают один из важнейших рядов формальных морфем — в парадигме личного спряжения). Итак, общий принцип распреде-

---

[1]) В нагасакском говоре д. Мие (и сходных с ним прибрежных говорах) заменившийся через -ı, — благодаря местному историко-фонетическому процессу *Vri → Vi, который вовлек в общее свое русло также и некоторые комплексы Vre (а также и некоторые случаи Vru, Vro и Vra), стоявшие в специфических морфологических и фонетических условиях.

[2]) Которое тем меньше встречает исключений, чем глубже мы продвигаемся в реконструируемую (путем историко-фонетического анализа) историю японского словаря: ряд односложных лексических основ (который, впрочем, и в современном языке, невелик — если мы не будем иметь ввиду, конечно, китайские заимствования) оказывается восходящим к древним двусложным: ср, напр, токиоское (и обще-разговорно-японское) de-(-r-u) (нагасакск — говор д' Мие — re/zu-i ← *du-r-u), восходящее, как показывают классическая и рюкюская формы к двусложной (с аблаутом) основе *n'de/*n'du-, откуда класс. ide/ıdu (→ izu), рюк nzi|nzı-ju(-ŋ)

ления фонетического количества—соответственно двум различным в логическом отношении категориям основ,— оказывается указанной односложностью исконно-местоименных основ как раз не нарушенным, а наоборот, соблюденным. (Эта количественная характеристика—т. е. именно односложность морфемы—может быть усмотрена, как в древнем яп. языке, так, разумеется, и ныне — у тех местоименных морфем-основ, которые являются важнейшими членами вышерассмотренной парадигмы внутреннего местоименного словообразования).

Итак, в древности имелась некая категория местоименных морфем-основ, куда входили, как морфемы, известные нам ныне как указательные (ko- so- a-), так и засвидетельствованные в функции персональных (личных) местоимений (o-, wa- и сходные с ними местоименные основы классического яп. яз.), а также может быть, и некоторые другие. Естественно допустить, что все они об'единялись и общей семантической чертой (т. е. были или все персональными, или все указательными); при этом, позволительно думать, что—для глубокой, по крайней мере, древности — всё это были местоимения указательные. За это говорит и 1) то, что в разных диалектах мы находим мену значений у этих основ: так o-, сохраняющее в японском значение 1-го лица, в рюкюском (в форме u- в составе местоимения u-ri [из *o-re], являющегося эквивалентом японского so-re, служит указательным 2-го геометрического плана (т. е. эквивалентом японского so-); wa-, известное токиосцу, со значением 1-го лица, в западных и южных говорах имеет значение 2-го лица (киотоское ware, нагасакский говор д. Мие wai „ты“) [ср. подобное же расхождение у quasi местоимений новой формации, в роде te-mai и т. д.]; 2) генезис персонально-прономинальных значений („я“, „ты“) из демонстративно-прономинальных („сей“, „тот“) вообще представляется вероятным—и находит параллели, между прочим, даже в новейшей истории японского языка — в развитии новых личных местоимений (типа anata, киотоск. konata kotći) именно из Composita с демонстративно-прономинальной первой морфемой.

Итак, отказывая японским эквивалентам русских местоимений в целом — в праве считаться особой (противополагаемой именам существительным) частью речи, мы, тем не менее, находим в формообразовании от некоторых (хотя и весьма немногих)

местоименных основ достаточно специфических фактов, которыми должен быть занят особый отдел **внутри** морфологии имени. К признакам этих местоименных морфем-основ относится и количественно-фонетический момент (односложность), по которому они заслуживают сравнения с формальными морфемами, с которыми их легко, разумеется, сблизить и в семантическом отношении).

Следующим подклассом имен мы выделяем числительные. Выделение это не встречает, понятно, затруднений с семантической точки зрения, но нуждается в ряде оговорок в отношении формальной стороны. Прежде всего, надо заметить, что в смысловой категории числительных приходится различать, соответственно их историческому генезису, два вида формально-отличных основ: 1) основы чисто-японского происхождения, из которых в современном языке фигурируют только числительные 1—10. [О спорадических случаях других основ, как напр., so „10" в mi-so-ka, речь должна итти, пожалуй, лишь в этимологическом словаре современного японского языка]. О их формальной характеристике нам здесь и имеет смысл говорить. 2) Основы китайского происхождения (i|ci |ni saŋ и т. д.), являющиеся настоящими именами существительными (если не считать пересаженной из китайского же языка формации порядковых от этих основ — посредством префикса dai 第; но эти префиксальные формы, в свою очередь, также являются именными основами для японской морфологии).

Нижеизложенные формальные признаки категории числительных относятся, повторяем, лишь к чисто-японским основам 1—10. Они таковы:

1. Голая (бессуффиксальная) основа японских числительных 1—9 („10" to: представляет в данном отношении исключение) не является именем, а следовательно и не склоняется, но имеет все-таки некоторые, и притом вполне своеобразные функции: эти основы (как и to: „10") употребляются в ритмическом счете. Правда, здесь, обычно, происходит удлинение гласного в односложных основах, а также и некоторые другие чередования (напр., çi çu: „1—2" вм. çito çuta так что, строго говоря, есть возможность различать голую основу числительного, с одной стороны, и форму ритмического счета — с другой [1]). (Кроме того,

[1]) А в говоре Тоса встречается еще дублет ра. (в ритмич счете) вместо ja—„8"

голая основа имеет композициональные функции — например, в φuta-ba 二葉 и т. п.).

2. Посредством двух специальных суффиксов образуются (от числительной основы) 2 разных формы именного характера (но основа to: опять-таки является исключением): это—

а) простейшая (с количественным значением) и обычная именная форма числительных „1—9", — с суффиксом -cu (-tu)

б) с суффиксом -n или (по аналогии к φuta-ri) -tari (т. е. φuta-n mi-tari и т. д. значат „двое", „трое", „четверо" или „сам-пят", „сам-шест" и т. д.).

3. Формация порядковых у этих основ отсутствует — взамен употребляются китайские основы с китайской уже префиксацией dai-.

4. Наконец в этимологическом отношении (но уже не для современного японского языкового мышления) весьма интересен факт **аблаута гласных** в основах, численные значения которых относятся друг к другу как 1 : 2 (факт этот впервые был подмечен Gabelentz'ем). Чередуются следующие гласные:

В ординарном числительном		В кратном числительном (т. е. в Dualis от ординарной основы)
i	———	u
o	———	a

Ср. праформы (обще-японские формы, восстановимые на основании орфографии в „КАНА"):

„1"	*pito	„2"	*puta
„3"	mi	„6"	mu
„4"	jo	„8"	ja

5. Соответственно русскому перечню „частей речи" или, что то же, соответственно перечню привычных для нас логических рубрик словаря, остается рассмотреть еще эквиваленты наших „союзов" и „междометий".

Об одной категории „японских эквивалентов русским союзам" мы уже говорили—когда речь шла о **наречиях**. Но наиболее типичной передачей значения наших „союзов" в японском служит категория так называемых „синтаксических суффиксов", которые найдут себе принципиальную параллель в таких русских „словечках" (а по существу дела — в суффиксах), как противительное **же/ж** (диалектическ. **жеж**), вопросительнос **ли/ль**.

Японские морфемы этого же рода — противительное -ŋa („но") [1]), -kara со значением „ибо" [2]), вопросительное -ka, -to, заканчивающее собой прямую речь (-to) [3]) и т. д.—не являются самостоятельными словами в фонетическом отношении (для -ŋa, например, это доказывается тем, что в начале этой морфемы произносится ŋ (носовое „г"), которое в начале *слова* невозможно). Морфемы эти, тем не менее, нельзя считать формантами какого-либо словоизменения (какой-либо части речи), ибо будучи потенциально присоединяемы к любой части речи, они семантически связаны не с данным лишь предшествующим им словом, но с целой фразой (или предложением): или связывают одну фразу с другой (как -ŋa -kara), или вносят специфический момент в значение данной фразы, как таковой (напр., -ka, делающее фразу вопросительной и в этом отношении являющееся эквивалентом нашей вопросительной мелодии голосового тона[4]), или же -wa (частое в женской речи и придающее фразе эмфа-

---

[1]) Конечно, это -ŋa (синтаксический суффикс со значением „но") отнюдь не должно смешиваться с падежным суффиксом -ŋa, — напр. в hana-ŋa 'нос' и т. д. Совпадение здесь гомонимического характера, и на принципиальное различие обоих суффиксов указывает не только их значение само по себе но и известный формальный признак: их *фразовые* позиции

[2]) Следует отделять от суффикса Ablativ'a -kara (хотя *этимологическая* связь между обоими суффиксами и вполне вероятна). Отметим диалектическое соответствие для данного синтаксического суффикса (со значением „ибо"): ток. и киотск. — kara || Тоса -keni или -kini || нагасакск. -keŋ (из *ke-ni), тогда как суффиксу Ablativ'a во всех этих говорах соответствует -kara (дублеты — kar' и kaa в Кумамото и Сацума — явление чисто-фонетического происхождения)

[3]) Следует строго отделять от -to социативного, которое обладало (и доныне обладает в западных говорах), отличной от данного синтаксического суффикса акцентуационной характеристикой: суффикс Sociativ'a -to чередуется по тону в зависимости от тона конечной меры основы, а -to, заключающее прямую речь — всегда низкого тона. Кроме того оно имеет следующее диалектическое соответствие: ток. -to || во многих западных -te || нагасакск. tte (а суффикс Sociativ'a — всюду -to).

[4]) Укажем здесь на общее явление, что, в виду принципиальных различий функций мелодии голосового тона в японском языке по сравнению с русским, многие значения (именно фразовые), ассоциирующиеся в русском с той или другой интонацией (т. е. мелодикой голосового тона), в японском выражаются словарно — посредством особых морфем (в данном случае синтаксических суффиксов).

тический характер [1]). Поэтому, не будучи словами (как уже было указано) по фонетической своей характеристике, эти „синтаксические суффиксы“ в **морфологическом отношении** заслуживают самостоятельного рассмотрения (на правах особой части речи), так как ни в какой из рассмотренных нами частей речи их нельзя рассматривать — **ни на правах суффиксов словоизменения тех или других основ, ни на правах самостоятельных слов (или основ)**; а между тем, общая принципиальная характеристика, позволяющая об'единить их в качестве „синтаксических суффиксов“, у этих морфем, бесспорно, имеется, и в ней мы найдем не только семантического, но и формального порядка признаки: напр., позицию на конце фразы, управляемой [или характеризуемой] данным синтаксическим суффиксом. Вот почему рассмотрению их и выделяется особая глава морфологии.

Междометия и слова вне морфологических классов.

Несомненно, что классификация по частям речи, основанная на парадигмах словоизменения, не обязана включить в себя все слова языка, в частности те слова, которые в действительности являются неизменяемыми. Правда, неизменяемые слова (не имеем в виду здесь таких, которые можно считать обладающими дефективным словоизменением) тоже можно классифицировать — по их синтаксическим функциям, позиции и т. д. (в соответствии конечно, принципиальным семантическим чертам). Но гарантии, что все неизменяемые слова вместятся в эти рубрики, опять-таки нет. Придать же им общий ярлык и включить (напр., скажем, в категорию „междометий“) такие слова, как ˈhai/ˈhe „да“), i ˈje/iɳˈe „нет“, и почтительное ÷s („с“, произносимое втягиванием в легкие воздуха), и пе (Киотоское ˈna:), выражающее вопрос с подразумеванием утвердительного ответа, и такое, наконец, наиболее подходящее под понятие „междометия“ слово, как ara (а рядом может быть и междометие, **не** являющееся словом — цитированный уже нами синтаксический суффикс -wa, характерный для женской речи) — это значило бы не решить вопрос, а просто отмахнуться от его решения.

---

[1]) Это -wa, опять таки нужно строго отделять от -wa, служащего суффиксом падежа логического подлежащего (Subjectiv'a).

Единственный правильный путь — это обобщать синтаксически и формально сходные явления до тех пор, пока эти обобщения удаются, и остановиться там, где они (без натяжки) уже невозможны — несмотря на то, что и не все слова окажутся расклассифицированными. Напр., слова hai/he и i^{j}e/iɳ^{j}e могут составить — одно с другим — некую группу (как ее называть — может быть „словами-потенциальными фразами максимально-абстрактного значения"—это не важно: во всяком случае только не „междометиями"), но приткнуть эту группу из 2-х слов (—со значениями „да", „нет") в какую-либо родовую категорию я затрудняюсь.

Несомненно, что среди эквивалентов русской категории междометий найдутся японские слова самой различной морфологической структуры. Будет даже такой случай, что одно из „междометий" отойдет в область синтаксических суффиксов (таково -wa на конце фразы, о котором мы уже упоминали как о восклицании, особенно частом в женской речи), а другое—напр. ˈāra — будет самостоятельным словом; на полдороге между ними (точнее, в роли переходного факта между словом и синтаксическим суффиксом) окажется, напр., столь характерное для японского диалога neˈ[1]) [киотоск. ˈnaˌ — сравн. «Психофонетич. наблюдения над яп. диалектами» II, стр. 89].

Словом, разнообразие в характеристиках отдельных морфем будет здесь чрезвычайно велико. В качестве наиболее резкого примера индивидуальных отличий (у одного из „междометий") укажем на тот своеобразный „звуковой жест", каким является произносимое с инспирацией s (—s в фонетической транскрипции), имеющее своим смысловым заданием выразить чрезвычайное почтение (даже, так сказать, почтительный страх) к собеседнику: здесь налицо и своеобразная синтаксическая характеристика (звуковой жест —s есть слово-фраза), и особый слогообразующий согласный, нигде более не встречающийся, да и особый способ звукообразования: воздух не выдыхается, а вдыхается. Наконец и семантическая (смысловая) характеристика исключительная: в отличие от ряда других слов, включающих в свое значение выражение отношения к собеседнику **на ряду**

---

[1]) Символ вопроса, на который собеседник ожидает утвердительного ответа (—„не правда-ли?").

с другими идеями, в данном звуковом жесте смысловая сторона этим выражением отношения к собеседнику и исчерпывается.

И вот, именно в виду разнообразия в характеристиках отдельных неизменяемых слов (а также потому, что по сравнению с прочими категориями слов—как-то: именами, глаголами и т д—общее число отдельных неизменяемых слов оказывается относительно ничтожным), с практической точки зрения нам важна уже не та или иная классификация их, а просто детальное семантическое описание каждого из них в словаре.

ГРАММАТИКА

1-ый раздел.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

2-ая ГЛАВА.

Суффиксы словоизменения.

§ 1.

Категория имен (по-японски — мэйси) включает все основы, изменяющиеся по суффиксальному склонению. Имена могут иметь также особую префиксацию гонорифическую (или пиэтетическую—почтительную) „о“ (эквивалент „го“ в кит. заимствованиях).

Отметим, что японские существительные склоняются по падежам, а не по числам (как в русском). Не изменяются они также и по родам (категория грамматического рода вообще отсутствует в японском языке).

Система склонений в японском языке (имеем в виду стандартный токиоский язык) носит характер агглютинативный В основе его лежит одна форма, которую условимся называть неопределенным (или бессуффиксальным) падежом. На эту форму наращиваются (как-бы приклеиваются, — отсюда и название агглютинативный — gluten на латинском языке значит клей, отсюда agglutinare, ad — glutin-are — приклеивать) падежные суффиксы. Следовательно, в японском языке склонение иного типа, чем в русском.

В русском языке: жена, жены, жену и т. д. в японском: Цума: цума, цумано, цумао и т. д.

Неопределенный падеж не только служит основой склонения, но и выполняет свое определенное назначение, употребляясь как самостоятельное слово (синтагма). По синтаксической функции неопределенный падеж можно было бы назвать наречным. В очень значительном ряде случаев, наречный

падеж — соответственно с лексическим значением данной основы — обозначает время.

Напр. Сакудзицу кита — вчера пришел
Ме:гонити кимасе. — послезавтра приду
Сакунэн синда — в прошлом году умер.

Сакудзицу (вчера), ме:гонити (послезавтра), сакунэн (прошлый год) — существительные, стоящие в неопределенном, бессуффиксальном падеже. В приведенных примерах неопределенный падеж везде является временны́м, но в некоторых случаях он может иметь и другой смысл, так например, в следующих предложениях.

Такусан моранмасита — много получил
Сукоси итадакимасита немного получил.

Здесь и такусан (много) и сукоси (мало) мы рассматриваем как существительные в неопределенном падеже, но падеж этот здесь не является временны́м.

Неопределенный падеж не следует путать с именительным падежом; для передачи именительного падежа в яп. языке имеются два суффикса, „га" и „ва". Первый мы будем называть именительным, второй выделительным.

§ 2.

Падежи именительный и выделительный, и тот и другой, служат для выделения подлежащего в широком смысле, т. е. если мы под подлежащим подразумеваем и логическое и грамматическое.

Примечание: Напомним, что логическим подлежащим называется то понятие, которое предполагается известным; то же понятие, которое является новым, сообщаемым, называется логическим сказуемым. Так, в предложении „дом сгорел", если это есть ответ на вопрос „что случилось с домом?", „дом" будет логическим подлежащим, а „сгорел" логическим сказуемым (при чем в этом случае подлежащее и сказуемое логические совпадают с грамматическими). Если же это ответ на вопрос „Что сгорело?", то „дом" будет логическим сказуемым, а „сгорел"—логическим подлежащим, так как было известно, что что-то сгорело, но неизвестно, что именно. В этом случае логическое и грамматическое подлежащее не совпадают.

Именительный падеж (суффикс „га“) ставится для обозначения грамматического подлежащего, когда последнее не совпадает с логическим подлежащим, а является или логическим сказуемым или частью логического сказуемого. Иначе говоря, „га“ ставится тогда, когда данным, известным является не грамматическое подлежащее. Поясним примером. В доме две собаки: Куро и Поти. Какая-то из них лает, которая — неизвестно. На вопрос: „какая собака лает?“ нужно ответить „Куро-га хоэмасу“ — (лает Куро), а не „Куро-ва хоэмасу“. Так нужно было бы сказать, если б был поставлен вопрос: „Что делает Куро?“. В первом случае (Куро-га хоэмасу) известно, что кто-то лает. Данным является факт лая, т. е. логическим подлежащим будет „хоэмасу“ (лает). Грамматическое подлежащее (Куро) не будет совпадать с логическим, а следовательно нужно поставить суффикс „га“. Во втором случае (Куро-ва хоэмасу) данным является Куро, т. е. логическим подлежащим будет „Куро“, но „Куро“ же будет и грамматическим подлежащим, следовательно нужно поставить суффикс „ва“.

Поясним еще рядом примеров. На вопрос „Дарэ-га кимасита?“ — кто пришел — следует ответить: „Токунага-сан-га кимасита“, — „пришел г-н Токунага“, — а на вопрос „Токунага-сан-ва кимасита-ка?“ — „пришел-ли г-н Токунага?“. Ответ будет „Токунага-сан-ва кимасита“. — „Г-н Токунага пришел“. В первом случае и в вопросе и в ответе мы имеем несовпадение грамматического и логического подлежащего. Подлежащее является неизвестным (т. е. логическим сказуемым). Сообщается о том, что пришел Токунага (известно, что кто-то пришел, а кто пришел неизвестно). Во втором случае — обратно: речь идет о г-не Токунага, т. е. суб'ект действия известен, но неизвестно пришел ли он или нет. Т. е. подлежащим и логическим, и грамматическим является Токунага.

На вопрос „Дарэ-га икимас-ка?“ — ответ будет „ватакуси-га икимас“, — „Кто пойдет? — Я пойду“ (я, а не он). На вопрос „Аната-ва икимас-ка?“ — „Ватакуси-ва икимас“. — Пойдете-ли Вы (или не пойдете)? — Да, я пойду (а не останусь).

„Катаяма-сан-га ирассяимас-ка?“ — Здесь ли находится г-н Катаяма? и „Катаяма-сан-ва ирассяимас-ка?“ — Дома-ли г-н Катаяма? В первом случае известно, что в доме собралось много людей, но неизвестно, находится ли среди них г-н Катаяма, во втором

случае неизвестно, находится или нет дома г-н Катаяма. В первом случае следовательно имеется расхождение, во втором случае — совпадение грамматического и логического подлежащего.

Поскольку же логическим подлежащим может быть и грамматическое обстоятельство (времени, места и т. д.), постольку суффикс „ва" может стоять и после него. Так напр., в ответе на вопрос: „Что сегодня утром произошло?" — „Сегодня утром арестовали преступника", — после „сегодня утром" будет стоять „ва". Отсюда возможность двойного падежа, напр. дательного-выделительного — „ни-ва" („ни" — суффикс дательного падежа). Так, в ответе на вопрос: „Ну, а в доме Танака цветут вишни?" — „Да, в доме Танака вишни цветут". После слов „в доме" (ути-ни) будет стоять суффикс „ва": „Танака-сан-но ути-ни-ва сакура-ва сайтэ имасу".

Суффикс „ва" может стоять после всех слов, являющихся данными, известными в предложении, так напр. „Ватакуси-ва кэса-ва дайдоко-дэ-ва комэ-о араимасита" — Я сегодня утром в кухне мыл рис". „Ва" стоит и после подлежащего (ватакуси) и после обстоятельств — времени и места (кэса-ва — утром — и дайдоко-дэ-ва — в кухне). Неизвестным (вновь сообщаемым) является только „мыл рис", т. е. сказуемое и его дополнение.

После обстоятельства, поставленного в начале предложения и выделенного посредством „ва" — подлежащее ставится с „га". — „Коко-ва ацуса-га хидой" — здесь ужасно жарко. Если, однако, в дальнейшем идет сопоставление (антитеза), ставится не „га", а „ва". — „Коко-ва ацуса-ва хидой-дэсу га, кадзэ-га судзусии" — хотя здесь и ужасно жарко, но ветер прохладен.

В придаточных предложениях подлежащее обычно после себя имеет „га" [1]). Танака-кун-га кита токи-ни ватакуси-ва хон-о ёнда. — Когда пришел т. Танака, я читал книгу.

Итак, функции выделительного падежа (с „ва") шире функций русского именительного, а функции именительного падежа (с „га") уже функций русского именительного.

---

[1]) В придаточном предложении подлежащее может иметь после себя и суффикс „но" (см. стр. 22).

§ 3.

Родительный падеж выражается суффиксом „но“ и по своему значению близок к родительному падежу большинства европейских языков. Его основная функция—„определение“ в смысле физической или юридической принадлежности.

Нихон-но хито — японец (японский человек)
Россия-но какумэй — русская революция
Дойцу-но дайто:рё: — германский президент.

Примечание: Во всех этих примерах на русском языке определением является прилагательное. В японском языке прилагательных очень немного и в большинстве случаев русское определение—прилагательное переводится именем существительным в родительном падеже.

Но родительный падеж применяется и как падеж „приложения“:
Онна-но исся — женщина-врач (буквально: женщины врач)
Отоко-но ко — ребенок-мужчина — мальчик
Онна-но ко — ребенок-женщина — девочка.

Нужно однако заметить, что „отоко-но ко“ и „онна-но ко“ могут значить и „ребенок мужчины“ и „ребенок женщины“ (во фразе „ребенок этого мужчины“ — „коно отоко-но ко“).

В особую группу может быть выделен родительный падеж принадлежности, хотя его, конечно, можно об'единить с родительным—определением:

Ину-но сиппо — хвост собаки
Тити-но хон — книга отца
Хонда-сан-но ути — дом г-на Хонда.

Раньше родительный падеж выражался суффиксом „га“, так напр., „Кими-га ё“ в японском гимне значит „век (царствование) государя“, т. е. „Кими“ стоит в родительном; в некоторых географических названиях „га“ встречается в этом же значении. Например, в „Сэки-га-хара“. Сэки значит застава, хара — поле.

В значении родительного „га“ сохранилось теперь в очень употребительном выражении „Сорэ-га юэ-ни“ — по этой причине.

Примечание: Суффикс родительного падежа „но“ не следует смешивать с суффиксом „но“, прилагаемым к глаголам и прилагательным и тем делающим из них существительные („но“ просубстантивной формы глаголов и прилагательных).

Акай-но-о кудасай — дайте красный

Танака-сан-но куру-но-о матимасё: — подождем прихода г-на Танака.

В этих примерах суффикс „но", стоящий в первом случае после прилагательного „акаи", а во втором после глагола „куру", является суффиксом не падежным.

Следует отметить, что в некоторых других диалектах для формирования просубстантивированных форм глаголов и прилагательных применяются иные суффиксы; это доказывает, что в токиоском диалекте мы имеем только фонетическое совпадение двух разных суффиксов:

Суффикс „но" может также обозначать подлежащее в придаточных (определительных) предложениях:

Кими-но бакэцу-ни сутэта моно-ва нан-да-ка? — Что это за вещь, которую ты бросил в ведро?

В этом предложении „но" после кими обозначает подлежащее в придаточном предложении.

„Ватакуси-но катта мма-га ёи" — лошадь, которую я купил, хороша.

§ 4.

Дательный падеж обозначается суффиксом „ни". По значению в дательном можно выделить следующие семантические категории: дательный собственный, дательный местный, дательный времени, дательный цели, дательный принадлежности, дательный прибывания, дательный соединения, дательный результата и дательный становления.

Дательный собственный:

Кодзики-ни канэ-о ятта — дал нищему денег.

Хаха-га кодомо-ни тити-о курэмас — мать дает ребенку молоко.

Дательный местный

То:кё:-ни суму — жить в Токио

Коно яма-ни сару-га такусан оримас — в этих горах много обезьян (обезьян много живет, находится).

Дательный местный употребляется гл. обр. при глаголах, обозначающих пребывание, как иру, ору, суму, и всех гонорифических их эквивалентах (годзару, ирассяру и т. д.) в отличие от творительного местного (см. след. §), ставящегося для обозначения места при глаголах действия.

Дательный времени

Госай-но токи-ни — в то время, когда ему было 5 лет

Годзи-ни — в 5 часов

Бан-ни — вечером.

Дательный цели.

Сампо-ни ику — итти гулять (на прогулку)

О-рэй-но сируси-ни — с целью отблагодарить (буквально: знак благодарности)

Ханами-ни икимасита — пошел для того, чтобы (с целью посмотреть цветы.

Дательный принадлежности

(употребляется с глаголом „ару" или с отрицательным прилагательным „най").

Уси-ни цуно-га ару — у коровы есть рога

Коно то-ни каги-га най — у этой двери нет ключа.

Дательный соединения

Ммэ-ни угуису — слива (сливовые цветы) и соловей (смысл поговорки: одно к одному).

Дательный соединения имеет иногда оттенок противопоставления:

Хана-ни кадзэ — цветок и ветер (смысл поговорки: нет розы без шипов).

Дательный среды

Коно синамоно-ни ко:-оцу-га ару — среди этого товара есть (вещи) хорошие и плохие.

Кума-ни-ва кэ-но сирои-но мо ару курои-но мо ару — медведи бывают с белой, бывают и с черной шерстью (среди медведей есть с белой шерстью, есть и с черной).

Дательный результата

Сиппай-ни овару — кончится неудачей

Футацу-ни киру — разрезать на двое.

Дательный прибывания

То:кё'-ни цуку — прибывать в Токио

Мма-ни нору — сесть на лошадь.

Сюда же могут быть отнесены следующие примеры:

Сити-ни оку — оставлять для (в качестве) заклада

Кяку-ни ику — итти в гости.

Дательный становления

(употребляется при глаголе „нару").

Кѐ:си-ни нару — сделаться учителем.

Дательный наречия (Dativus adverbialis).

Суффикс „ни“ служит также для образования наречий.

Макото-ни — поистине

Хонто:-ни — по правде

Кирэй-ни — начисто.

Отметим также дательный падеж при страдательном и побудительном залоге глаголов (см. стр. 77).

Дательный падеж является одним из самых употребительных падежей, выше перечислены только наиболее часто встречающиеся его значения.

§ 5.

Творительный падеж обозначается суффиксом„ дэ“. Как и дательный, он имеет много значений.

Творительный инструментальный

Бо:-дэ буцу — бить палкой

Тэ-дэ татаку — стучать рукой

Писутору-дэ коросу — убить пистолетом (из пистолета).

Творительный местный

Нихон-дэ синимасита — умер в Японии

Гиндза-дэ аимасита — встретил на Гиндзе (улица в Токио).

В отличие от дательного местного творительный местный ставится перед или с глаголом действия или состояния (но не пребывания). Напр.: Ко·ба-дэ хатаракимас—работаю на фабрике. Но: ко:ба-ни оримас — нахожусь на фабрике.

Иногда, однако, и„ни“ употребляется с глаголом действия: так, можно сказать и „Коко-ни суваримасе:“, и „Коко-дэ суваримасѐ:“.—„Сядем здесь“. Оттенок смысла в этих двух фразах будет, однако, различен. Первая фраза (коко-ни суваримасё:) значит просто: сядем здесь, а вторая (коко-дэ...)—сядем здесь, а не где-нибудь в другом месте. Т. е. во втором случае мы имеем некоторое сопоставление, хотя бы и подразумеваемое, в первом же смысл предложения ничем не осложнен.

Кодзо:-га гэнкан-ни матимас — мальчик (из лавки) ждет в прихожей

Кодзо:-га гэнкан-дэ матимас — мальчик (из лавки) ждет в прихожей.

В первом случае выражается мысль: мальчик находится в прихожей. Во втором — мальчик ждет в прихожей, а не на кухне, например. Т. е. основное различие употребления „ни“ и „дэ“ при обозначении места сохранено, несмотря на то, что и в том и в другом случае один и тот же глагол „матимасу“, но в первом случае с ним соединено представление о пребывании, во втором — о действии.

Творительный причины

Бё:ки-дэ синимасита — умер от болезни

Сакуя каминари-дэ сукоси-мо нэмасэндэсита — вчера ночью из-за грома я совсем не спал.

Творительный средства

Фунэ-дэ ику — ехать в лодке

Тэгами-дэ сирасэру — уведомить письмом

Ни-сэн-дэ кау — купить за два сэна.

Примечание: Вместо „дэ“ в последней фразе можно поставить „ни“ (дательный).

Творительный времени

Ато-дэ — потом

Сандзю:сай-дэ сину — умереть в тридцать лет.

Творительный условия или обстоятельства

Корэ-дэ ии — этого достаточно (этим хорошо)

Мина-дэ годзиссэн-дэ каимасита — все купил за 50 сэн.

Творительный соединительный

Кэнкю:ка-дэ сайдзин — умен и трудолюбив.

Примечание: Если бы стояло „кэнкюка-ни сайдзин“, это значило бы „к умному человеку прибавился трудолюбивый“ (два человека); в приведенном же примере речь идет об одном человеке, совмещающем оба эти качества.

Творительный сказуемостный

В сложных сказуемых, состоящих из глаголов „ару“, „годзару“ и других их гонорифических эквивалентов и существительного, последнее ставится в творительном сказуемостном.

Корэ-ва ису-дэ аримас — это стул

Коно ката-ва иссяя-сан-дэ годзаимас — этот господин доктор.

В современном японском языке часто вместо „дэ ару“ говорится „да“, а вместо „дэ аримас(у)“ — „дэс(у)“.

Корэ-ва ису-дэс
Корэ-ва ису-да.

Творительный падеж на „дэ“ для выражения сказуемого употребляется также в придаточных предложениях.

Примечание: Суффикс „дэ“ может иногда означать имя, переводимое подлежащим, в таких предложениях:

Сэйфу-дэ охараисагэ-ни наримасита — правительство (это) продало

Бакуфу-дэ митомэнакатта — бакуфу не признавало („бакуфу“ — название японского феодального правительства)

Тэмаэ-дэ-ва вакаримасэн — я не понимаю.

В этих предложениях японский творительный падеж переведен именительным падежом (подлежащим). Этот творительный условно может быть назван творительным подлежащего.

§ 6.

Падеж направления обозначается суффиксом „э“.

Каги-Мару-га Цуруга-э ику — Каги-Мару (название парохода) направляется в Цуругу.

В некоторых случаях функции „э“ сходны с дательным прибывания.

Кися-га То:ке:-э цуку — поезд приходит в Токио (возможно и „кися-га То:ке:-ни цуку“)[1]).

§ 7.

Предельный падеж выражается суффиксом „мадэ“.

То:ке:-мадэ — до Токио

Бан-мадэ — до вечера

Тэйсяба-мадэ томодати-о окуримасита — до станции товарища проводил.

Отметим такое выражение (несколько книжное):

---

[1]) В некоторых яп. грамматиках указывается, что „ни“ может употребляться и для обозначения направления, когда место направления указано точно (То ке -ни ику), когда же место неопределенно, обязательно должно стоять э : Кита-э ику — еду на север

О-рэй-но сируси-мадэ — в знак благодарности,—где „мадэ“ употреблено не в прямом значении.

Некоторые имена в предельном падеже употребляются наречно соко-мадэ — до этого; има-мадэ — до теперешнего времени.

§ 8.

Исходный падеж обозначается суффиксом „кара“.

Сандзи-кара хадзимару — начинается с 3 часов

Покэтто-кара дасита — вынул из кармана

Мадо-кара митамаэ — посмотри из окна

Сакэ-ва комэ-кара дэкиру — сакэ (рисовая водка) изготовляется из риса

Варуй кото-ва сакэ-кара хадзимару — дурные дела начинаются с водки.

Иногда для обозначения исходного падежа вместо „кара“ употребляется суффикс книжного языка „ери“ (в разговорном суффикс падежа сравнения).

Надо отличать „кара“ падежное от „кара“—синтаксического служебного слова, переводимого на русский словами „так как“, напр. в предложении: „Танака-сан-кара канэ-о моратта кара“— Так как я получил деньги от г. Танака,— первое кара— падежное, 2-ое — нет.

Падежным же „кара“ будет после глагольных деепричастий

Гохан-о табэтэ-кара нэмасита — заснул после того, как с'ел обед (см. стр. 178).

§ 9.

Винительный падеж выражается суффиксом „о“. Это падеж об'екта (прямого дополнения), по значению он совпадает с аналогичным падежом в русском языке.

Мма-о кау —купить лошадь

Ути-о цукуру — построить дом

Акиндо-ва хито-ни синамоно-о уру — купец продает людям товар.

§ 10.

Падеж сравнения выражается суффиксом „ѐри“.

Сина-ва Нихон-ѐри о кии — Китай больше, чем Япония.

§ 11.

Падеж соединительный (точнее два или даже три падежа, выражающиеся суффиксами: „то“, „мо“, и наконец „я“)

Суффиксом „то“ — обозначается простое соединение

Ину-то нэко — собака и кошка

Карэ-ва имото-то яттэ кита — он пришел с сестрой

Варуй хито-то мадзивару-на — не знайся с худыми людьми.

Не следует путать это „то“ с синтаксическим, ставящимся в конце предложения:

Гудзугудзу суру то, табэтэ симау дзо—если ты будешь медлить, то я тебя с'ем.

А также с „то“, выделяющим прямую речь:

Со:дэс-ка то иттэ каэримасита —„Вот как“? сказав, ушел.

Суффиксом „мо“ выражается прибавление (Sociativus additivus).

Ватакуси-мо То.ке:-э итта — и я (тоже) поехал в Токио.

Или при повторах:

Ватакуси-мо аната-мо — и я и Вы ..

Наконец суффикс „я“ в качестве суффикса соединительного падежа вносит тот же оттенок значения, что и русское „да“ в роли союза (напр. „чай да кофе“ и т. п.).

§ 12.

Мы установили, следовательно, следующие падежи:

Именительный (га), выделительный (ва), родительный (но), дательный (ни), творительный (дэ), направления (э), предельный (мадэ), исходный (кара), винительный (о), сравнительный (ёри), соединительный (то и мо).

Особое положение занимают предикативные суффиксы (да, дэс и т. д.), которые не могут быть вполне отожествлены с падежными. В соединении с именами они являются сказуемыми предложений и в соответствии с этим имеют парадигму спряжений. Суффиксы эти не могут быть отнесены и целиком к суффиксам спряжения, так как спряжение их очень ограничено. Они являются как бы мостом от имени к глаголу.

Приводим далее парадигму спряжения предикативных суффиксов:

наст. время: дэс(у) или да

прош. „ дэсита или датта

вероят. „ дэсе: или даро:.

§ 13.

Несколько особое положение занимает суффикс „на", присоединяемый к существительным; этот суффикс условимся называть аттрибутивным. Существительное с присоединенным к нему суффиксом „на" по функциям сходно с прилагательным. Так, напр, „кирэй" значит красота, красивость; в предложении: „Коно иэ-ва кирэй-дэс" слово „кирэй"—существительное; оно составляет именную часть сказуемого, соединенную с предикативным суффиксом „дэс". Во фразе же „Корэ-ва кирэй-на иэ-дэс"—это красивый дом, кирэй-на не существительное, это ад'ективизированное существительное с функциями прилагательного. Если „дэс" мы считаем мостиком от существительного к глаголу, то „на" является мостиком от существительного к прилагательному. Было бы ошибкой, однако, считать этого типа деформированные существительные прилагательными, так как никаких иных признаков кроме общности функций (и то лишь в роли определения, не сказуемого) они с прилагательными не имеют.

Среди этих аттрибутивных форм на „на" мы различаем следующие категории:

1) „На" в соединении с некоторыми японскими существительными.

Акирака-на — ясный

Нигияка-на — шумный

Сидзука-на — спокойный.

2) „На" в соединении с корнями (некоторых) прилагательных. Корни эти сами по себе являются существительными, по большей части, однако, мало употребляемыми.

Ататака-на—теплый; ататака-на о-тэнки дэсу—теплая погода.

Яварака-на — мягкий; яварака-на нику — мягкое мясо.

О:ки-на — большой (от о:кии — большой); о:ки-на хито—большой человек.

Ти:са-на—маленький (от ти:сай—маленький); ти:са-на хито — маленький человек.

Примечание: Прилагательные ататакай, яваракай, о.кии, ти:саи также существуют и по смыслу между ататакаи и ататака-на или яваракаи и яварака-на разницы нет.

Больше всего, однако, прилагательных на „на", образованных от существительных китайского происхождения:

Дзаннэн-на — вызывающий сожаление.
Дзаннэн-на кото-да — жалко (дело, вызывающее сожаление).
Дзаннин-на — грубый, дикий.
Дзаннин-на нингэн-да — это грубый человек.
Дзэйтаку-на — роскошный.
Дзэйтаку-на сэйкацу — роскошная жизнь.
Кирэй-на — красивый.
Кирэй-на хана — красивый цветок.
Коку-на — строгий.
Коку-на тю:мон — строгое требование.
Косяку-на—дерзкий.
Косяку-на кодомо — дерзкий ребенок.
Котомукэй-на — абсурдный, фантастичный.
Котомукэй-на фусэцу-га рю.фу сита — циркулировали бессмысленные слухи.
Ку:кё-на — пустой.
Ку:ке-на сэйкацу — пустая жизнь.
Мо рэцу-на — пылкий, ожесточенный.
Мо·рэцу-на кисэй — горячий темперамент.
Ню:е·-на (ирие -на) — нужный.
Канэ-но ирие. на токи-ва каитэ оёкосинасай—когда вам нужны будут деньги, напишите мне.
Рико:-на — умный.
Рико -на хито-дэс-кара соно кото-о синай — так как это умный человек, то он этого не сделает.
Риппа-на — роскошный, великолепный.
Риппа-на ути — великолепный дом.
Сиккэй-на — невежливый.
Карэ-ва сиккэй-на яцу-да — он невежливый суб'ект.
Се:дзики-на — честный.
Сё:дзики-на банто· — честный слуга.

Примечание: Большинство таких слов являются сочетанием двух слов (графически — двух иероглифов), однако бывают и односложные существительные, дающие указанные образования на „на", как-то: хэн-на — странный, неприятный (хэн-на као — неприятное лицо), мё:-на — причудливый, необычайный (ме:-на юмэ — странный, необычайный сон), ё:-на—подобный (соно ё:-на кото—такое дело). Е·-на—очень употребительное прилагательное, перед ним обычно ста-

вится родительный падеж: аната-но ё:-на, соно ё:-на, онна-но ё:-на и т. п. Вместо ё:-на иногда говорится мита ё:-на (мита от миру — видеть): аната мита ё:-на или чаще аната митайна.

Угуису митайна тори — птица, похожая на соловья.

Аната митайна отоко — мужчина, похожий на Вас.

Отметим также прилагательные, как касикосо -на, дэкисо:-на — как будто бы умный, как будто бы выполнимый и т. п., состоящие из корня прилагательного (касико — корень от касикой — умный) или корня глагола (дэки — корень от дэкиру — мочь) и со'-на, где со: самостоятельно неупотребляющаяся основа со значением „вид" и „на"—формант прилагательнообразной формы.

Примечание: Корни некоторых прилагательных, образующих прилагательные с „на" (ататакаи, яваракаи, маккаи и т. д.), тоже могут употребляться в адвербиальной (ататака-ни, яваракa-ни, макка-ни) и предикативной форме (яваракa-дэс, ататака-дэс, макка-дэс). Однако „тиисa", „о:ки" хотя и имеют форму на „на", но адвербиально и предикативно не употребляются.

Настоящие прилагательные с формантом „и" (акаи, хидои, омосирои) имеют, как мы узнаем, адвербиальные (наречные) формы на „ку" (акаку, хидоку, омосироку); прилагательные на „на" этих форм, конечно, (если вспомнить этимологию [происхождение] этих прилагательных) не имеют. Такие слова как кирэй-ни (красиво, чисто) (кирэй-ни каитэ кудасай—напишите начисто), морэцу-ни — ожесточенно (мо:рэцу-ни ко:гэки-сита—ожесточенно, пылко нападал),— являются адвербиальными по значению формами дат падежа существительного, такими же, как макото-ни — действительно, дзицу-ни — поистине и т. д.

Равным образом прилагательные с суффиксом „на" не могут употребляться предикативно (как сказуемое), как прилагательные на „и"; так можно сказать: „коно хон-ва омосирои", но, конечно, нельзя сказать: „коно хон-ва кирэй-на".

В таких же выражениях как:

Гомэндо:-дэсу га — хотя это Вас затруднит.

Коно ко-ва рико:-дэс — этот ребенок умен.

Кими-но имото-ва кирэй-дэс — твоя сестра красива.

Гомэндо', рико:, кирэй—являются существительными и вместе с дэс составляют составное сказуемое, являясь его именной частью.

Суффикс „на", об'единяющий приведенные выше слова в одну группу, происходит от глагола „нару" — стать чем-нибудь, он является частью (фрагментом) этого глагола, первым его слогом. Прежде говорилось не „акирака-на дзидзицу" — явная правда, а „акирака нару дзидзицу", не „кирэй-на онна" — красивая женщина, а „кирэй нару онна". Эта форма с „нару" и теперь может быть встречена не только в образцах литературного языка, но и в разговорной речи, в газетах и т. п.

§ 14.

Именительный падеж с формантом „га" обозначает подлежащее; так „Сэнсэй-га кита" — учитель пришел.

Выделительный падеж с „ва" обозначает также подлежащее, но лишь в тех случаях, когда оно совпадает с логическим подлежащим. „Ва" может также стоять и после других падежей (двойной падеж).

Все остальные падежи, кроме „но" (и „на"), являются падежами дополнения, при чем, дэ, э, ни, кара, мадэ, то—являются падежами для косвенного дополнения, а „о" для прямого.

„Но" мы относим к падежу определения (служит также и падежом подлежащего в придаточных предложениях).

Как и в русском языке, „о" управляется глаголами (так называемыми переходными или транзитивными, по-японски „тадо:си").

Цу.те:-о хассу — отправлять известие.

Сигото-о насу — делать дело.

То:хё-о насу — производить баллотировку.

Примечание. Однако не следует думать, что все глаголы, которые по-японски управляют винительным, управляют им же и по-русски. Так, по-японски говорится:

Сора-о тобу — летать по небу.

Мати-о аруку — ходить по улице.

Тэки-о тодзакэру — удаляться от врага.

Мити-о матигаэру — ошибиться в дороге.

Оя-о ханарэру — уходить (удаляться) от родителей.

То же бывает и наоборот.

Победить врага — тэки-ни кацу.

Встретить человека — хито-ни ау.

Спросить человека — хито-ни тадзунэру.

Косвенные падежи обычно тоже управляются глаголом.

„То:кё:-ни суму" — жить в Токио; дательный То·кё:-ни управляется глаголом суму.

„Уси-ни цуно-га ару"—у коровы есть рога; „ни" управляется глаголом ару.

„Гайкоку-дэ синимасита"—умер за границей; дэ управляется синимасита.

„То:кё:-э ику" — направляться в Токио; - э управляется глаголом ику.

„Бо:-дэ буцу" — бить палкой; дэ управляется глаголом буцу

„Соко-мадэ цкимасе:" — пойдем до тех пор; мадэ управляется глаголом икимасе:.

„Хэя-кара дэмасита" — вышел из комнаты; кара управляется глаголом „дэмасита".

Дательный падеж может управляться и прилагательными:

„Нихонго-ни кувасии — знаток в японском языке („ни" управляется прилагательным „кувасии").

Мэ-ни варуи — плох глазами („ни" управляется прилагательным „варуи").

Тануки-ва кэмури-ни еваи — барсук слаб в отношении дыма (не выносит дыма)—(„ни" управляется прилагательным „еваи").

„Дэ" может также управляться прилагательным:

Корэ-дэ ии — этого достаточно („дэ" управляется прилагательным „ии").

Мицу-дэ сукунаи — трех мало („дэ" управляется прилагательным „сукунаи").

„Дэ" управляется иногда и существительным:

То:кё:-э китэ-кара, корэ-дэ сандзю: нэн - дэс — с тех пор, что я приехал в Токио, прошло 30 лет („дэ" после корэ управляется существительным „сандзю: нэн").

Корэ-дэ такусан - дэс — этого достаточно („дэ" управляется „такусан").

„Но" обычно управляется существительным:

Ину-но сиппо — хвост собаки („но" управляется „сиппо").

Тити-но ути — дом отца („но" управляется „тити").

Пример управления „то" прилагательными:

Ю. Плетнер и Е. Поливанов. Грамматика яп. разговорного языка 1070—2

35197

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальная библиотека
по общественным наукам

ИН-ТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Коно онна-то кокороясуй — в близких отношениях с этой женщиной („то“ управляется прилагательным „кокороясуй“).

§ 15.

Мы видим, таким образом, что формантов склонения в японском языке больше, чем в русском. Другая особенность японского языка (с нашей, русской, точки зрения) состоит в том, что в нем отсутствуют предлоги, и в то время как мы (русские) для выражения отношения между словами пользуемся чрезвычайно часто предлогами и падежами комбинированно („с отца“ родительный и предлог „с“; „по уши“ — винительный и предлог „по“; „перед домом“ — творительный и предлог „перед“ и т. д.), японцы пользуются только падежным окончанием [1]).

Отсутствие предлогов в японском языке зачастую вызывает недоумение изучающих его, в особенности, если они знают только русский язык. Далее мы приводим ряд русских предложений с предлогами и указываем, как в японском языке выражаются те же мысли, но без помощи предлогов:

1. Без. Без денег—О-канэ-га накатта нараба (если не имеется денег).

2. Близ. Я живу близ этого дома—коно ути-но тикай токорони сумимасу (буквально: я живу в месте близком к этому дому).

3. В. В этом ящике есть письмо — коно хако-ни тэгами-га аримасу.

4. Вне. Он всегда болтается вне дома — майнити ути-о сотони ситэ асондэ иру; здесь „вне дома“ передано выражением „ути-о сото-ни суру“, где ути — дом, сото-ни суру — глагол находиться вне (обратим внимание на винительный падеж).

5. Для. Книга, составленная для учеников — Гакусэй-но тамэни цукутта хон (—буквально. „для пользы учеников, составленная книга“). Японцы слово „тамэ-ни“ (для пользы) перестают воспринимать в его первоначальном смысле, а воспринимают в смысле „для“. Но тем не менее существуют такие выражения:

[1]) Весьма часто, правда, реальным соответствием (по значению) русского предлога оказывается именная основа, стоящая после падежной формы того имени, перед которым в русском языке стоял предлог. Такие именные основы, формально самостоятельные, но в смысловом отношении тесно примыкающие к значению предыдущего имени, можно назвать п о с л е л о г а м и (в узком смысле слова). Их мы и встретим в большинстве нижеприводимых фраз (это будут, напр., такие слова, как нака „внутренность“, сита „низ“ и т. д.)

„дзибун-но тамэ-о хакару“ — думать о своей пользе (думать только о себе), или „хито-но тамэ-ёри госин-но тамэ“ — своя польза прежде, чем польза людей (своя рубашка к телу ближе), или „ками-но тамэ-о омоэба“ — когда я подумал о твоей пользе (о тебе), или „даматтэ ита хо.-га ками-но тамэ-да“ — для тебя лучше всего молчать, буквально: „сторона пребывания в молчании для тебя (является) выгодой“ (в этом случае „тамэ“ входит в грамматическую форму именного сказуемого. тамэ-да). Во всех этих предложениях — „тамэ“ существительное; и в нашем первом примере „тамэ-ни“ не порвало связи с существительным. „Тамэ“ иногда значит также — причина.

6. До. До утра — аса-мадэ. „До“ передается предельным падежом „мадэ“.

7. Из. Из леса—хаяси-кара (реже хаяси-ёри; см. выше). „Из“— передается исходным падежом.

8. Из-за. Из-за Вас я поссорился с ним — Ната-но кото-кара боку-ва карэ-то кэнка-сита.

Из-за болезни не мог притти — бе:ки-но тамэ-ни курарэма сэндэсита.

9. Из-под. Из-под стола — цукуэ-но сита - кара (буквально — из стольного низа, „сита“ — существительное или т. н. „послелог“: „низ“. „Боку-ва сита-о муитэ таттэ иру“—я стою, смотря на низ — здесь „сита“ в винительном падеже и уже не в роли „послелога“, а как вполне самостоятельное имя).

10. К. Я иду к брату — боку-ва ниисан-но токоро-э ику (то, что выражено в русском—дательным падежом плюс предлог „к“, в японском—выражено падежом направления от словосочетания „ниисан-но токоро“—„место брата“).

К трем часам — сандзи-мадэ-ни (букв. до трех часов).

Приклеиться к стенке — кабэ-ни кутцуку (русский дательный плюс „к“ выразился одним дательным).

Его нельзя допустить к сегуну — карэ-о сё:гун-но маэ-ни дасу кото-га дэкимасэн (по-русски—„к“ плюс дательный, по-японски—се:гун+но (родительный)+„перед“ (маэ)+ни (дательный) — „переду сёгуна допустить его нельзя“).

11. На. Сидеть на цыновке — татами-но уэ-ни сувару (по-русски—„на“ + дательный, по-японски—татами (цыновка)+но (родит.)+уэ (верх)+ни (дательный) — т.-е. верху цыновки сидеть).

Влезть на стену—кабэ-но уэ-ни ханагэру (та же конструкция).

Помножить на пять — го-ни какэру (по-русски—„на“ + винительный падеж, по-японски—один дательный).

Покупать на вес — мэката-дэ кау (покупать весом).

На смену им — карэра-но кавари-ни (по-русски—„на“ + винительный, по-японски—только дательный).

Ездить на своих лошадях — дзибун-но мма-дэ ику (по-русски „на“ плюс предложный, по-японски—один творительный — „лошадями“).

Ехать на юг — минами-э ику.

На другой день — екудзицу-ни (по-русски—„на“ + винительный, по-японски—один дательный. Слово „другой день“ выражено одним словом „екудзицу“: 翌日).

Играть на рояле—пиано-о хику (по-русски—„на“ плюс предложный, по-японски—только винительный).

12. О, об. Я об этом ничего не могу Вам сказать — коно кото-ни канситэ нани-мо ю: кото-га дэкимасэн (по-русски—„об“ плюс предложный, по-японски — дательный + глагол кансуру (относиться) в деепричастной форме).

Слыхал ли ты об этом — коно кото-ни цуитэ-ва нани-ка кикитака (по-русски — предлог „об“ + предложный падеж, в японском— коно кото-ни цуитэ — цуитэ деепричастная форма от цуку — соприкасаться).

13. От. Получил письмо от матери — оккасан-кара тэгами-о моратта (по-русски—предлог „от“ + родительный пад., по-японски—только исходный падеж).

От этого он заболел (так же как „из-за этого он заболел“).

Защищаться от холода — канки-ни тайситэ бо:би-суру (по-русски —„от“ + родительный падеж, по-японски — канки (холод) + ни (суффикс дательного) + тайситэ (деепричастие от тайсуру — быть против чего-либо, встретиться с чем-либо,— „встречаюсь морозу — защищаюсь“).

14. Перед. Он снял шляпу перед ним — Карэ-ва ано хито-но маэ-ни бо:си-о тотта (по-русски—„перед“ + творит. падеж, по-японски — „ано хито-но“ — существительное в родительном падеже, „маэ-ни“ (перед) — существительное в дательном падеже).

Перед отечеством — бококу-ни тайситэ.

15. При. Я всегда бы хотел быть при Вас — Ицу-мадэ мо о-соба-ни итай то омоу („при Вас“ по-японски выражено „о-собани“: слово „Вы“ вообще отсутствует, — гонорифическая (почти-

тельная) приставка „о“ при существительном „соба“ (близость), его заменяет. „При“ же выражено дательным падежом „соба-ни“).

16. По. Ударить по голове — Атама-о буцу (по-русски — „по“ + предложный, по-японски — винительный).

Гулять по городу — мати-о аруку (та же конструкция).

По примеру — рэй-ни ситагаттэ (как по-русски, так и по-японски — существительное в дательном падеже; затем деепричастная форма глагола ситагау „следовать“: следуя примеру).

По этому делу обратитесь к нему — коно кото-ни цуитэ арэ-ни мукаттэ сэйган-насай. (Коно + кото в дательном падеже — деепричастная форма глагола цуку).

По грудь — мунэ-мадэ.

С 15-го года Тайсё по 2-ой год Сёва — Тайсё: дзю: гонэн-кара Сё:ва ни-нэн-мадэ.

17. Под. Положить под стол — Тэбуру-но сита-ни оку (по-русски — „под“ + винительный падеж, по-японски — „тэбуру-но“ (родит.) + „сита-ни“ (существительное „сита“ — низ — в дательном падеже) — буквально „положить низу стола“).

Под столом книга — Тэбуру-но сита-ни хон-га ару (по-русски — „под“ с предложным падежом, по-японски — „низу стола книга есть“).

Под праздник — мацури-ни сай-си (мацури-ни — дательный падеж + „сай-си“ от глагола сайсуру — соприкасаться, — „соприкасаясь празднику“).

18. Про. Про это — корэ-ни цуитэ.

Про Вас говорят дурно — Ната-но кото-о варуку иттэ оримасу (по-русски — „про Вас“, по-японски — „Ваше дело говорят дурно“).

19. С. Снял со стола — тэбуру-кара тотта (по-русски — „со“ + родительный падеж, по-японски — исходный — на „кара“).

С детства — ё:ти-кара (то же, что и в прошлом примере).

С матерью — оккасан-то (по-русски — „с“ + творительный, по-японски — падеж соединительный на „то“).

20. Среди. Среди этих вещей (товаров) — коно сина-но ути-ни (Слово „ути“ может склоняться: ути-о, ути-дэ, ути-ни и т. д. Значит оно „середина“, „внутренность“, „дом“, т.-е. оно аналогично „маэ-ни“, „сита-ни“, „уэ-ни“ и т. п. именам — послелогам“).

21. У. Купил у купца лошадь — акиндо-кара мма-о катта (по-русски — „у“ + родительный падеж, по-японски — исходный падеж—кара).

Я стою у стола — тэбуру-но маэ-ни татимасу (см. „перед“).

22. Через. Проходить через парламент — Гикай-о цукасу (по-русски — „через“ + винительный падеж, по-японски—только винительный).

Я узнал это через брата — ватакуси-ва корэ-о ниисан-кара кикимасита (по-русски — „через“ и родительный, по-японски — исходный („из“—от брата)

Примечание: Нельзя не отметить эволюции таких выражений, как тамэ-ни, маэ-ни, сита-ни и даже цунтэ, канситэ и т. д в сторону отрыва от своих исконных форм существительного, глагола и т. д. Они могут быть приравнены к нашим русским наречиям-предлогам: вблизи, вдоль, — где еще чувствуется „предлог и существительное“; однако слов „близь“, „доль“ и т. д. уже нет, тогда как тамэ, маэ и пр. существуют, хотя в других падежах употребляются реже, чем в дательном.

В этом кратком перечне исчерпаны, конечно, далеко не все предлоги; можно было бы также дать много более примеров на русском языке и японских к ним эквивалентов, но это не входило в наши задачи.

3-ья ГЛАВА.

Особые категории существительных.

§ 16.

Из вышеизложенного ясно, что японские существительные характеризуются особой системой склонения, т.-е. суффиксов словоизменения. Склонение японских существительных однотипно, и внутри всего разряда существительных мы не можем выдвинуть какие-либо подразделения на основании суффиксов словоизменения. Однако, по другим признакам, именно по суффиксам словообразования и по некоторым другим признакам, среди общей массы существительных мы можем выделить некоторые особые категории.

Отметим прежде всего небольшую группу существительных, оканчивающуюся на особые суффиксы,—суффиксы производных от прилагательных основ существительных „са“ и „ми“.

Примечание: В русском языке мы имеем того же значения суффиксы в словах „белизна“, „желтизна“ и т. д., где суффикс “изн“ является специальным суффиксом для „опредмечивания“ того качества, которое составляет значение данной прилагательной основы.

Приведем примеры существительных на „са“:

Ацуса — жара.
Ацуса — толщина.
О:киса — величина.
Курусиса — страдание.

Все эти слова имеют одного с ними корня прилагательные: ацуи — жаркий и ацуи — толстый, о:кии—большой, курусии—мучительный. Однако далеко не все корни прилагательных могут соединяться с суффиксом „са“. Такие слова, как сироса—белизна (сирои — белый), цумэтаса — прохлада (цумэтай — прохладный), таносиса — радость (таносии — радостный) возможны, хотя и редки. Но существительные на „са“ от прилагательных хотя бы курои (черный) или ти:саи (маленький) — совсем неупотребительны.

Суффикс „са“ вносит и некоторый смысловой оттенок, обозначая степень обладания тем или иным качеством. „Ацуса“ не только „жара“, но и степень жары и т. д.

Приводим теперь примеры существительных на „ми“:

Аками — краснота (акаи — красный).
Сироми — белизна (сирои — белый).
Кими — желтизна (кии — желтый).
Аоми — синева (аои — синий) [respect. голубой, зеленый].

Заметим, что „аками“ может значить „сырое мясо“ (мясо без костей, красное мясо), сироми—белок яйца, кими — желток. Таким образом, суффикс „ми“, обозначая то качество, которое выражено соответствующим прилагательным, может обозначать и предмет, имеющий это качество. В остальном же существительные на „ми“ не отличаются от таковых на „са“.

§ 17.

Далее мы выделяем группу существительных, имеющую довольно сложную словообразовательную суффиксацию. Об'единив их по смыслу (по семантической характеристике) и на основании аналогии с другими языками, мы можем назвать их местоимениями.

Для наглядности мы приведем таблицу их и затем разберемся в их значении и в их праве на образование самостоятельной категории.

	1	2	3	4
I.	Корэ	Сорэ	Арэ	Дорэ
II.	Коко	Соко	Асуко	Доко
III.	Коти(ра)	Сотн(ра)	Ати(ра)	Доти(ра)
IV.	Коната	Соната	Аната	Доната

Все эти существительные имеют такую же систему словоизменения, как и обычные.

I ряд. Корэ, сорэ, арэ и дорэ. Корэ значит этот (или он, оно), сорэ и арэ — тот (или он, оно). Дорэ—что? (только вопросительно).

Корэ обозначает предмет, находящийся вблизи от говорящего (может также означать и лицо), сорэ — предмет, находящийся около того, с кем разговаривают, и наконец арэ — находящийся либо около 3-го лица, либо далеко от говорящего и его собеседника Если у вас в руке карандаш, то вы спрашиваете „Корэ-ва нан-дэс-ка“ И ответ будет: „Сорэ-ва эмпицу-дэс“. И обратно, если вас интересует карандаш, находящийся в руках собеседника, вы спрашиваете: „Сорэ-ва нан-дэс-ка“, а ответ будет „Корэ-ва эмпицу-дэсу“. Сорэ может употребляться также и для обозначения предмета, ранее уже упомянутого.

II ряд. Коко, соко, ас(у) кои доко — употребляется для обозначения места. Коко (это место) — здесь, асуко и соко — там; доко - где? (только вопросительно).

III ряд. Коти(ра), соти(ра), ати(ра) и доти(ра). Коти или котира — здесь,—употребляется также для обозначения 1-го лица (я). Соти или сотира значит „там“, а также „вы“. Атира — там. Дотира—„где?“ („Танака-сан-но о-куни-ва дотира-дэс-ка“:— Где провинция г-на Танака?) или „который“ (только вопросительно. напр. „Дотира-но мэ-га итамимасу-ка“—который глаз болит?).

IV ряд. Коната, соната, аната и доната употребляются и для места и для лиц. („Аната“— исключительное значение „Вы“).

Таким образом — горизонтальные ряды (I, II, III, IV) характеризуются суффиксами „рэ“, „ко“, „ти“, „ната“. Вертикальный первый столбец об'единяет (посредством префикса „ко“) слова обо-

еще более отдаленные и, наконец, четвертый столбец (при помощи „до“) — предметы, степень отдаленности которых неизвестна, т. е. содержит вопросительные местоимения.

Вышеприведенные существительные имеют также характерную для них адвербиальную (наречную) форму. От корней ко, со, а — наречная форма будет ко:, со:, а: — „таким образом“. От до — до: — „каким образом“. Приведем несколько примеров.

Ко: симасэ: — сделаем так

Боку-но яриката со:-да — так я поступаю

Ко-иттэ арэ-ва татисатта — так сказав, удалился (здесь ко: может быть с успехом заменено со:, а:'в этих случаях малоупотребительно)

А:-мадэ гомэн-на хито-дэс. — До такой степени изверг-человек.

До:-сиё'-ка — Как поступить?

Отметим также аттрибутивно (как определения) употребляющиеся выражения: ко.-ю:, со:-ю:, а:-ю: — так называемый, такой До'-ю: — как называемый, какой.

Со:-ю: моно-ва кот(т)и-ни най — таких вещей здесь нет

Коно котоба-ва со:-ю: ими-дэс — эти слова имеют вот какой смысл.

Ко:-ю: мудзукасии хон-о ёмарэмасэн — мне не прочесть такую трудную книгу.

А:-ю: хито-ва такусан аримас — таких людей много.

А:-ю: фу:ни ханаситэ-ва икэмасэн — так говорить не годится.

До'-ю: хито дэс-ка — что за человек.

Примечание: „Ю:“ значит — говорить.

Отметим также предикативные „ко:-ю: е:-на“, „со:-ю: е:-на“ „а:-ю:-ё:-на“, „до:-ю:-ё:-на“ употребляемые в том же смысле, что со:-ю:, ко:-ю:, и т. д. (ко:-ю: — такой, ё: — подобие, на — формант прилагательного, см. стр. 14).

Вместо ко:-ю'-ё:-на, со:-ю:-ё:-на и т. д. говорится также: конна, сонна, анна, донна.

Отметим и адвербиальные формы:

Коно ё:-ни	Конна-ни
Соно е:-ни	Сонна-ни
Ано ё:-ни	Анна-ни
Доно ё'-ни	Донна-ни.

Приведенные выше в таблице формы могут быть об'единены в особую категорию—местоимений указательно-вопросительных как благодаря особой системе суффиксов свойственной только им, так и из-за наличия в них рядов степени приближения. Они имеют и особую наречную форму, а с другой стороны и прилагательнообразную (по значению, т. е. употребляющуюся в роли определения перед следующим именем существительным) форму,—коно, соно, ано и доно (этимологически, очевидно, это — падежи от существительных ко, со, а и до). Эти последние слова употребляются аттрибутивно:

Коно ису — этот стул
Соно ину — та собака
Ано онна — та женщина
Доно хито — какой человек.

Таким образом слова, производные от вышеуказанных местоименных основ (ко, со, а, до), строго говоря, не могут быть отнесены ни к нормальным существительным, ни к прилагательным.

§ 18.

Далее мы переходим к некоторым существительным, которые хотя и не имеют всех признаков, характеризующих вышеприведенную группу местоимений, но которые по частичным признакам могут быть отнесены к той же категории. Приведем перечень этих местоимений:

Дарэ — кто Ицу — когда
Идзурэ — какой (где) Нани — что
Икура — сколько Икуцу — сколько.

Этим словам свойственна еще особая суффиксация: ка, мо, дэмо

Дарэ—кто Идзурэ--какой	Дарэ-ка,—кто-то Идзурэ-ка—где-то	Дарэ-мо—всякий Идзурэ-мо—где-нибудь или и тот и другой (оба)	Дарэ-дэмо—кто бы то ни был, всякий
Икура—сколько	Икура-ка—сколько нибудь	Икура-мо--сколько-бы ни было	Идзурэ-дэмо — где бы то ни было, оба.
Икуцу—сколько	Икуцу-ка—сколько нибудь (довольно много)	Икуцу-мо—сколько угодно (всякое число)	Икура-дэмо — сколько бы ни было Икуцу-дэмо—сколько бы ни было

Примечание: Икуцу по суффиксу „цу“ может быть сближено и с счетными существительными (см. стр. 29), как хитоцу, футацу и т. д.

Третий вертикальный ряд по большей части употребляется с глаголом в отрицательной форме и имеет в таком случае отрицательное значение: „Дарэ-мо кимасэн“ — никто не пришел, „икура-мо най“ — очень немного и т. д.

Все эти существительные принадлежат и к общей смысловой (семантической) группе с ранее названными существительными корэ, сорэ и т. д. Дарэ и идзурэ с корэ, сорэ и т. д. сближает суффикс рэ.

Дорэ, доти(ра) из ранее приведенных рядов сближаются с здесь приведенными местоимениями той же системой суффиксов: дорэ-мо, дорэ-дэмо, дорэ-ка: дотира-мо, дотира-дэмо, дотира-ка: доната-мо, доната-дэмо, доната-ка.

Характерным для ряда дарэ, дорэ, дотира, доната, нани, доко, идзурэ — является также и то, что эти существительные не могут иметь после себя „ва“.

Таким образом, среди существительных, характеризующихся общим словоизменением, мы выделяем довольно значительную группу местоимений.

§ 19.

В русском языке, в обычных грамматиках, местоимение выделено в особую часть речи (насколько это основательно, мы здесь обсуждать не будем). Особый отдел в этой части занимают так наз. личные местоимения: я, ты, он, она и т. д. Мы же совсем не говорим о личных местоимениях в японском языке. Происходит это потому, что японские слова, которые соответствуют нашим личным местоимениям, являются существительными, ничем не отличающимися от обычных существительных; личные местоимения в японском языке не имеют формальных признаков ни в области словоизменения, ни в области словообразования. Таким образом в морфологии японского языка по существу рассмотрению личных местоимений нет места. Мы ограничимся здесь приведением списка наиболее употребляемых слов, аналогичных русским личным местоимениям.

Я. Ватакуси, ватаси, васи (в порядке степени вежливости; ватаси часто употребляется женщинами; чаще всего говорится ватакуси).

Боку (слово китайского происхождения,—僕 значит слуга; употребляется мужчинами, среди знакомых).

Орэ, оира, ора — „я“ в грубом и простонародном употреблении.

Конохо:, котира (буквально — эта сторона, здесь) — употребляется в разговоре с подчиненными, с социально-низшими.

Тэмаэ — носит характер уничижительный.

Имеется еще целый ряд слов для „я“ в книжном языке, которые однако просачиваются и в разговорный: сэсся, сё:сэй и др.

Ты. Ананта — употребляется чаще всего. Ананта-сама — еще вежливее. (Ананта можно употреблять и при обращении к незнакомому).

Омаэ и омаэ-сан. Обращение к подчиненным, второе несколько вежливее, чем первое.

Кими — (букв. господин) — среди равных. Говорится, главным образом, мужчинами, среди друзей, студентов и т. д.

Тэмаэ — пренебрежительно.

Кисама — пренебрежительно, имеет даже оскорбительный оттенок. Но употребляется иногда и среди друзей.

Сэнсэй — (букв. учитель) — обращение к докторам, учителям адвокатам, а также вообще почтительное обращение.

Данна-сан — обращение слуг к хозяину.

Он (**она**). Карэ, арэ — не особенно вежливое выражение.

Ано ката, ано о-ката — очень вежливое.

Ано хито (этот человек), ано отоко (этот мужчина и т. д.)

Аицу, коицу, соицу — этот тип, этот суб'ект — народное и пренебрежительное выражение.

Мы. Ватакусидомо, ватасидомо, васира.

Варэра. Варэ-варэ.

Бокура. Бокутати.

Оира.

Вы. Анатагата (может, как и русское вы, употребляться и по отношению к одному лицу. Анатагата вежливее, чем ананта).

Омаэгата, омаэсангата, омаэтати, омаэра (редко).

Кимитати.

Они. Карэра, Арэра.

Ано катагата.

Ано хитобито. Ано хитотати.

Наши местоименные прилагательные (притяжательные местоимения) мой, твой и т. д. передаются соответствующим местоименным существительным в родительном падеже.

Мой отец — ватакуси-но тити (ватаси-но, боку-но и т. д.).

Твоя мать — ками-но окка-сан (омаэ-но, омаэсан-но).

Их дом — карэра-но ути (ано катагата-но ути, ано хитотати-но ути, соно хитобито-но ути и т. д.).

§ 20.

В особую группу могут быть выделены и счетные существительные, которые имеют некоторые формальные особенности. Вся группа счетных может быть разбита в свою очередь на две подгруппы: на счетные японского происхождения, имеющие свои формальные особенности, и счетные китайского происхождения, имеющие также свои несходные с первой группой отличительные формальные признаки.

К первой категории мы относим следующие счетные существительные (их всего девять):

хитоцу — один	му(т)цу — шесть
футацу — два	нанацу — семь
ми(т)цу — три	я(т)цу — восемь
ё(т)цу — четыре	кокоцу — девять
ицуцу — пять	

Десять по-японски будет „то:“, но оно не имеет характерного для других счетных суффикса „цу“ и стоит несколько особняком, хотя и имеет некоторые особенности, сближающие его с приведенными счетными.

К этой же категории может быть отнесено и приведенное счетное воспросительное „икуцу“—„сколько?“, которое по другим признакам может считаться местоимением (см. стр. 26).

Характерным является и позиция счетного в предложении. Например:

Купите пять книг — Хон-о ицуцу каттэ кудасай, или Ицуцу-но хон-о каттэ кудасай.

Здесь шесть стульев — Коко-ни ису-га муцу аримасу, или: Коко-ни муцу-но ису-га аримасу.

Во вторых переводах счетное стоит в родительном падеже, так же как стояло бы всякое другое существительное. В первых же отсутствие каких-либо падежных окончаний является характерным для счетных и, конечно, не имеет ничего общего с бессуффиксальным падежом в том смысле, как мы его трактовали в § 1 (см. стр. 1).

Примечание: При перечислении людей счетные хитоцу, футацу, мицу и т. д. не употребляются.

Характерным для счетных существительных является способность их корневой части в соединении с некоторыми другими существительными (далеко не всеми) образовывать новые сложные существительные, употребляющиеся при перечислении известных предметов.

Приведем несколько примеров:

Хитохако — один ящик (хитоцу — один, хако — ящик)
Футахако — два ящика
Михако — три ящика (далее не употребляется)
Хитома — одна комната (ма-комната)
Футама — две комнаты
Мима — три комнаты
Мума — шесть комнат
Хитоцуки — один месяц
Футацуки — два месяца
Мицуки — три месяца
Ецуки — четыре месяца и т. д.

Возможны комбинации счетных японского происхождения и с китайскими словами: Хитобин—одна бутылка (бин—бутылка, слово китайского происхождения, но получившее полное признание в японском языке и употребляющееся самостоятельно).

Хитобан—один вечер (бан—вечер, слово также китайского происхождения, также употребляющееся самостоятельно).

Отметим соединение счетных со старым японским словом „ка", обозначающим „день", употребляющееся для количества дней и для чисел месяца:

Фуц(у)ка	— два	дня	или	2-ое	число	месяца
Микка	— три	„	„	3-ье	„	„
Ёкка	— четыре	„	„	4-ое	„	„
Ицука	— пять	дней	„	5-ое	„	„
Муика	— шесть	„	„	6-ое	„	„
Нанука	— семь	„	„	7-ое	„	„
Е:ка	— восемь	„	„	8-ое	„	„
Коконока	— девять	„	„	9-ое	„	„
То:ка	— десять	„	„	10-ое	„	„
Хац(у)ка	— двадцать	„	„	20-ое	„	„

Примечание: первый день месяца называется цуитати или итинити (китайское сочетание). Последний день месяца — мисока.

При перечислении людей говорится: Хитори — один человек, Футари—два человека, Еттари—четыре человека. Три, пять, шесть и т.д. человек считаются по-китайски—саннин, гонин, рокунин и т.д.

§ 21.

Счетные существительные китайского происхождения в отличие от японских („цу“) не имеют особого формального признака:

Ити	— один	Кудзю:	— девяносто
Ни	— два	Хяку	— сто
Сан	— три	Нихяку	— двести
Си	— четыре	Самбяку	— триста
Го	— пять	Сихяку	— четыреста
Року	— шесть	Гохяку	— пятьсот
Сити	— семь	Роппяку	— шестьсот
Хати	— восемь	Ситихяку	— семьсот
Ку	— девять	Хаппяку	— восемьсот
Дзю:	— десять	Кухяку	— девятьсот
Дзю:ити	— одиннадцать	Иссэн	— тысяча
Дзю:ни	— двенадцать	Нисэн	— две тысячи
Дзю:сан	— тринадцать	Сандзэн	— три „
Дзю:си	— четырнадцать	Сисэн	— четыре „
Дзю:го	— пятнадцать	Госэн	— пять тысяч
Дзю:року	— шестнадцать	Рокусэн	— шесть „
Дзю:сити	— семнадцать	Ситисэн	— семь „
Дзю:хати	— восемнадцать	Хассэн	— восемь „
Дзю:ку	— девятнадцать	Кусэн	— девять „
Нидзю:	— двадцать	Ити ман	— десять „
Сандзю:	— тридцать	Дзю:ман	— сто „
Сидзю:	— сорок	Хякуман	— миллион
Годзю:	— пятьдесят	Сэмман	— десять миллионов
Рокудзю:	— шестьдесят	Ити оку	— сто миллионов
Ситидзю:	— семьдесят	Дзю: оку	— миллиард
Хатидзю:	— восемьдесят		

Примечание: Кит. основы: сити и си (семь и четыре) нередко заменяются своими японскими эквивалентами: вместо сити часто говорят „нана“ (от нанацу), а вместо „си“—ён (от ёцу) — нанахяку, нанаман, ёмман, ёнхяку и т. д.; в об'яснении этого явления играет, между прочим, роль вполне своеобразный фактор языкового „табу“, т. е. суеверного запрета, налагаемого на употребление слога си—ввиду его совпадения с „си“ „смерть, умереть“ 死.

Китайские счетные ити, ни, сан и т. д. часто входят в состав сложных существительных:

Иппэн (вм. ити хэн)—один раз	Иппун (ити фун)—одна минута
Нихэн — два раза	Нифун — две минуты
Самбэн — три раза и т. д.	Сампун — три минуты и т. д.
Иссун (ити сун)—один вершок	Иккин (ити кин)—один фунт
Нисун — два вершка	Никин — два фунта
Сандзун—три вершка и т. д.	Сангин—три фунта и т. д.

Таких примеров может быть приведено чрезвычайно много. Во всех них первую часть слова составляет китайское счетное, а вторую, — либо слово китайского происхождения, как напр. в итинэн (нэн — год, слово китайского происхождения) или даже не слово, а часть слова китайского происхождения: итидзи — один час: слова „дзи" нет на японском языке, но будучи частью сложного слова, „дзи" связано со смыслом час, время: так дзикан значит время, дзики—срок, дзика—цена в последнее время, дзидзи — текущие события; во всех этих словах „дзи" обозначается одним иероглифом, который значит „время". Другой пример—нисун—два вершка. Слова „сун" самостоятельно также нет в японском языке. Оно встречается только как составная часть слов с китайскими счетными: сандзун, госун и т. д., либо также как часть слова: сумпо:—размеры и т. д. Вообще говоря, большинство слов, обозначающих различные меры (почти все они китайского происхождения) самостоятельно, без соединения с китайскими счетными существительными, не употребляются:

Ити бу — один бу [1]		Итирин — один рин [3]	
Иссяку — „	сяку	Иссэн — „	сэн
Иккэн — „	кэн	Итиэн — „	эн
Иттэ: — „	тэ:	Иссяку — „	сяку [4]
Итири — „	ри	Итиго: — „	го:
Итимэ — „	мэ [2]	Иссё: — „	сё:
Иккин — „	кин	Итто: — „	то:
Иккан — „	кан	Итикоку— „	коку.

---

[1]) Меры длины: 10 бу—1 сун; 10 сун—1 сяку; 6 сяку—1 кэн; 10 кэн—1 тэ; 36 тэ—1 ри.

[2]) Меры веса: 100 мэ—1 кин; 1000 мэ—1 кан.

[3]) Денежные единицы: 10 рин—1 сэн; 100 сэн—1 эн.

[4]) Меры емкости: 10 сяку—1 го; 10 го—1 се, 10 се—1 то; 10 то—1 коку.

Некоторые из этих мер и употребляются самостоятельно, как например „сяку“ — фут (говорят „сяку-о тору“ — измерять; или „сяку-га таримасэн“ — не хватает по мерке), но в большинстве случаев названия мер, сказанные без соединения с соответствующим счетным, даже не вызывает никаких смысловых ассоциаций у японца: бу, те:, кан, го , то· и т. д. без соответствующих пояснений будут непонятны для японца.

Заметим также звуковые чередования, происходящие при соединении китайских счетных с другими словами (наблюдающиеся впрочем и при слиянии других слов). Когда ити соединяется с словами, начинающимися на х, ф, с, т и к, мы имеем следующие чередования звуков:

Ити хэн — иппэн.
Ити сун — иссун.
Ити тан — иттан.
Ити кин — иккин.
Ити фун — иппун.

При соединении же с такими словами числительного дзю: чередование захватывает и гласный звук: дзиппэн, дзиппун, дзиссэн и т. д.

Року и хяку изменяются при соединении со словами на х: роппяку (року хяку), хяппики (хяку хики) и т. д.

Хати частично принимает участие в таких чередованиях, частично — нет. Так, говорится хати хэн, хати фун, но вместо хати сун или хати сё: говорят хассун и хассё:.

В японском языке таким образом существует ряд слов, состоящих из сложения китайских счетных и других слов (или их частей) китайского происхождения. Все эти слова итидо, самбэн, госун, хякуманто: и т. д. по существу морфологически не отличаются от имен, и нет никаких оснований к выделению их в специальный отдел.

§ 22.

Формальной особенностью китайских счетных является их способность об'единяться со специальными счетными суффиксами, различными в зависимости от категории перечисляемых предметов. Суффиксов таких довольно много.

Приводим наиболее употребительные из них:

1) При перечислении людей к соответствующему счетному прибавляется суффикс „нин“ (китайское чтение иероглифа 人 человек). Однако, „один человек“ может быть выражено также через „хитори“, „два человека“ всегда говорится только в виде „футари“, „четыре человека“ может говориться как „ёнин“, так и „ётгари“.

В остальных же случаях, как сказано, прибавляется суффикс „нин“: итинин, саннин, гонин, рокунин, дзю:нин и т. д.

При вопросе — „Сколько людей?“ — говорится: Икунин или наннин.

Иногда в разговорном языке вместо итинин, футари, саннин и т. д. говорится: итимэй, нимэй, саммэй, симэй, гомэй и т. д. („Мэй“ — китайское чтение иероглифа 名, значащего „имя“).

2) При перечислении животных, обычно употребляется суффикс хики: иппики, нихики, самбики, сихики, гохики, роппики, ситихики, хатихики, кухики, дзиппики, хяппики и т. д.

Чтобы спросить „сколько“, говоря о животных, говорят: намбики или икухики.

Сакудзицу ути-но нэко-ва нэдзуми-о гохики торимасита — вчера наша кошка (домашняя—нашего дома — кошка) поймала пять мышей.

Ано кариудо ину-о намбики моттэ имас-ка — сколько у этого охотника собак

При перечислении скота употребляется суффикс „то:“ — (голова): итто:, нито:, санто:, сито:, гото: и т. д.

Для птиц есть специальный суффикс „ва“: итива, нива, самба, сива, гова, роппа, ситива, хатива, кува, дзиппа, хяппа и т. д. При вопросе: икува.

Рыбы, в зависимости от формы, считаются на хон или маи: круглые (унаги—угорь, додзё:—вьюн) считаются на хон, плоские (хирамэ, карэ—камбала) — на маи. Но часто и рыбы считаются на хики. В южных же (кюсюских) говорах для рыб есть особый счетный суффикс: кон.

Коно екэйдзё-ни тори-ва хяппа каттэ имасу—в этом птичнике 100 птиц.

Хирамэ-о иппики (итимаи) тотта — поймал одну камбалу.

3) Для предметов круглой и продолговатой формы употребляется суффикс хон. Он применяется к перечислению, напр. пальцев, карандашей, вставок, деревьев, зубов, флагов и т. д.:

иппон, нихон, самбон, сихон, гохон, роппон, ситихон, хатихон, кухон, дзиппон, хяппон и т. д. При вопросе: икухон или намбон.

Маннэн-эмпицу иппон каимасита—купил одну самопишущую ручку.

Коно фудэ-ва иппон икура-дэс-ка — сколько стоит одна кисть?

4) При перечислении предметов плоских и имеющих более или менее значительную поверхность употребляется суффикс маи. К таким предметам относятся: бумага (листы), билеты, платье, простыни, салфетки, блюда и т. д: итимаи, нимаи, саммаи, симаи, гомаи, рокумаи, ситимаи, хатимаи, кумаи, дзю:маи, хякумаи и т. д. При вопросе: наммаи или икумаи.

Коно хако-но нака-ни ками-га наммаи хаиттэ имас-ка— сколько листов бумаги в этом ящике? Гомаи дэсу—5 листов.

До:дзо сара-ва итимаи кудасаи — пожалуйста, дайте одну тарелку.—Сара-о итимаи-мо моттэ имасэн—(у меня) нет тарелок.

5) Для перечисления зданий (домов, лавок, храмов и т. д.) употребляется суффикс кэн· иккэн, никэн, сангэн, сикэн, гокэн роккэн, ситикэн, хатикэн, кукэн, дзиккэн, хяккэн и т. д. При вопросе говорится: нангэн

Коно киндзё-ни рё:рия-га никэн аримасу — здесь в окрестности два ресторана.

Коно дзисин-дэ иэ-га гокэн цубурэта — от этого землетрясения разрушилось пять домов.

6) Для перечисления книг и бумажных денег употребляется суффикс сацу: иссацу, нисацу, сансацу, сисацу, госацу, рокусацу, ситисацу, хатисацу, кусацу, дзиссацу, хякусацу и т. д. При вопросе: нансацу, икусацу.

Омосирои хон-о ни-сансацу каситэ кудасаи—одолжите две-три интересные книги.

Коно сёмоцу-ва икусацу ару-ка—эта книга в скольких томах.

7) Для перечисления повозок — вагонов, колясок, автомобилей и т. д. употребляется суффикс дай. итидай, нидай, сандай, ёндай (сидай не говорится), годай и т. д.

Дзидо:ся-о сандай катта—купил три автомобиля.

При перечислении рикш употребляется как суффикс дай, так и суффикс тё·—иттё·, нитё., сантё: и т. д.

8) Для перечисления судов употребляется числительный суффикс со: иссо:, нисо:, сандзо:, сисо:, госо:, рокусо:, ситисо:, хассо:, кусо:, дзиссо: и т. д. При вопросе: нандзо: или икусо:.

Пэри-то ю: Амэрика-но цукаи-ва хадзимэтэ Нихон-э китта токи-ни гункан-о сисо: моттэ кимасита—Когда Перри, американский посланный, впервые прибыл в Японию, он взял с собой четыре военных корабля.

9) Для писем и документов употребляется цу:- итцу:, ницу:, санцу:, сицу:, гоцу:, рокуцу, ситицу:, хатцу:, куцу:, дзиттцу:, хякуцу: и т. д. При вопросе: икуцу:. В настоящее время „цу:" при счете употребляется очень редко.

10) Для перечисления мест и участков земли употребляется сложный суффикс касе (ка и сё), иккасе, никасё, санкасё, сикасё, гокасё, роккасе, ситикасе, хатикасе и т. д.

Санкасё-ни кидзу-о укэта—Он ранен в трех местах.

11) Для чашек, стаканов, бокалов (полных) употребляется суффикс хай иппай, нихай, самбай, сихай, гохай, роппай, ситихай, хаппай, кухай, дзиппай и т. д. При вопросе: икухай или намбай.

О-тя-ва мо: иппай агэмасё:-ка—разрешите налить еще чашку чая.

12) Для лекарств, затяжек табака употребляется суффикс фуку: иппуку, нифуку, самбуку, сифуку, гофуку, роппуку, ситифуку, хаппуку, куфуку, дзиппуку. При вопросе: намбуку или икуфуку.

Фуку употребляется также при перечислении кимоно.

13) При перечислении пар (носки, сапоги и т. д.) употребляется суффикс соку: иссоку, нисоку, сандзоку, сисоку, госоку, рокусоку, ситисоку, хассоку, кусоку, дзиссоку. При вопросах: нандзоку или икусоку.

Одзисан-кара риппана куцу-о иссоку итадакимасита—я получил от дедушки пару великолепных сапог.

Примечание: Некоторые японские грамматики относят к разряду суффиксов и такие слова как да:су (дюжина) и даже мэ:тору (метр). В таком случае и в словах иссун, госяку, никагэцу — сун, сяку, кагэцу тоже могли бы быть отнесены к счетным суффиксам Надо сказать, что в действительности граница между счетными суффиксами и такими частями слов, как вышеуказанные, очень нерезка. Разница

заключается лишь в том, что с сун, сяку, гэцу связаны определенные смысловые значения, хотя бы они и не были самостоятельными словами, а с хон, маи и т. д. не связано никакого смыслового значения, за исключением разве только указания на форму предмета, обозначаемого словом, к которому они присоединяются.

4-ая ГЛАВА.

О роде и числе существительных.

§ 23.

Было уже указано, что японские имена не имеют (грамматического) рода и числа Это обстоятельство часто вызывает недоумение приступающих к изучению японского языка. Привычка в каждом слове в родном языке различать число и род затрудняет восприятие отсутствия их в чужом языке. Между тем, если вдуматься, далеко не всегда различие (грамматическое) необходимо для логического уяснения данной фразы. Так, напр., если мы говорим по-русски „По улице шли две девочки", то „две" уже говорит за то, что число множественное и окончание на „и" уже ничего нового не поясняет Далее, часто число не имеет значения для смысла фразы. Если же его необходимо указать, то оно указывается по-японски посредством описательного оборота, вставки, скажем, слов: много, несколько, одна и т. д. Помимо этого, в японском языке имеются и специальные суффиксы множественного числа, хотя и употребляющиеся весьма редко, только в случае необходимости.

Из этих суффиксов можно указать следующие: гата, тати, сю, домо и ра.

Гата говорится про людей:

Окусангата — дамы, барыни.

Синногата — принцы.

Дайдзингата — министры и т. д.

Тати, сю, домо тоже относятся к людям, а ра и к людям, и к животным и даже к вещам.

Хитотати — люди (хито — человек).

Сикантати — офицеры (сикан — офицер).

Оннасю — женщины (онна — женщина).
Хякусё:домо — крестьяне (хякусё — крестьянин).
Кодомора — дети (кодомо — ребенок)
Какэра — осколки (какэ — осколок)

Примечание: все эти слова употребляются чрезвычайно редко, можно прочесть целую книгу и ни разу их не встретить. Те же из них, которые встречаются часто, мыслятся уже не как существительные множественного числа, а как обычные существительные без числа, так напр., слово „кодомо" — значащее сейчас „ребенок", прежде значило „дети": „ко" (ребенок, употребляется и в настоящее время) и „домо" — суффикс множественного числа; теперь же для определенного обозначения множественного числа к „кодомо" прибавляется второй формант множественного — „ра". То же и в слове „томодати" — приятель: „томо" — друг и „тати" — суффикс множественного числа.

Обычно в грамматиках японского языка указывается еще один способ образования множественного числа: удвоение слова. хитобито (хито — человек), кунигуни (от куни — страна, провинция), токородокоро (от токоро — место). Однако, здесь дело обстоит не так просто: такие слова как вышеперечисленные, не значат просто „люди", „места", „страны" и т. д.—удвоением вносится и некоторый особый смысловой оттенок так:, „хитобито" значит—все люди, „токородокоро" — различные места, или даже наречно „то там, то сям" и т. д.

Что же касается обозначения рода, то только при обозначении животных иногда пользуются некоторыми префиксами —о, он—для мужского рода и мэ, мэн — для женского

Оуси — бык, мэуси — корова (уси — для того и другого).

Оину — кобель, мэину — сука (ину — собака).

Ондори — петух, мэндори — курица (тори — птица) и т п.

Однако, чаще и эти префиксы не употребляются, говорится же. самка и самец. Ину-но мэсу — самка собаки, ину-но осу — самец собаки. Нэко-но мэсу — кошка, нэко-но осу — кот и т. д. („Мэсу" значит самка, „осу" — самец).

5-ая ГЛАВА.
Пиэтетический префикс „о“ или „го“.

§ 24.

Как указывалось (стр. 17), японские существительные могут принимать пиэтетические (гонорифические — почтительные) префиксы: „о“ (или сравнительно редко „он“) для слов японского происхождения, и „го“ (или редко „гё“) для слов происхождения китайского.

Пиэтетический префикс употребляется тогда, когда речь идет о предметах, вещах, обстоятельствах, касающихся лиц, в отношении которых должно быть высказано почтение. В большинстве случаев, однако, пиэтетический префикс ставится при обращении ко второму лицу. Часто он вообще служит признаком второго лица· „О-мэ-ва икага-дэс-ка“. — Как Ваши глаза? — Прибавлять „аната-но“ — Ваши — нет никакой необходимости, так как „о“ („о-мэ“) показывает, что речь идет о „Ваших“ глазах.

Иногда префикс „о“ может стоять и с третьим лицом: Окусан-ва о-ути-дэ ирассяимас-ка. — Дома-ли госпожа? В этом примере „о“ перед „ути“ стоит для выражения уважения к госпоже. То же и в следующей фразе: Даннасан-но о-тэ-ва ти:со: годзаимасу, — Руки у господина маленькие. „О“ перед тэ выказывает почтение к господину.

Как сказано, префикс „о“ ставится при словах чисто-японского происхождения: О-тэ — рука (Ваша), о-мэ — глаза (Ваши), о-ути — дом (Ваш) и т. д. При словах китайского происхождения употребляется аналогичный китайский префикс „го“— госясин — фотография (Ваша), гое: — дело (Ваше), гохо:мон— посещение (Ваше) и т д.

Однако, встречаются слова китайского происхождения, имеющие перед собой только „о“: так, например, о-тя—чай, о-сэдзи— комплимент, о-рэй — благодарность, о-таку — дом (Ваш). И наоборот, есть слова японские, принимающие китайский префикс „го“: например: гоюккури — не торопясь, гомоттомо — поистине и т. д. Некоторые слова употребляются иногда с „о“, а иногда с „го“, так например можно сказать госясин — (ваша фотография) и о-сясин; готандзё:би и о-тандзё.би (день рождения) и т д.

Некоторые слова срослись с пиэтетическим префиксом и без него не употребляются: годзэн или гохан — обед (рис) — не говорятся без „го"; о-нака — живот, без „о" будет непонятно, говорится с пиэтетическим префиксом даже про свой собственный живот. Госё — императорский дворец. слова сё без го не существует.

Особенно часто префикс „о" употребляется женщинами. Некоторые слова женщины говорят только с „о", тогда как мужчины могут свободно обойтись и без него. Например, женщины всегда говорят: о-тя (чай), о-каси (пирожное), о-ю (кипяток, ванна), о-тэнки (погода) и т. д.

В старом языке префиксом почтительности являлось также „ми" (в качестве самостоятельного имени „ми" значит „тело" [и этимологически соответствует, по всей вероятности, манчжурскому beje—bòjo]; сравн., м. пр. аналогичное же употребление немецкого Leib „тело" в таких сочетаниях как лейб-медик, лейб-гвардия и т. д.) например в таких словах, как микадо—император (кадо—ворота; сравн. вполне аналогичное выражение—La Haute Porte: „Высокая Порта" — про монархию османов), мия — храм (я — дом), микотонори — императорский приказ и т. д. В настоящее время „ми" в этих словах уже не осознается как префикс почтительности. Однако изредка и теперь ми употребляется в этом смысле, так, говорится, особенно женщинами, „о-миаси" — ваши ноги.

(К некоторым словам, префиксы „о" или „го" никогда не приставляются, как бы почтителен оборот фразы ни был. К таким словам относятся например: данна — господин, окусан — госпожа, сэнсэй — учитель и другие).

6-ая ГЛАВА.

Сложные существительные.

§ 25.

Сложные существительные, имеющиеся и в русском языке (пароход, красноармеец и т. д.), чрезвычайно многочисленны в японском языке.

Сложные существительные по-японски могут быть составлены:

1) Из двух существительных:

Кадогути — вход (кадо — дверь, кути — отверстие, рот).

Хибаси — палочки для угля в жаровне (хи — огонь, хаси — палочки).

Кутибуэ — свисток (кути — рот, фуэ — флейта).

Мидзугэмури — брызги воды (мидзу — вода, кэмури — дым).

Саканаити — рыбный рынок (сакана — рыба, ити — рынок).

2) Из корня прилагательного и из существительного:

Аодакэ — молодой бамбук (ао от аои — синий, зеленый, такэ — бамбук).

Аокаэру — зеленая лягушка (ао от аои, каэру — лягушка).

Вакаданна — молодой господин (вака от вакаи — молодой, данна господин).

Акахигэ — красноусый (иностранец) (ака от акаи — красный, хигэ — усы).

3) Из существительного и глагольного имени; при чем существительное может занимать как первое, так и второе место.

Какимоно — письмо (написанное, письменный документ) (каки — 2-ая база от глагола каку — писать; самостоятельно как существительное не употребляется; моно — вещь).

Мигото — великолепие (ми от миру — смотреть, кото — дело).

Итасиката — способ действия (итаси от итасу — делать, ката — образ).

Икисаки — цель (ики от ику — итти, саки — перед).

Кабуримоно — головной убор (кабури от кабуру — накрывать голову; моно — вещь).

Какэдокэй — стенные чассы (какэ от какэру — вешать; токэй — часы).

Во всех этих примерах глагольная часть занимает первое место. Нижеследующие сложные существительные построены по обратному принципу:

Исинагэ — бросание камней (иси — камень; нагэ от глагола нагэру — бросать; нагэ употребляется и самостоятельно в смысле „падение").

Каэруоёги — плаванье лягушкой (каэру — лягушка; оеги — глагольное имя от оегу — плавать).

Кадодэ — отбытие (кадо — ворота; дэ от дэру — выходить).

Кумогакурэ — исчезновение за облаками (кумо — облако; какурэру — исчезнуть, скрыться)

Монооки — склад (моно — вещь; оки от оку — класть).

Момомораи — нищий (моно — вещь; мораи от морау — получать).

Мэцубуси — наглазник (у лошадей) — (мэ — глаз; цубуси от цубусу — давить).

4) Из двух глагольных имен, например:

Какигомэ — регистрация, заказное письмо (каки от каку — писать; томэ от томэру отмечать).

Икивакарэ — расстаться навсегда (ики от икиру — жить; вакарэ от вакарэру — расставаться).

Отметим также сложные существительные как о:-бака — страшный дурак; о:-кадзи — огромный пожар, о:-кадзэ — ураган, или ко-дзуцуми — посылка, небольшой сверток; ко-юби — маленький палец и т. д. Первую группу слов об'единяет префикс „о:", имеющий значение „большой", вторую „ко" — маленький. Самостоятельно ни „о:" ни „ко" не употребляются; и приложены они могут быть не ко всем словам.

Отметим также такие сложные существительные, как „уэкия" — садовник, „саканая" — рыбник (торговец рыбой), „кудуя" — сапожник, „кусурия" — аптекарь и т. д. Все эти существительные оканчиваются на „я". Как самостоятельное имя, это „я" не употребляется, но в сочетании с некоторыми существительными оно образует новое существительное, означающее или профессию, или лавку, торговый дом, торгующий тем предметом, который обозначает первая часть сложного существительного.

Примечание: Существительные китайского происхождения, означающие профессию или обладание известным свойством, оканчиваются на „ка". „Кэнтикука" — архитектор (кэнтику — постройка), „бэнке:ка" — усердный (бэнкё: — занятия), сакка — писатель, тайсёкка — обжора и т. д.

Некоторые сложные существительные представляют собой сочетания японских и китайских (китайского происхождения) слов. Например: Хякусе.еми — мужицкое чтение (неправильное чтение иероглифов), хякусе: — крестьянин, слово происхождения китайского, и ёми — чтение, от японского глагола ему — читать. Дзе букуро (конверт), дзё. — письмо — китайское слово, самостоятельно не употребляющееся, букуро (фукуро) — мешок — слово японское.

Примечание: Некоторые слова китайского происхождения настолько японизировались, что они могут считаться в настоящее время японскими словами. Такое сочетание, как фурухон'я (букинист) — является конечно японским словом,

хотя слово „хон“ происхождения китайского. Но самое сочетание его с „я“ показывает, что оно вполне японизировалось. То же, например, в сочетании „кокудака“ (коку— мешок риса, дака от такай — высокий), величина рисового дохода в феодальных владениях, конечно воспринимается как сочетание двух японских слов. „Коку“ вполне японизировалось, хотя менее чем „хон“, так как считать итикоку, никоку, сангоку и т. д. можно, а ниппон, нихон, самбон, и т. д. про книги считать нельзя.

До сих пор мы говорили исключительно о существительных японских; однако мы имеем еще целый ряд существительных китайского происхождения, т. е существительных, давно попавших в японский язык из китайского, или же неологизмов (новых слов), возникших на японской почве путем составления иероглифов (при возникновении нового понятия подыскивают соответствующие по смыслу иероглифы; возникшая таким образом новая комбинация иероглифов читается по чтению отдельных иероглифов (по он'ам), входящих в состав ее). Обычно эти существительные китайского происхождения относят к разряду сложных существительных, однако этот вопрос требует особого исследования, которое не может входить в элементарную грамматику японского языка.

Примечание I. Рассматривать все китайские существительные как сложные вряд ли возможно. Если стать на такую точку·зрения, то в китайском существительном будет столько же слагаемых, сколько иероглифов в его написании. Если же неграмотного (т. е. незнающего иероглифов) японца спросить, считает ли он сложное слово „тэцудо:“ (железная дорога) таким же, скажем, как „саканаити“ (рыбный рынок),— он даст отрицательный ответ В последнем слове всякий японец, даже ребенок, различит две части· сакана — рыба, и ити — рынок, в первом же, несмотря на то, что слово „тэцу“ существует (этот „он“ японизировался настолько, что может служить отдельным разговорным словом), а „до:“ часто встречается и в других словах (Хоккайдо , до:ро—дорога, до:тю:—нахождение в пути и т. д.), – для рядового японца, (который не мыслит иероглифами)—это не сложное существительное, а простое. В особенности же утрачивают делимость

комплексы, участвующие в звуковых чередованиях — напр. риппуку „гнев“ из рицу 立 стоять и фуку 腹 живот.

Было бы конечно просто разрешить вопрос, об'явив все (кроме пишущихся одним иероглифом) китайские существительные сложными, или обратно (что имело бы бо́льшие основания) — признать все китайские существительные простыми; но и это последнее решение было бы неправильным. В таких словах, например, как „Дэнкитэцудо:“ (электрическая железная дорога), совершенно определенно всяким японцем сознаются две части. дэнки (электричество) и тэцудо: (железная дорога)—и слово является бесспорно сложным. Но при разборе таких сложных китайских существительных с точки зрения японского мышления по существу является неважным его китайский состав, т. е. делимость на определенное число китайских морфем, каждой из которых соответствовал особый иероглиф.

Примечание II. Оставляя в стороне вопрос о сложности существительных китайского происхождения, мы отметим однако, что многим из таких существительных нет соответствующих по значению в нашем (русском) языке. Приведем несколько примеров:

„Нихонно:гѐ:сирон“—это безусловно одно слово, хотя мы можем разбить его на составные части. Отделим прежде всего слово „Нихон“, употребляющееся самостоятельно („Нихон“ значит Япония); далее „Но:гё.“—земледелие, также употребляющееся самостоятельно; далее „си“ — история — самостоятельно не употребляющееся, но входящее в состав многих слов китайского происхождения (напр. „Кэйдзайси“ — экономическая история); и наконец — „рон“ — рассуждение, также самостоятельно не употребляющееся (если не считать глагола рон - дзуру „рассуждать“), но тоже часто встречающееся в составе китайских слов (например „Сихонрон“ — рассуждение о капитале). Итак „Нихонно·гѐ·сирон“ мы переведем „Рассуждения по Истории Японского Земледелия“. Таким образом одному японскому слову соответствуют пять русских, что не дает, однако, никакого права разделять японское слово на „Нихон Но:ге: Си Рон“. Могут быть и более сложные слова, напр. „Нихонро·до:кумиаихе:гикай“;

Нихон — Япония; Ро:до — труд; кумиаи — союз (заметим, что кумиаи — слово японского происхождения; куми значит партия, группа; аи от глагола ау — встречаться, соединяться), хё гикай — совет. Итак — Совет Японских Рабочих Союзов. Таких примеров, как вышеприведенные, чрезвычайно много. Такие слова очень легко составляются и так же легко распадаются[1]. Каждый автор, особенно научной книги, неизбежно является словотворцем, но слов, им сотворенных, очень часто нигде кроме его книги найти нельзя. Отсюда понятно, что многие такие слова могут пониматься, только когда смотришь на них в книге[2] И это обстоятельство, разумеется, ставит под вопрос равноправность этих слов с другими, всем и каждому понятными

---

[1] Все это в значительной мере напоминает нам способ образования сложных слов (порою весьма из большого числа отдельных основ) в немецком языке [или же, с другой стороны, в позднем санскрите].

[2] Вот почему проблема предстоящей латинизации японского письма неизбежно связывается и с вопросом о частичной реформе самого письменного языка, вернее его словаря· слова, для понимания которых необходимо зрительное восприятие иероглифического их написания, должны будут быть, конечно, заменены другими—вполне понятными на слух; на практике это выразится, в большинстве случаев, в виде замены известного ряда сложных слов китайского происхождения чисто японскими словосочетаниями и сложными словами

Раздел второй.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.

7-я ГЛАВА.

Основные признаки прилагательного.

§ 26.

Прилагательное (по-японски кэйё:си) имеет следующие основные признаки, отличающие его от остальных частей речи (существительного и глагола):

1) Две основные формы:

А. Аттрибутивно-предикативная форма, т. е. форма для определения и сказуемого — на и.

Акаи хана — красный цветок (в этом примере прилагательное акаи — является определением к существительному хана).

Б. Адвербиальная (наречная) форма на ку [1]).

Карэ-ва хаяку тити-о усинатта — Он рано потерял отца (хаяку — адвербиальная форма, соответственной аттрибутивно-предикативной формой будет хаяи).

2) Наличие спряжения по временам, которое имеет отличную от глагольного спряжения суффиксальную структуру. Спряжение прилагательных менее полно, чем глаголов (это, следовательно, — дефективное спряжение). (Описание спряжения будет дано ниже).

Примечание. Наличие спряжения роднит прилагательное с глаголом, и на основании этого признака японские традиционные грамматики об'единяют глагол и прилагательное в одну категорию изменяемых слов — Ё.ген — противополагая их именам — неизменяемым словам — тайгэн. Если для об'единеня глаголов с прилагательными и существуют некоторые (с нашей точки зрения недостаточные) основания, то для указанного противоположения оснований нет. Япон-

---

[1]) В западных и южных говорах наречная форма выражается суффиксами о. или у:. Форма на о: или у. встречается и в токиоском говоре, но только в исключительных позиционных условиях, в частности перед глаголом годзару: такогодзаимасу — дорого, ёросю: годзаимасу — хорошо и т. д.

ские грамматики исходят из ошибочного положения о несклоняемости имен.

3) Наличие просубстантивной формы на „но“ [1]). Это вторичная форма. Ко всякому прилагательному на „и“ может быть присоединен суффикс „но“, и этот суффикс играет роль мостика от прилагательного к имени. Полученные от присоединения „но“ слова (акаи-но, сирой-но, еи-но и т. д.) синтаксически не отличаются от имен и могут быть склоняемы, как обычные имена:

Сирой-но-о каттэ кудасай — Купите белый (если, например, продаются белый и красный цветы) [2]).

Примечание: суффикс „но“ может принимать и глагол. При чем от присоединения этого суффикса глагол тоже „превращается“ в имя (см. раздел. „Глагол“) Суффикс „но“ может также быть присоединен к имени, деформированному посредством суффикса „на“ Так, могут быть такие формы: кирэй-на-но, нигияка-на-но и т. д. „На“ (синтаксически) переводит имя в категорию прилагательных, а „но“ снова возвращает его к имени. Отсюда такие формы, как кирэй-на-но, могут склоняться; Кирэй-на-но-о эранда-ка?—Выбрал ли ты красивого (ую, ое) (того, который красив, ту которая красива)?

4) Отсутствие полного склонения основной формы прилагательного, формы аттрибутивно-предикативной.

Прилагательное (в предикативной форме), так же как существительное, может соединяться с суффиксом „дэс“ (или „да“), но этот суффикс мы условно отнесли к падежным: кроме того, обычно между прилагательным и суффиксом дэс вставляется формант „но“ (просубстантивной формы), иногда фонетически измененный в „н“,—варуи-н-дэсу, акаи-н-дэсу и т. д., хотя в современном языке говорят и варуи-дэсу, акаи-дэсу и т. д.

5) Наличие довольно определенной акцентуационной характеристики. Существуют два типа прилагательных:

А. Акаи akai (ровный тон)	Акаку akaku (безударно)
Б. Сирои śi'roi (повышение на втором слоге)	Сироку 'śiroku (повышение на первом слоге).

[1]) В Нагасакском говоре суффиксу „но“, как форманту просубстантивной формы, соответствует суффикс „то“, в Тосаском говоре — „га“

[2]) Разница между сирои и сирои-но приблизительно та же, что между французским votre и le vôtre.

В первом примере все слово акаи произносится на одну ноту— это т. наз. ровный тон или „дзэнхэй“ (см. 2-ую часть—фонетика). Прилагательные, имеющие в аттриб.-пред. ф. ровный тон, в наречной тоже не имеют ударения. Во 2-м примере—ударение в 1-ой (аттриб.-пред.) ф. стоит на 2-м слоге — в таких случаях наречная форма имеет ударение на 1-м слоге.

§ 25.

Синтаксически прилагательные стоят очень близко к глаголу. Основными синтаксическими признаками, которые тут нужно отметить, следует считать то, что прилагательное не принимает определения и всегда (речь идет, конечно, об аттрибутивно-предикативной форме) само определяет имя. Наречная форма по большей части относится к глаголу (определяет глагол).

Отсюда — прилагательное или стоит перед именем (когда оно его определяет — аттрибутивная форма), или в конце предложения (когда оно является сказуемым — предикативная форма).

Прилагательное как в своей первой (основной) аттрибутивно-предикативной, так и во второй — адвербиальной форме— имеет дефективные склонения:

А. Акаи-то аои — красный и синий

Б. О:ку-но хито — много людей.

В. Осоку-мадэ — до позднего времени.

Г. Хаяку-кара — с раннего времени.

В первом примере перед падежным суффиксом стоит прилагательное в своей основной аттрибутивно - предикативной форме, в остальных — в наречной.

Примечание: Напомним, что японские прилагательные по родам не изменяются. Как мы уже знаем, существительные рода не имеют и следовательно никакого согласования между прилагательными и существительными быть не может. Прилагательные, так же как и существительные, не изменяются и по числам.

8-ая ГЛАВА.

§ 28

Спряжение прилагательных.

Японское прилагательное имеет свое, принципиально отличное от глагольного, спряжение. Формы этого спряжения таковы:

1. Ао-катта
2. Ао-каро.
3. Ао-каттаро
4. Ао-кэрэба
5. Ао-каттара
6. Ао-кутэ
7. Ао-каттари

Разберемся в значении каждой из этих форм.

1) катта — окончание прошедшего времени

Сирокатта — был белым.

Окикатта — был большим

Вакакатта — был молодым.

Сакудзицу-но сибаи-ва омосирокатта-ка. — Вчерашний театр (спектакль) был интересен? (омосирокатта от омосирои — интересно).

Кино:-но будо:сю-га ёкатта, нэ. — Вчерашнее вино было хорошим (ёкатта от ои [или ии] — хороший) не так ли?

Вместо екатта, омосирокатта и т. д. японцы часто употребляют описательные формы. Ои-дэсита (ои-н-дэсита). Говорят также и ёкатта-дэс.

2) каро: — окончание, выражающее вероятность.

Омосирокаро: — будет интересно; ёкаро: — будет хорошо; мудзукасикаро: — будет затруднительно.

Эти формы встречаются много реже, чем описательные с дэс. Вместо омосирокаро: говорят омосирои-дэсе: (омосирои-н-дэсе:) или омосирои даро (омосирои-н-даро:). Желая сказать „Эта статья, вероятно, интересна", японец скорее скажет: „Коно ромбун-ва омосирои-дэсё ", чем: „Коно ромбун-ва омосирокаро:".

3) Каттаро: — окончание прошедшего вероятного:

Самукаттаро: — (вероятно) было бы холодно

Екаттаро: — „ „ „ хорошо

Омосирокаттаро: — „ „ „ интересно.

4) Кэрэба — условное настоящее.

Самукэрэба — если холодно.

Екэрэба — „ хорошо.

Омосирокэрэба — „ интересно.

Омосирокэрэба киитэ кудасай — если интересно, послушайте.

5) каттара — условное прошедшее (предположительное).

Екаттара — если бы было хорошо

Омосирокаттара — „ „ „ интересно

Каттара и кэрэба часто употребляются без особого различия. Тэнки-га ёкэрэба, кими-но токоро-э канарадзу маримас — Если погода будет хороша, то я к тебе непременно приду. — Но эта мысль может быть выражена также: Тэнки-га екаттара кими-но токоро-э канарадзу маримасе: Здесь каттара выражает действие прошедшее только по отношению к действию главного предложения.

Если бы погода была хороша (на самом деле она не была хороша), прогулка была бы приятней. — Тэнки-га ёкаттара, сампо-га юкакаттаро: (От юкай - - приятный).

Вместо ёкаттаро', омосирокаттаро: японцы часто говорят: ёи-дэсе: (ёи-даро:, омосирои-даро:) или ёи-н-дэсё:, омосирои-н-дэсе:. Так например:

Коно тити-ва ии(ёи) дэсё: (даро)-ка. — Хорошо ли это молоко? говорится много чаще, чем „коно тити-ва ёкаро:-ка".

Вместо екэрэба, омосирокэрэба часто говорится омосирои нара, ёи нара. („Нара" — сокращение от нараба — условной формы глагола „нару" — быть).

Вместо екаттара, омосирокаттара часто говорится ёкатта нара, омосирокатта нара.

6) Кутэ — деепричастие:

Самукутэ — от самуи — холодно.

Ёкутэ — от ёи — хорошо.

Омосирокутэ — от омосирои — интересно.

Приведем примеры употребления деепричастной формы прилагательного:

Коно мати-но ути-ва такакутэ уцукусии — Дома в этом городе высоки и красивы (буквально — дома в этом городе, будучи высоки, красивы).

Таким образом в этом предложении функция деепричастной формы прилагательного равносильна нашему соединительному союзу „и". Иногда же, однако, она может иметь значение и противоположения:

О-тэра-ва тикакутэ гакко -га то:и—Храм по близости (близок), а школа далеко (далека).

Весьма распространены следующие обороты:

Самукутэ дэрарэмасэн. — Так холодно, что невозможно выйти (из-за холода) (дэрарэмасэн — отрицательная форма потенциального залога от дэру—выходить).

Ацукутэ сие:-га най. — Так жарко, что (прямо) невозможно (из-за жары).

В этих примерах деепричастная форма имеет оттенок причинности.

7) Каттари — участительное наклонение. Указывает на перемежающееся действие: (см стр. 94).

Ёкаттари варукаттари — то хорошо, то плохо.

Ацукаттари самукаттари — то жарко, то холодно.

§ 29.

Отрицательных форм в спряжении прилагательных не имеется. Они образуются из наречной формы прилагательного и отрицательного „наи" (неимеющийся). Приведем пример отрицательного спряжения прилагательного:

Омосироку най — настоящее.
„ накатта — прошедшее.
„ накаро: — будущее.
„ накаттаро: — прош. вероятное.
„ накэрэба — условное настоящее.
„ накаттара — „ прошедшее.
„ накутэ — деепричастие.
„ накаттари — участительное.

Корэ-ва сукоси-мо омосироку най — это совсем неинтересно.

Сакудзицу-но сибаи-ва омосироку накатта — вчерашнее представление было неинтересно.

Ёку накаро: — будет нехорошо.

Корэ-ва омосироку накэрэба хока-но хон-о ёндэ кудасаи.— Если эта книга неинтересна, почитайте другую.

Кураку-накаттара ёкаттаро: — если бы не было темно (тогда как на самом же деле было темно), было бы хорошо.

Коно сина-га ёку-накутэ варуку-мо най —Этот товар ни плох, ни хорош.

Японцы, однако, чаще употребляют описательные формы:

Вместо омосироку накатта говорится омосироку най-дэсита (омосироку най-н-дэсита).

Вместо омосироку накаро говорится омосироку най-дэсё (или най-н-дэсё:).

Вместо омосироку накэрэба говорится омосироку най нара(ба).

Вместо омосироку накаттара говорится омосироку най-дэситара (или най-н-дэситара)

Вместо омосироку накаттаро: говорится омосироку най-дэситаро (или най-н-дэситаро).

Можно услышать и такие обороты: омосироку-н-дэ-ва найдэсита — вместо омосироку накатта и т. д.

9-ая ГЛАВА.

Сложные прилагательные.

§ 30.

Сложные прилагательные, так же как и сложные существительные, очень распространены в японском языке. Иногда имеет место соединение двух прилагательных (корень одного плюс другое прилагательное), иногда же соединяются имя существительное и прилагательное, иногда глагол (глагольное имя) и прилагательное. Приводим соответствующие примеры:

Хосонагаи — тонко-длинный (хосо — корень прилагательного хосои „тонкий". Нагаи — прилагательное, — „длинный").

Хосонагаи юби — длинные и тонкие пальцы.

Усугураи — полутемный (усуи — тонкий и кураи — темный).

Аса усугураи дзибун окита — встал утром, в то время как было еще полутемно (в полутемное время).

Надакаи — известный, имеющий имя (на — имя, существительное, такаи — высокий).

Ано хито-ва сэйдзикай-дэ надакай, — Этот человек известен в политических сферах.

Сиокараи — соленый (сио — соль, карай — едкий).

Соно сакана-ва сиокарай — эта рыба соленая.

Насакэбукай — милосердный (насакэ — милость, сочувствие; фукай — глубокий).

Насакэнай — бессердечный (най — отрицательное прилагательное), насакэнай может иметь также значение жалкий: Хонто-ни насакэнай!—„Как я жалок!" Значит также „постыдный": Эдокко-ва Сэнгокудзи-о сиран-то-ва насакэнай, — Для эдокко

(настоящего уроженца Токио; Эдо — старое название Токио) не знать Сэнгокудзи — постыдно.

Абуракон — жирный (абура — жир, кои — густой).

Абуракон табэмоно — жирная еда.

Тэараи — грубый (тэ — рука, араи — грубый).

Тэараи торнацукаи — грубое обращение.

§ 31.

Отметим группу сложных прилагательных, образованных из существительных (или иногда — глаголов), с помощью особых прилагательнообразных морфем, самостоятельно, однако, не употребляющихся, и являющихся, следовательно, суффиксациями (придающими всему комплексу особое значение). Приводим примеры таких прилагательных:

1⁰. Мирэнгамасии.
Каттэгамасии.
Танингамасии.
Ситэиругамасии.

Мирэн — значит трусость; мирэнгамасии — трусоподобный. Мирэнгамасии кото-ва синай — я не сделаю ничего такого, что походило бы на трусость.

Каттэгамасии; каттэ — своеволие; каттэгамасии — похожий на своеволие, носящий характер каприза. „Каттэгамасии кото дэсу га..“ — „Хотя это (что я говорю) и может показаться капризом, своеволием“ (вводная фраза при обращении с просьбой, указанием и т. д.).

Танингамасии — от танин — чужой человек, значит: похожий на чужого человека, на иностранца, не имеющий отношения к тому, о чем говорят.

Ситтэиругамасии — от ситтэ иру — знать,—претендующий на знания, с видом знатока.

2⁰. Такого же типа прилагательные на расии:

Отокорасии. Харурасии.
Оннарасии. Бакарасии и др.
Амэрасии.

Отокорасии — от отоко, мужчина; похожий на мужчину, свойственный мужчине, мужественный. Отокорасии отоко-да, — он мужественный мужчина. Отокорасии хатараки — мужественные дела.

Оннарасии; от онна — женщина, — женственный. Оннарасии отоко — женственный мужчина; оннарасии инката — Способ говорить как у женщины.

Амэрасии от амэ — дождь. Похоже на дождь (кажется, пойдет дождь).

Харурасии — от хару — весна, похожий на весну, весенний. Харурасии кэсики — весенний (похожий на весну) вид.

Бакарасии — от бака - - дурак; дурацкий.

Таким образом, „расии" (употребляющееся только в сложениях) значит „подобный", „похожий". Иногда это значение отходит на задний план, и тогда „расии" является просто суффиксом (формантом) от именного прилагательного. Говоря „бакарасии кото-да" (это—дурацкие дела, обстоятельства), никто не придает здесь „расии" смысла „подобный".

„Расии" может соединяться и с глаголами:

Амэ-га фурурасии — Кажется пойдет дождь.

Мо: киматтарасии — кажется уж решено.

(Киматта — прошедшее время от кимару — решать, киматтарасии — прилагательное).

§ 32.

Особое место также занимают прилагательные, где первой частью являются существительные или глагольное имя, а второй частью — одно из прилагательных:

кусай,	катай,
ясуй (или ёи)	то·и,
никуи,	курусии и т. д.

Кусаи. Так, например: хайкара - кусай, букке:кусай, гакуся-кусаи, мэндо:кусаи, табакокусаи, фурукусаи и т. д.

Хайкара — значит шик, от английского слова high collar— высокий воротник. Кусай — вонючий, плохо нахнущий. Хайкаракусаи — бьющий на шик, на моду.

Буккэ кусаи — буккэ: — буддизм. Воняющий буддизмом, отдающий буддизмом, поповский.

Гакусякусаи — гакуся — ученый. Воняющий ученостью. Педантичный, схоластичный.

Мэндо:кусаи — мэндо: — затруднения; пахнущий затруднениями — надоедливый.

Табакокусаи — Табако — табак; табакокусаи — в самом буквальном смысле — пахнущий табаком.

Фурукусаи — фуру от фуруи — старый. Здесь кусаи соединяется с корнем прилагательного (сравн. хосонагаи, усугураи и т. д.). Фурукусаи значит старофасонный, старомодный, „пахнущий нафталином". Кими-но бо си-ва фурукусаи — твоя шляпа старомодная.

Прилагательные, в состав которых входит слово „ясуи": эясуи, усинаиясуи, обоэясуи и т. д.

Эясуи — э корень глагола (глагольное имя), сравнительно редко употребляющегося в разговорном языке — эру — мочь, получать; и прилагательное „ясуи" — легкий (дешевый). Эясуи — значит дающийся без труда, легко получаемый, дешевый.

Коннити-дэ-ва эясукарану сэйнэн-да — В наши дни это редкий (нелегко отыскать такого) юноша.

Усинаиясуи: усинаи — глагольное имя от усинау — терять; усинаиясуи — легко теряющийся (то, что легко потерять).

Эясуки моно усинаиясуи — То, что легко приобретается, легко и теряется.

Вакариясуи — (вакари — глагольное имя от вакару — понимать) — легко понимаемый (легко дающийся), удобопонятный.

Вакариясуи сэцумэй-га цуитэ иру — Сопровождается удобопонятным комментарием.

Обоэясуи — (обоэ глагольное имя от обоэру — запоминать) — легко запоминающийся.

Обоэясуи ута — легко запоминающаяся песнь.

Примечание: вместо „ясуи" иногда говорят „ёи" (хороший) вакариёи, обоэёи и т. д.

Далее мы имеем группу на „катаи" или „никуи", как-то: аравасигатаи (-никуи), ханасигатаи (-никуи), ноборигатаи (-никуи), синдзигатаи (-никуи) и т. д.

Аравасигатаи (-никуи) — (араваси глагольное имя от аравасу — выявлять, обнаруживать; катаи (-гатая) — твердый, трудный; никуи — отвратительный) — трудно выразимый.

Эйго-де омоу-кото-о дзуйбун аравасигатаи — Выражать свои мысли на английском языке весьма трудно (на английском языке мысли очень трудновыразимы).

Ханасигатаи (ханаси — ханасу — говорить) — трудно говоримый.

О:дзэй хито-но китэ иру токоро-дэ-ва ханасигатаи ё-на ки-га суру, — Мне трудно говорить в присутствии многих людей.

Ноборигатаи — (нобори — от глагола нобору — подыматься, влезать) — трудный для под'ема.

Коно яма-ни-ва ноборигатаи — эта гора трудна для под'ема.

Синдзигатаи (синдзи от синдзуру — верить), — в который трудно поверить.

Коно хо коку ва синдзигатаи — этому известию трудно поверить.

К группе прилагательных на то:и принадлежат, например, матидо и, маваридо:и и т д.

Матидо:и (мати — глагольное имя от мацу — ждать, то:и — далекий) — ожидаемый с нетерпением, долгожданный.

Майнити симбун-га матидо:и — Каждый день я с нетерпением жду газеты.

Примечание: Отметим выражение, происходящее от вышеуказанного сложного прилагательного: „О-матидо:-сама" — я Вас заставил долго ждать. — Говорится как извинение, если заставить ждать кого-нибудь.

Маваридо:и—(мавари от мавару—кружить)—долгий, окольный.

Маваридо:и сиката — окольный путь (способ действия).

Наконец, как пример прилагательных с курусии, мы можем рассмотреть мигурусии и кикигурусии.

Мигурусии (ми от миру — видеть; курусии — мучительный)— мучительный для глаз, неприятный с виду, отвратительный и т. п.

Мигурусику-то-мо сумэба мияко. — Пусть отвратительно (для других), но раз живешь (для тебя)—столица. (Поговорка).

Кикигурусии (кики от кику — слышать) — неприятный, отвратительный на слух.

Карэ-но хацуон-ва кикигурусии, — Его произношение отвратительно (страдаешь, когда его слушаешь).

Во всех приведенных выше примерах прилагательные ясуи, ёи, катаи, никуи, то:и и т. д. имеют несколько особое значение. В то время как, например, прилагательное „ясуи" обычно употребляется в смысле „дешевый", — в сочетаниях вакариясуи, эясуи и т. д. оно имеет значение легкий (нетрудный). „Катаи",

обычно значащее „твердый", в приведенных сочетаниях имеет значение „трудный".

Таким образом, сочетания (сложные прилагательные) кикигурусии, маваридо и, вакариясуи и др. занимают несколько иное положение, чем такие сложные прилагательные, как хосонагаи, усугураи и т. д., и приближаются к прилагательным типа ситтэиругамасии, отокорасии.

10-ая ГЛАВА

Как передаются русские прилагательные на японском языке.

§ 33.

В японском языке число прилагательных очень ограничено, и многие наши прилагательные не могут быть переведены прилагательными же на японский язык.

В русском языке от большинства существительных могут быть образованы соответственные прилагательные: отец, отцовский, отчий; мать — материнский, Япония — японский; верх — верхний; низ — нижний и т. д., и т. п. В японском же языке прилагательных, которыми можно было бы передать вышеперечисленные русские прилагательные — нет.

„Японская книга" по-японски будет „Нихон-но хон", „отцовский дом" — „тити-но ути", „верхняя полка" — „уэ-но тана". Прилагательных мой, твой, свой, наш, ваш, также нет на японском языке. Моя шляпа — ватакуси-но бо:си, твоя мать — кими-но хаха; ваша фотография — аната-но сясин (госясин); наш сад — ватакусидомо-но нива.

Нет прилагательных, соответствующих русским правый, левый, металлический, деревянный и т. п. Правая рука — миги-но тэ (миги значит правая сторона; миги-э мавару — повернуть вправо; миги-но — правой стороны — правый).

Читал сегодняшнюю газету? — Коннити-но симбун-о ёнда-ка? (коннити — сегодня; коннити-но — сегодняшний) Канэ-но бо — металлическая палка (канэ — металл; канэ-но — металлический).

Во всех приведенных примерах наши прилагательные переводятся существительными в родительном падеже.

§ 34.

Многие наши прилагательные могут быть переданы только описательно. Так, например, наше прилагательное „каменистый“ передается выражением „иси-но о:и“: Каменистая местность— иси-но о и токоро. „Много камней“ по-японски будет „иси-га о:и“ (камни многочисленны), иси — камень, га — формант именительного падежа, о:и—многочисленный. Все предложение „иси-га о:и“ употребляется, как застывшее (неизменяемое) определение, при чем „иси“ ставится в родительном падеже: „Иси-но о:и“.

В некоторых случаях эти застывшие предложения-определения не могут быть переданы на русский язык одним прилагательным:

Хо тэн-ва хидзо:-ни хай-но о:и токоро-дэс. — Мукден место, где очень много мух.

„Хай-но о:и токоро“ приходится переводить „место, где очень много мух“ („многомушное“).

Такие застывшие предложения-определения очень многочисленны на японском языке. Приведем несколько примеров:

Ун-но ии (ёи) — счастливый (ун — судьба; ии — хороший); ун-но ии отоко — счастливый мужчина. (Этот мужчина счастливый,—будет: коно отоко-ва ун-га ёи—все предложение ун-га ёи употреблено как сказуемое).

Гэнки-но ии (ёи) — энергичный, бодрый; гэнки — энергия, бодрость. Гэнки-но ии тосиёри — бодрый старик. (Этот старик бодр — коно тосиёри-ва гэнки-га ии).

Цуго:-но ёи — подходящий, удобный. Цуго: — обстоятельство. Гоцуго:-но ёи токи-ни — в удобное для Вас время (го — гонорифическая приставка).

Примечание: При замене в этих выражениях слова „ёи“ словом „варуи“ получается обратное по смыслу прилагательное: ун-но варуи — несчастливый, незадачливый; гэнки-но варуи — вялый, неэнергичный, цуго:-но варуи — неудобный, неподходящий.

Ки-но мидзикай — вспыльчивый. Ки — дух, мидзикай — короткий. „Ки-но мидзикай яцу-да“ — Вспыльчивый суб'ект.

Ки-но нагай — терпеливый нагай—(длинный).

Ки-но цуёй — настойчивый, твердый (цуёй — сильный).

Ки-но ёвай — уступчивый, боязливый (ёваи — слабый).

Сэй-но такаи — высокий (сэй — рост; такаи — высокий).

Сэй-но такаи сэйё:дзин — высокий иностранец.

Сэй-но хикуи — низкорослый Сэй-но хикуи хито — маленького роста человек.

Амэфури-но о:и — дождливый Амэфури — падение дождя Амэфури-но о:и хару — дождливая весна.

Матигаи-но о:и — неаккуратный (матигаи — ошибка).

Примечание: Заменой „о:и" — многочисленный — отрицательным прилагательным „най" получаются прилагательные противоположного смысла. амэфури-но най — засушливый; матигаи-но най — безошибочный и т. д

Атама-но о:кии — большеголовый Атама — голова. Атама-но о:кии сакана—большеголовая рыба (Тай-га атама-ва о кии,—у тая (название рыбы) большая голова)

Аси-но хаяй — быстроногий (аси — нога, хаяй — быстрый) Аси-но хаяй до:буцу — быстроногое животное. (Сика-га аси-ва хаяй — „Олень — быстроногий").

§ 35.

В японском языке отсутствуют также и отглагольные прилагательные (причастия). Таких слов, как читающий, говорящий, стоящий и т. п., в японском языке нет; с другой стороны нет и оборотов „человек, который читал книгу" или „человек, который читает книгу" (в японском нет слова „который"). Как же выражаются эти мысли по-японски?

Человек, часто читающий книги, — Хон-о ёку ёму хито.

Человек, читающий в библиотеке журнал — т. Танака. Тосёкан-ни дзасси-о ёндэ иру хито-ва Танака-кун-дэс.

Виднеющееся там животное — корова или лошадь? — Асукони миэру до.буцу-ва мма-дэсе:-ка уси-дэсё:-ка.

Кошелек, украденный вором — сури-ни нусумарэта сайфу.

Ущемленный клешнями краба палец — кани-но хасами-дэ хасамарэта юби.

Таким образом мы видим, что глагол без особых формальных принадлежностей (без специальных окончаний) может быть определением, т. е. исполнять функцию прилагательного (исполняемую отглагольными прилагательными в русском языке).

Некоторые наши отглагольные прилагательные и просто прилагательные переводятся застывшими глагольными формами прошедшего времени; так, например:

Каватта хито — странный человек. Каватта от кавару — меняться.

Соротта фу-фу — подходящие друг к другу супруги (Сороу — подбирать, собирать).

Аита хако — пустой ящик. (Аита от аку - - открываться, освобождаться. Аита хэя — свободная комната. Аита настолько оторвалось от своей основной глагольной формы, что во многих словарях оно помещено самостоятельно).

Прошедшее от ясэру — худеть, тощать - ясэта, и от футору — толстеть — футотта, — также почти потеряли связь с указанными глаголами:

Ясэта нэко — тощая кошка.

Ясэта хатакэ — бесплодное поле.

Футотта отоко — толстый мужчина.

Аналогичны и следующие выражения:

Егорэта кимоно — грязное платье.

Сярэта котоба — элегантные слова.

Егорэта — от глагола ёгорэру — запачкаться; сярэта — от глагола сярэру — сравнительно редко встречающегося — быть элегантным, стильным и т. д.

Отицуита сэйсицу-но хито — человек хладнокровного характера. Отицуита от глагола отицуку, имеющего много различных значений. Отицуита как определение употребляется всегда в указанном выше значении.

Хаккирисита коэ-дэ — ясным голосом (сказал).

Ицу сюппацу суру-ка хаккирисита кото-о иванакатта — Он не сообщил мне точное время своего от'езда.

В обоих примерах хаккирисита происходит от хаккири суру — ономатопоэтики хаккири в соединении с глаголом суру. К этому же типу соединений принадлежат и нижеследующие выражения:

Ассарисита — простой, откровенный; ассарисита сёкудзи — простая еда.

Сиккарисита — солидный, стабильный. Карэ-ва сиккарисита отоко-да — он мужчина с твердым характером.

Вакарикитта — ясный, всем известный. Сонна вакарикитта усо-о ю-на — не говори столь явной лжи. Сорэ-ва хадзимэ-кара вакарикитта кото-да, — это было ясно с самого начала.

Отметим, что глагол вакарикиру не употребителен вовсе.

11-ая ГЛАВА.

Степени сравнения.

§ 36.

Для выражения сравнения на японском языке нет специальных форм. В русском языке мы имеем для так наз. сравнительной степени специальную форму—напр. на -ее. быстрее, скорее, милее и т. д. и для степени превосходной — форму на -ейший: скорейший, быстрейший, милейший и т. д Отсутствие специальных форм в японском языке однако не лишает его возможности выражать сравнения. Выражаются они различными способами, на рассмотрении которых мы и остановимся.

Ватакуси-ва аната-ери такаи дэсу — Я выше Вас.

Нихонго-ва росиаго-ери мудзукасии дэсу — японский язык труднее русского.

Ото:то-ва аната-ери футацу уэ дэсу — младший брат старше вас на два года.

Сравнение здесь всюду выражается падежным суффиксом „ёри" (этимологически он происходит от глагола ёру — исходить, откуда и его значение „от", „из" и „чем". Иногда вместо ёри говорится еримо).

Ери может стоять и после глаголов (после формы настоящего времени)

Ано хито-ва дзицугё.ка-то ю-ери-мо гакуся-то ю· хо:-дэс— этот человек больше ученый, чем делец.

При сопоставлении двух предметов, после первого, стоящего в начале предложения, ставится суффикс ёри, а после второго иногда „но хо·" (сторона) (Может быть однако и обратный порядок, т. е. слово с „хо" может стоять впереди, а с „ёри"— в конце предложения).

Так например, приведенный выше пример:

Нихонго-ва росиаго-ёри мудзукасии — может быть сказан также: Росиаго-ёри нихонго-но хо·-ва мудзукасии, — буквально: чем русский язык сторона японского языка трудна

Тэгами-о каку-ёри итидо атта хо.-га ии-дэс — чем писать письма, лучше один раз встретиться.

Товану-ёри тоу хо-га ии-дэс — Лучше спросить, чем не спрашивать.

„Хо:“ может стоять и в том случае, если сравниваемый предмет не указан. Например — „Лучше не сражаться“ (Лучше, чтоб не было войны) — Икуса-но най хо:-га ии-дэс.

§ 37.

Если сравниваются два предмета, из коих один обладает тем или иным качеством менее другого, то вместо падежного суффикса ери употребляются ограничительный суффикс ходо с глаголом в отрицательной форме или с отрицательным прилагательным най.

Ватакуси-ва анатаходо такаку най — я не так высок, как Вы.

Росиаго-ва нихонгоходо мудзукасику наи — русский язык не так труден, как японский.

Ходо употребляется также в следующих случаях сравнения:

О:иходо ёросии — чем больше, тем лучше.

Отметим также такие выражения, как: Мирэба мируходо кирэй-дэс — чем больше смотришь, тем красивее кажется. Ноборэба ноборуходо самуку наримас — чем выше подымаешься, тем становится холоднее.

Когда же сравниваются два предмета, отношение к которым у говорящего отрицательное, для выделения лучшего из них употребляется оборот „-ёри маси-дэс“ (маси — глагольное имя от масу).

Коно будо.сю-га варуи кэрэдомо биру-ёри маси-дэс — хотя это вино и плохо, но все же оно лучше пива.

Коно дзисё-га варуи кэрэдомо наи-ёри маси-дэс — хотя этот словарь и плох, но все же лучше, чем не иметь никакого.

Наконец мы должны отметить еще ряд слов, как мотто, иссо, нао, наосара, мо: сукоси, мо: титто и т. д.

Мо сукоси хаяку яттэ кудасай — сделай немного побыстрее.

Сорэ-ва ии га арэ-ва нао ии — Хотя этот и хорош, но тот еще лучше.

Мотто ии-но-га ириё:-дэс — Нужен лучший, чем этот (этот не годится).

Мо: сукоси ии-но-га наи дэс-ка — Нет ли немного получше?

Хадзи-о укэру-ёри-мо иссо синда-хо-га маси-дэс, — Лучше смерть, чем бесчестье.

§ 38.

Так называемая превосходная степень выражается в японском языке посредством слов моттомо и итибан.

Нихонго-дэ-ва кю тю: итибан-да — по-японски он лучший в классе.

Корэ-га итибан суки-да — это я больше всего люблю.

Рондон-ва сэккаидзю итибан дзинко·-но о и мати-дэс, — Лондон самый населенный город на свете.

Моттомо хицуё:-на моно — самая нужная вещь

Исикаригава-га Нихон-дэ моттомо нагаи кава-дэс, — река Исикаригава самая длинная река в Японии.

Кроме моттомо и итибан употребляются также слова итаттэ (от итару — достигать) — в высшей степени, хидзё· ни — чрезвычайно и т. п.

Ватакуси-ва дзи-га итаттэ хэта-дэс — я чрезвычайно плохо пишу иероглифы.

Итаттэ сё:дзики-дэс — чрезвычайно честен.

Хидзе:-ни омосирои — очень интересно.

Хидзё:-ни о·кии — очень большой.

Раздел 3-ий.

ГЛАГОЛ.

12-ая ГЛАВА.

Основные признаки глагола.

§ 39.

Категория основ, которую мы относим к третьей части речи—к глаголу (по-японски—до·си)—имеет следующие признаки:

1) Наличие особого спряжения.

Здесь нужно иметь в виду, что не самое наличие спряжения является характерным признаком глагола: мы видели, что и прилагательные спрягаются и даже существительные имеют спряжение предикативных своих форм; характерно наличие о с о б о г о спряжения, принципиально отличного от спряжения прилагательного и существительного.

2) Наличие двух основных форм.

Первая — глагольное имя; вторая форма —с чисто глагольным значением применяется как сказуемое или определение и может быть условно названа формой настоящего времени:

А. Глагольное имя, имеющее нуль суффикса во втором спряжении, т.-е. при основах на гласные (о делении глаголов на спряжения см. стр. 69) совпадает, таким образом, с основой глагола Для первого же спряжения мы имеем составную основу (корень всегда оканчивающийся или, по крайней мере, оканчивавшийся на согласный звук, плюс гласный звук „и“). Приведем примеры глагольного имени: ми, оки, табэ, дэ (от глаголов второго спряжения, настоящее от которых имеет вид: миру — видит, окиру— встает, табэру — ест, дэру— выходит), ханаси, ёми, каки, сини (от глаголов первого спряжения: ханасу — говорит, ёму—читает, каку—пишет, сину—умирает).

Глагольное имя, как таковое, употребляется сравнительно редко, например в таких, выражениях, как:

Ики-я синай — он наверное не пойдет.

Еми-я синай — он наверное не станет читать.

Примечание. В этих предложениях глагольное имя сопровождается суффиксом „я“ — фонетически измененным суффиксом выделительного падежа „ва“.

Вместе с отрывом глагольного имени от системы глагола, т.-е. тогда, когда оно становится настоящим уже существительным, оно употребляется чаще. Примером могут служить такие слова, как ханаси—глагольное имя от ханасу—говорит (употребляется в смысле „рассказ“, „разговор“ и сознается как обычное существительное), тои—от тоу—спрашивает (тои употребляется в значении „вопрос“ и связь его с тоу почти порвалась, хотя и в меньшей степени, чем у ханаси).

Такие же слова как „самураи“ уже вовсе не могут восприниматься как глагольное имя, т. к. глагол „самурау“—служит—от которого это слово происходит, не употребляется больше.

Глагольное имя употребляется так же, как составная часть сложных существительных, глаголов и прилагательных:

Ханами—любование цветами (хана — цветок, ми—глагольное имя от миру—смотрит).

Хитогороси — убийство (хито — человек, короси/-гороси — глагольное имя от коросу—убивает).

Ханасигатаи—трудновысказываемое (ханаси—глагольное имя от ханасу — говорит, и—гатай—прилагательное катай — твердый, трудный).

Ебидасу — вызывать (ёби — глагольное имя от ёбу — звать, и дасу—выдавать, вынимать).

Иногда глагольное имя, редко употребляющееся само по себе (или даже самостоятельно совсем не употребляющееся) в некоторых сочетаниях очень употребительно. Так, например, говорится:

Оидэ-но дзибун-ни — во время Вашего прихода (о-идэ—ваш приход, от классического глагола идзу).

Возможно даже „О-идэ-о нэгаимасу — прошу Вас притти“. Но в словарях слова „о-идэ“ с переводом „приход“ — не найти.

Очень употребительно также выражение:

Годзондзи-но то:ри-ни — как Вам известно.

(Го) дзондзи здесь будет глагольным именем от „дзондзиру“ — знает. Пиэтетическая приставка уже показывает, что „дзондзи“ воспринимается здесь как существительное и тем не менее такого слова, обозначающего „знание“, нет.

Глагольное имя часто употребляется также для обозначения 2-го (или 3-го) лица в глагольных выражениях при так назыв, вежливых оборотах. Вместо того, чтобы сказать „вакатта-ка“ (или „вакаримасита-ка“) — „понял-ли“ или „поняли-ли“ (вакаримасита вежливее, чем вакатта), говорится „о-вакари-дэс-ка“ или „о-вакари-ни наримасита-ка“ и это будет определенно значить „Поняли-ли Вы“ или иногда „Понял-ли он“, если речь идет о лице, к которому желают высказать уважение, но никогда не „понял-ли ты“.

Иногда глагольные имена могут употребляться в дательном цели со значением действия. Этот дательный от глагольного имени может рассматриваться как supinum: ср. латинск. ambulatum ire

Приведем следующие примеры:

Самба-о ёби-ни ику — итти звать (для званья) акушерку. (Ёби — глагольное имя от ёбу—зовет; ёби, однако, как самостоятельное существительное не употребляется и, значит, всю эту форму нужно рассматривать как одну из форм [супин] глагольного спряжения; по суффиксу же это—падеж глагольного имени).

Хана-о ми-ни ику — пойти смотреть на цветы („ми“ глагольное имя, которое самостоятельно, не в композитах, не употребляется; отметим, что „ми“, хотя и имя — стоит в падеже!— но управляет винительным об'екта: Хана-о ми-ни).

Отметим употребление глагольного имени в выражениях: „(глагольное имя) — ва синай“.

Например: „Сини-ва синай“ — не умрет. Сини — глагольное имя от сину — умирает, синай — отрицательная форма настоящего времени от суру—делает. Смысл этого выражения: „Не умрет ни в коем случае“. Тоже и: „ёми-ва синай“ — читать не будет (ни под каким видом).

Глагольные имена соединяются с суффиксом „нагара“ для обозначения одновременности действия, или в значении „по мере того как“. „Тэгами-о ёминагара“—в то время, как я читал письмо...

Отметим также сочетания глагольных имен с суффиксом именного словообразования „со:“ (буквально означающим „образ“, „подобие“) в соединении с дэсу.

Амэ-га фури-со:-дэс — кажется, пойдет дождь.

Амэ-га ями-со:-дэс — кажется, дождь кончается (можно сказать также и фуру-со:-дэс, яму-со:-дэс).

Ввиде отступления от норм разговорного языка в длинных предложениях, в речах, например, глагольное имя имеет функции деепричастных форм, являясь предикатом в придаточных предложениях. Такое употребление глагольных имен заимствовано из классического языка, где глагольному имени принадлежит совсем другая, более широкая и качественно отличная от разговорного языка, роль. Примером может служить:

Вага но:ге:-ва Иссин'ирай тё.соку симпо-о тогэ нагаку хан'эйдзидай-о цудзукэта — Наше земледелие со времен реставрации прогрессировало с большой быстротой и период его процветания был продолжителен.

Здесь в придаточном предложении сказуемое „тогэ“ (от тогэру—глагол 2-го спряжения) стоит как раз в форме глагольного имени.

§ 40.

Б. Форма на „у“ названа нами формой настоящего времени условно, так как, во-первых, в ней нет столь определенного указания на время, как, например, в прошедшем (praeteritum), во-вторых, самое значение этой формы неизмеримо больше, чем значение простых форм времени прошедшего или будущего (точнее говоря, об'ем понятия больше, а содержание понятия меньше—формально здесь отсутствует спецификация времени: время мыслится неуказанным, или вернее—не мыслится указанным). Эта форма—основная форма глагола, которая может быть признана отправной формой его.

Форма настоящего времени соединяется иногда с суффиксами склонения:

Ёму-ни-ва оёбанай — не стоит читать.

Росиа-кара Нихон-э ику-ни-ва наннити какаримас-ка — сколько дней нужно затратить, чтобы проехать из России в Японию?

Моттэ куру-га·ии—лучше принести.

Во всех этих примерах, после формы настоящего времени, мы имеем суффиксы склонения. Отметим также такое своеобразное выражение как: кораэру-ни кораэрарэну — невозможно вынести (кораэру значит выносить; после кораэру стоит „ни" и далее тоже кораэру в потенциальной форме).

Таким образом мы имеем и в Токиоском зачаток склонения форм финитного глагола. В некоторых же говорах (Тоса) финитный глагол (verbum finitum) имеет настоящее склонение:

Куро мату = токиоск. куру-о мацу — ждет прихода и т. д.

Примечание: В словарях как японских, так и переводных (японско-русский, японско-английский и т. д.) глаголы даются или в форме настоящего времени или в форме глагольного имени, а в некоторых и в той и в другой форме вместе. Следовательно, традиционная японская лексикология признает тоже две основные формы глагола: глагольное имя и форму настоящего времени.

§ 41.

3) Наличие просубстантивной формы на „но" (просубстантивного причастия).

Примечание: Термин „причастие" не должен вызывать неправильного представления об аттрибутивных функциях форм на „но". Эти формы, конечно, как определение, употребляться не могут.

Это „но" как бы превращает глагол в существительное: ёму-но и ёнда-но—читаемое и читанное.

4) Отсутствием парадигм склонения.

Отсутствие здесь должно пониматься, как отсутствие полной парадигмы склонения, так как частично, как уже было указано, некоторые формы глагола могут склоняться. Так, как указывалось, даже форма настоящего времени имеет некоторое склонение. Но склонение это дефективное.

Примечание: Конечно, речь идет не об именных формах глагола; те (начиная с глагольного имени, просубстантивного причастия и т. д.) склоняются. Также, разумеется, некоторые адвербиальные формы суть те же имена и могут (хотя и дефективно) склоняться.

13-ая ГЛАВА.

Спряжения глаголов.

(1-ое и 2-ое спряжения).

§ 42.

Все японские глаголы могут быть разделены на две категории, которые мы условно назовем 1-м и 2-м спряжением.

Примечание: Мы говорим „условно", ибо, во-первых, нет особых оснований считать одно спряжение первым, а другое вторым, можно было-бы и обратно. Во-вторых, нумерация спряжений не выявляет разницы в структуре глаголов разного спряжения. С этой точки зрения было-бы правильнее сказать: глаголы с основой на согласный (1-ое спряжение) и глаголы с основой на гласный (2-ое спряжение).

Основным признаком глаголов первого спряжения является согласный звук в корне (простой основе), формы настоящего времени, а также наличие двух основ: одной для настоящего времени и других связанных с ним форм, другой для претерита (прошедшего времени).

Даем ряд примеров глаголов 1-го спряжения:

Ёбу (корень об) — звать.
Ёму („ ём) — читать
Мацу („ мац) — ждать.
Дасу („ дас) — выдавать.
Киру („ кир) — резать.
Каку („ как) — писать
Исогу („ исог) — спешить.

Примечание. Для простоты переводим настоящее время неопределенным наклонением, хотя ему, ёбу и т. д. значит читаю, читаешь,читает, читаем и т. д., зову, зовешь и т. д.

Если мы возьмем все формы какого-нибудь глагола первого спряжения, мы легко установим, что часть этих форм имеет одну основу, а часть — другую. Все основы 1-го спряжения, как указывалось, оканчиваются на согласный таким образом, можно насчитать восемь классов основ настоящего времени (презенциальных) (для Токиоского говора): на б,м, н, ц/т, с, р, к, г.

Кроме того есть еще один—девятый класс основ первого спряжения, который выпадает из вышеформулированного наблюдения о том, что все основы первого спряжения кончаются на согласный звук. Мы имеем в виду формы настоящего времени таких глаголов, как:

кау	— покупать	ау	— встречать
укагау	— посещать	морау	— получать
тоу	— спрашивать	и т. д.	

В этих формах, как легко можно видеть, основа не оканчивается на согласный звук. В настоящее время мы имеем в основе этих форм нуль (отсутствие) окончаний (только в одной форме—отрицательного настоящего времени,—согласный сохранился: кав-анай, ав-анай и т. д.), предки же вышеприведенных основ оканчивались на п, а позднее на ф (заметим, что и до сих пор орфографически глаголы кау, ау, тоу пишутся как кафу, афу, тофу). Несмотря на утрату последнего (согласного) звука в корне, эта группа глаголов не потеряла от этого, конечно, структуры глаголов первого спряжения. Таким образом, и глаголы типа ау, кау, укагау, морау мы относим к первому спряжению.

§ 43.

Каждой из основ презенциальных (настоящего времени) глаголов первого спряжения соответствует другая основа — претеритальная (прошедшего времени).

Приведем эти чередующиеся основы:

Основа презенциальн.	Основа претеритальн.
Окончан. нуль (древн. п*→*ф→нуль) (глаголы ау, кау, тоу и т. д.)	тт (атта, катта, тотта и т. д.)
Оконч.: б (ёбу, тобу)	нд (ёнда, тонда)
м (ему, ному)	нд (ёнда, нонда)
н (сину)	нд (синда)
ц/т (ц и т чередуются в формах от осн. наст. времени) (мацу, кацу)	тт (матта, катта)

с	с‘(и)т [с‘=мягкое с=сь]
(сасу, дасу)	(сас‘(и)та, дас‘(и)та)
р	тт
(нору, тору)	(нотта, тотта)
к	ит
(каку, саку)	(каита, саита)
г	ид
(исогу, оёгу)	(исоида, оёида)

§ 44.

В отличие от глаголов 1-го спряжения, глаголы 2-го спряжения имеют следующие признаки.

1) Соединительный (не имеющий никакого значения, кроме чисто-формального признака определенного спряжения) суффикс „р“ перед морфемой — признаком настоящего времени у, а также перед другими суффиксами с гласной (-э-ба и т. д.). Примеры глаголов 2-го спряжения: акэру (акэ-р-у), дэру (дэ-р-у), табэру (табэ-р-у).

Есть, однако, и глаголы 1-го спряжения, оканчивающиеся на р и у. Так, глаголы тору, нору, сиру, и т. д. Однако, в них звук „р“ относится к корню. Для человека, знакомого с японским языком, различить глагол 1-го спряжения на „ру“ от глагола 2-го спряжения весьма нетрудно: стоит только образовать прошедшее время; если в прошедшем времени основа не изменяется—следовательно, глагол 2-го спряжения (табэру—табэта), если же основа будет другая—то глагол 1-го спряжения (киру—китта). Для начинающего же изучать язык, который может и не знать, как будет прошедшее время от того или другого глагола, распределить глаголы на „ру“ между 1-м и 2-м спряжениями не легко. Как механический прием можно рекомендовать нижеследующее: глаголы у которых перед „р“ имеется звук „и“ или „э“ в подавляющем большинстве случаев — 2-го спряжения (хотя некоторые исключения есть); все-же глаголы, у которых перед „р“ не „и“ и не „э“ — глаголы 1-го спряжения.

Итак, все глаголы 2-го спряжения оканчиваются на „ру“, но не все глаголы на „ру“, суть глаголы 2-го спряжения.

2) Одна (в современном токиоском) основа для всех форм глагола,— (за исключением 2 глаголов — суру и куру: в первом

из них чередуются 4 основы: са—си—су—сэ; во втором—3 основы: ко — ки — ку).

Приведем примеры:

Настоящее время:	Прошедшее время.
Акэру — открывать	акэта
миру — смотреть	мита
окиру — вставать	окита

Таким образом явление чередования основы, имеющееся в 1-м спряжении, во 2-м спряжении отсутствует (— в современном разговорном и притом токиоском языке; в классическом же яп языке, как с другой стороны и во многих современных провинциальных говорах — в частности кюсюских — глаголы 2-го спряжения обладают чередованием гласных звуков).

14-ая ГЛАВА.

Спряжение глаголов.

Глагольные формы.

§ 45

Все глагольные формы, как глаголов 1-го спряжения, так и глаголов 2-го, могут быть классифицированы по различным признакам. Мы остановимся в первую очередь на семасиологических (смысловых), установив следующие категории: времени, вида, дезидеративности (желательности), условности, фреквентативности (участительности), залога (страдательного, потенциального, побудительного), негативности (отрицательности), вероятности, вежливости и т. д.

Каждая из этих форм противополагается всем другим, так формы вида—всем другим формам, которые в этом случае могут быть названы „вневидовыми"; формы дезидеративности — всем другим, которые не выражают никакой дезидеративности, негативные формы могут противополагаться всем другим, которые могут быть названы в таком случае позитивными (положительными) и т. д.

§ 46.

Начнем с рассмотрения форм временных.

К этим временным формам мы относим две: форму настоящего времени и форму прошедшего.

Однако, по существу, форма настоящего времени не выражает настолько же определенно настоящее время, насколько

форма прошедшего времени выражает прошедшее. Часто форма настоящего времени не выражает вовсе никакого времени, как иногда и в русском, например бог правду любит.

Настоящее время оканчивается для первого спряжения на „у“ (ёму, ёбу, сасу и т. д), для второго—на „у“ с соединительным суффиксом „р“ перед ним (миру, табэру, окиру).

Настоящее время — по-японски „гэндзай“ — употребляется в том же значении, что и у нас.

Хон-о ёму — читаю книгу.

Нику-о табэру — ем мясо

Настоящее, как и в русском, может употребляться и для обозначения будущего, когда в наступлении его нет никакого сомнения, так например:

Мё нити рокудзи-ни кися-дэ То кё-э ику — Завтра с шестичасовым поездом направляюсь в Токио.

Мё:гонити каэру — послезавтра возвращаюсь.

Настоящее время может употребляться и в рассказах о прошлом (также как и в русским языке,— „Вчера это было, иду я по лесу, а навстречу мне выходит медведь“).

В придаточных предложениях иногда вместо прошедшего может быть поставлено настоящее, именно потому, что смысл главного не заставляет нуждаться в спецификации времени придаточного:

Ватакуси-ва Нихон-э хадзимэтэ куру токи-ни...—когда я впервые приехал в Японию...

Можно было бы ожидать. Ватакуси-ва Нихон-э хадзимэтэ кита токи-ни...“, т.-е. прошедшего времени (кита вместо куру) Прошедшее время в этой фразе может быть употреблено, но может быть употреблено и настоящее.

Прошедшее время (претеритум) для 1-го спряжения оканчивается на „а“, а для 2-го—на „та“. В первом спряжении, окончание „а“ наращивается на претеритальную основу. Таким образом, мы в 1-м спряжении будем иметь 9 следующих форм для прошедшего времени:

Атта	— (для глагола	ау)		— встретил
ёнда	— („	„	ёбу)	— позвал
ёнда	— („	„	ёму)	— прочел
тотта	— („	„	тору)	— взял
каита	— („	„	каку)	— написал

синда — („ „ сину) — умер
дас'(и)та — („ „ дасу) — выдал
матта — („ „ мацу) — ждал
исоида — („ „ исогу) — спешил

Все глаголы на бу и му в претерите имеют „нда“ (как ёбу, ёму), все глаголы на „ру“ в претерите имеют „тта“ (как тору, сиру и т. д.).

Глаголы второго спряжения, неимеющие чередующихся основ, образуют прошедшее просто:

Оки-ру — оки-та
ми-ру — ми-та
акэ-ру — акэ-та и т. д.

Что же касается до употребления прошедшего времени, то оно мало чем отличается от употребления прошедшего в русском языке. Отметим, впрочем, случай, когда прошедшее по смыслу скорее обозначает настоящее: „аримасита!“ — в смысле „вот оно!“—когда кто-нибудь нашел потерянную вещь, или „кимасита“—буквально „пришел“, когда видят приближающегося человека, которого ожидали. Мы-бы в аналогичном случае сказали: „идет“.

К временным формам обычно относят также формы на „о:“ для первого и на „ё:“ для второго спряжения: Ико:, табэё:. Эти формы называют формами будущего времени. Мы, однако, сочли бы более правильным назвать эти формы на „о:“ и на „ё:“ формами вероятности. Так, например: „табэё:-ка“ не значит „будет есть“. Скорее в нем выражено сомнение, как например, в такой фразе: „Коно о-ката-ва каки-о табэе:-ка?“ — Станет-ли этот господин есть устрицы?

„Табэё:-ка“ может иметь и иное значение: „давайте поедим“, но как и в первом, так и во втором случае, оттенка времени не имеется, и поэтому формы на „о:“ (для первого спряжения) и на „ё:“ (для второго спряжения) к формам временным мы не относим, а причисляем их к формам, выражающим вероятность или сомнение.

Примечание: Форма вероятности может быть и от прошедшего, например: табэтаро: — по всей вероятности ел Здесь, конечно, не может быть и речи о будущем времени.

За формами на „о:“ и „ё:“ часто следует частица „то“, выделяющая прямую речь:

Ханасо: то омоимасита га — Хотя я и думал: расскажу.

Канэ-о гинко:-э адзукэё: то омоимас — намереваюсь положить деньги на хранение в банк.

Ико: то симасита — Решил пойти и т. д.

§ 47.

Формы дезидеративности выражаются суффиксом „тай“ для 2-го спряжения и „итай“—для 1-го. (Эти формы являются прилагательными).

ёмитай — хочу читать	1-ое спряжение.
ёбитай — хочу звать	
синитай — хочу умереть	
матитай — хочу ждать	
саситай — хочу растянуть	
торитай — хочу взять	
какитай — хочу написать	
исогитай — хочу спешить	
аитай — хочу встретить	
окитай — хочу встать	2-е спряжение.
табэтай — хочу есть	
митай — хочу видеть	

Слова, образованные из соединения глагольных основ с суффиксом тай (итай), изменяются как прилагательные. Таким образом мы имеем:

Табэтай	Табэтаку най
табэтакатта	табэтаку накатта
табэтакаро:	табэтаку накаро:

и т. д. (см. прилагательное, стр. 49).

После формы на тай (итай), часто следует дэс или моно-дэс—табэтай-дэс, табэтай моно-дэс, но смысл от этого не меняется. Когда говорящий не хочет говорить слишком определенно о каком-нибудь своем желании сделать то или другое, после формы на тай ставится „то омоу“:

Табэтай то омоимас — мне хотелось бы есть.

Отметим также, что об'ект желания может стоять с падежным суффиксом „га“, а не всегда с винительным “о“ (хотя часто бывает и с „о“). Например:

Табако-га номитай — хочу курить табак.

Пан-о табэтай — хочу есть хлеб.

Как и в прилагательных, в форме на „тай“ употребительна и адвербиальная форма на „ку“—„таку“ (итаку).

Номитаку наримасита — захотелось пить (сравни даоку наримасита).

Табэтаку наримасита — захотелось есть.

Перед глаголом годзару не употребляется форма на таку (итаку), вместо нее ставится форма на „то.“.

Номито: годзаимас.

Табэто: годзаимас.

Далее следует отметить, что форма на тай (итай) не употребляется для 3-го лица, нельзя сказать: Ано хито-га рицго-о табэтай. Но „Ано хито-га рицго-о табэтай-но-дэс“ — сказать можно.

Для третьего лица употребляется также суффикс дезидеративности „гару“. Он наращивается на корень от глагольной дезидеративной формы. Например:

Икитай — Икитагару — Я хочу (он хочет) итти.

Икитакатта—Икитагатта — Я хотел (он хотел) итти.

Но это уже будет не образование глагольной формы, а словообразование нового глагола (дезидеративного).

§ 48.

Формы выражающие залоги: потенциальный, страдательный (пассивный), побудительный (каузативный).

Залоги не выражаются особыми окончаниями, как рассмотренные до сих пор формы глагола для выражения залогов существуют особые производные основы глаголов. Получаются новые глаголы страдательного или побудительного залога, которые могут рассматриваться как самостоятельные глаголы.

	Вне залога:	Пассивный:	Каузативный:
1-ое спр.	ёбу	ёбарэру	ёбасэру
2-ое спр.	акэру	акэрарэру	акэсасэру

Таким образом, формантом пассивного залога для первого спряжения будет „арэ“, для второго „рарэ“. Формантом каузативного залога для 1-го спряжения будет „асэ“, а для 2-го — „сасэ“. В первом спряжении для образования залоговых форм употребляется презенциальная основа.

Значение страдательного залога в известной степени совпадает с русским страдательным залогом (если признавать таковой существующим, что спорно, поскольку особых форм для него— кроме причастных—не имеется):

ёбу	— звать	ебарэру	— быть званным
нусуму	— воровать	нусумарэру	— быть обворованным
сикару	— ругать	сикарэру	— быть ругаемым

Страдательный залог употребляется главным образом, если подлежащее—одушевленный предмет.

В японском языке часто глаголы непереходные (не имеющие прямого дополнения) имеют страдательный залог:

Кяку-ни корарэта (кяку—гость, корарэта — пассивный от куру = приходить) — ко мне пришли гости.

Данна-ни синарэта (данна—муж, синарэта—пассивный залог глагола сину — умереть) — У меня умер муж.

Лицо или предмет, которые были бы подлежащим, если бы глагол был не в страдательном залоге, стоят в дательном падеже (кяку-ни, данна-ни и т. д.).

Сури-га канэ-о нусунда — карманник вытащил деньги.

Канэ-о сури-ни нусумарэта—деньги (у меня) были вытащены карманником.

Формы, пассивного залога от глаголов 2 спряжения, могут иметь и потенциальное значение (тогда как в 1 спряжении употребляются потенциальные формы на -эру,—емэру „можно читать", „можно прочесть"). Так „мирарэру" может значить „мочь видеть": Куракутэ нани-мо мирарэмасэн —темно, ничего нельзя рассмотреть. Для данного глагола миру надо, впрочем, отметить существование особого потенциального глагола: миэру „можно видеть, видно, виднеется".

Нику-ва кусакутэ табэрарэмасэн — мясо испортилось, не могу (невозможно) есть и т. д.

Для выражения возможности, вместо потенциального залога (по форме иногда не отличающегося от страдательного), весьма употребителен оборот: „кото-га дэкиру" с предшествующим настоящим временем глагола:

Исогасикутэ доко-э-мо ику кото-га дэкимасэн — так как я занят, ходить никуда не могу.

Коно кандзи-о каку кото-га дэкимас-ка — Можете-ли Вы написать эти иероглифы?

Коно кандзи-ва амари мудзукасии-дэс-кара каку кото-га дэкимасэн—т. к. эти знаки слишком трудны, написать их я не могу.

Залог побудительный—(причинный) обычно труднее понимается из-за отсутствия аналогичных явлений в русском и европейских (немецком, французском, английском) языках. Покажем его значение на примере:

Вне залога:	Побудительный:	
Табэру—ем	табэсасэру	— заставляю есть, позволяю есть, кормлю.
Сиру —знаю	сирасэру	— заставляю знать, извещаю, сообщаю.
Мацу —жду	матасэру	— заставляю ждать.

Отметим, что некоторые глаголы 2-го спряжения имеют две формы побудительного залога:

Мисэру — Мисасэру — показывать.

Табэсасу—табэсасэру—кормить.

Побудительный залог может быть осложнен страдательностью (пассивом).

Хидои мэ-ни авасэрарэта,—авасэрарета от ау; авасэру - - побудить к встрече, заставить встретиться; авасэрарэру — быть принужденным к встрече.

Не трудно заметить, что глаголы потенциального (ёмэру) страдательного (ёмарэру) и побудительного (ёмасэру) залогов являются обычно глаголами 2-го спряжения.

§ 49.

Форма для выражения перемежающегося действия выражается суффиксом „тари“ для 2-го и „ари“ для 1-го спряжения. Иногда эту форму называют альтернативной.

То плачет, то смеется—Найтари, вараттари ситэ имасу.

Заметим, что за формами „тари . . . тари“ (или ари . . . тари, или ари . . . ари и т. д.) всегда (за редкими исключениями) следует ситэ (деепричастная форма), реже другая форма от глагола суру; в данном случае ситэ имеет суффиксальное значение, которое как бы на вилку нанизывает обе формы тари (ари). Приведем несколько примеров употребления участительной формы:

Хито-ва сонна-ни агэтари сагэтари ситэ-ва икэмасэн.— Нельзя так (в такой степени) то возвышать, то унижать людей. (Агэтари от глагола агэру—2-го спряжения—поднимать, сагэтари от глагола сагэру тоже 2-го спряжения—снижать, опускать вниз).

Кодомо-ва окитари нэтари ситэ имасу—ребенок то ложится, то встает. (Окитари от окиру — вставать, нэтари от нэру — лежать, спать).

Амэ-ва футтари яндари ситэ имасита — дождь то шел, то переставал. (Футтари от фуру — падать (о дожде), яндари от яму — прекращать, переставать).

Из приведенных выше примеров видно, что „ари" в 1-м спряжении наращивается на претеритальную основу (янд-ари, тотт-ари и т. д.).

§ 50.

Форма условности для 1-го спряжения выражается суффиксом „эба", для 2-го—„рэба" (состоящим, следовательно, из характерного для 2 спряжения соединительного -р- плюс- эба).

1-ое спряжение:

ёмэба, ёбэба, сасэба, какэба, торэба и т. д.

2-ое спряжение:

табэрэба, окирэба, акэрэба.

В японском языке имеется еще специальная форма для условного прошедшего—с суфиксами: ара или араба для 1-го спряжения, наращивающаяся на претеритальную основу и тара или тараба—для 2-го.

1-ое спряжение:

ёндара(ба), каитара(ба), тоттара(ба) и т. д.

2-ое спряжение:

табэтара(ба), окитара(ба), митара(ба).

В противоположность этой форме (прошедшего условного) на тара, тараба (ара, араба), — форму на „ба" и „рэба" называют формой условного настоящего.

Употребление формы условности на „эба" и „рэба" видно из следующих примеров:

Коно каси-о табэрэба оккасан-ни сикарарэмас — если с'ешь (табэрэба от табэру) это пирожное, мать тебя будет бранить.

Амэ-га фурэба маиримасэн — если будет дождь, не приду (фурэба от фуру—падать).

Форма прошедшего условного (ара или тара) обычно обозначает время прошедшее по отношению к действию, выраженному глаголом главного предложения. Например:

Ё-га акэтара окиё: — Если (когда) ночь рассветет (ночь откроется), поднимемся.

„Акэтара“ здесь стоит в форме прошедшего условного, так как действие придаточного предложения должно предшествовать действию предложения главного.

Окитара сугу гохан-о табэмасе: — когда встанем (как только встанем), примемся за еду.

Е:-га аттара оеби кудасай — Если у вас будет дело (если я Вам буду нужен) — позовите (аттара от глагола ару; атт-ара)

Амэ-га футтара о-мати кудасаимасуна — Если будет дождь, не ждите меня, пожалуйста.

Часто, однако, вместо формы условного прошедшего японцы ставят форму условного настоящего, так например, в последней фразе можно сказать и „амэ-га фурэба“.

Форма на „ба“ в разговорном языке часто заменяется описательной формой с нара (сокращенное условное от глагола нару — нара-ба), так вместо того, чтобы сказать табэрэба, говорится табэру нара или табэру нараба.

Условность может быть выражена также посредством „то“, связывающего два предложения.

Гудзу-гудзу суру-то табэтэ симау дзо — Если ты будешь медлить, я тебя с'ем. (Гудзу-гудзу ономатопоэтика, выражающая медлительность).

Здесь вместо суру-то можно вполне было бы поставить сурэба.

В некоторых случаях формы условности, заключая придаточные предложения, почти утрачивают значение условности и несут только функции соединительные (коннективные).

Ноти-ни киитара усо-дэсита — Я впоследствии спросил об этом, оказалось ложью.

Акунин-мо арэба дзэннин-мо ару — Есть дурные люди, есть и хорошие.

§ 51.

Во 2-м спряжении форма приказания совпадает с основой табэ, оки, ми и т. д. Иногда к этим формам прибавляют гонорифический префикс о : о-табэ, о-ми, о-оки и т. д. Иногда за формой приказания следуют частицы ё или на: о-табэ ё, о-табэ на.

Во втором спряжении приказание выражается иногда тоже и суффиксом ро: табэро, миро. Но это особо грубое приказание (гонорифическое „о“ в таких случаях, конечно, не употребляется). Повелительное от куру — приходить — будет „кой“.

В первом спряжении императив выражается суффиксом „э“ наращивающимся непосредственно на корень: емэ, ёбэ, сасэ, какэ, каэ и т. д.

Надо отметить, что все эти формы являются формами приказания, но не просьбы и не пожелания. По-русски мы можем сказать „пойдите“ и „принесите“ в виде просьбы, по-японски же икэ — иди - или ёмэ — читай — простые приказания, носящие очень грубый характер. Ими пользуются при военных командах („Ки-о цукэ“ — смирно — букв. прикрепляй внимание), родители при разговоре с детьми и т. д Употребляются эти выражения кроме того при ссорах, брани и т. д.

Существуют более вежливые формы императива первого спряжения на и, обычно они предшествуемы гонорифическим „о“ и сопутствуются „на“ или „е“ о-мати-на, о-мати-е.

Кроме того, для выражения просьбы, пожелания, обращения ко второму лицу существует целый ряд описательных выражений; даже приказание, обращенное ко второму лицу, как правило, не выражается повелительным наклонением (за исключением редких случаев). Такие выражения, как емэ—читай табэ—ешь — в обычном разговоре встречаются очень редко.

В случае, если лицо, к которому обращено приказание или просьба, является лицом социально (или по каким-либо признакам) низшим, чем лицо говорящее, употребляется деепричастная форма глагола в соединении с глаголом курэру (давать):

ёндэ курэ — прочти
кайтэ курэ — пиши
табэтэ курэ — ешь
симэтэ курэ — закрой.

Нужно отметить впрочем, что как эта, так и нижеследующая конструкция (с кудасай) соединяются с особым смысловым оттенком—заинтересованности лица говорящего в совершении действия, почему их весьма часто приходится переводить как „прочти мне, прочтите мне“ и т. д.; это непосредственно вытекает из этимологического состава этих форм: букв. „прочтя дайте“ и т. п.

Более вежливым, чем „курэ“, является наращение „кудасай“ (повелительное от глагола кудасару—букв. спускать сверху вниз. Ср. наше выражение „снизойдите написать несколько строк“), буквально—, сойдите сверху вниз“, и в переносном значении—„дайте“ (причем лицо, к которому обращаются, предполагается занимающим возвышенное положение, говорящее же — зани-

мающим положение внизу, фактически же — социально низшее положение):

ёндэ кудасай — прочтите
каитэ кудасай — напишите
табэтэ кудасай — с'ешьте
симэтэ кудасай — закройте.

Эта форма безусловно самая употребительная.

Кудасай может быть заменено повелительным же наклонением от вежливого глагола насару — делать. Но в таком случае основной глагол ставится во второй основе (базе), т е. в форме глагольного имени, и предшествуется гонорифическим префиксом „о".

О-еми насай
о-каки насай
о-табэ насай
о-симэ насай

„Ирассяй" — повелительное от вежливого глагола ирассяру — в соединении с деепричастной формой основного глагола представляет собою чрезвычайно вежливый оборот:

ёндэ ирассяй — извольте прочесть
кайтэ ирассяй — извольте написать
табэтэ ирассяй — и т. д
симэтэ ирассяй.

Напротив, очень фамильярным обращением служит повелительная форма глагола тамау (букв. жаловать, но это значение имелось только в старинном языке) — тамаэ. Она употребляется тоже после второй основы (или базы, т. е. формы глагольного имени) от главного глагола, но, разумеется, уже без гонорифического префикса (о-) при ней:

ёми тамаэ
каки тамаэ
табэ тамаэ
симэ тамаэ.

Эти формы употребляются исключительно в разговоре между друзьями.

Следует отметить просьбы (приказания) выраженные вопросом:

Мадо-о акэнай-но-ка — не откроете ли окно.

Отметим и следующие выражения:

Мадо-о акэтэ мораитай.

Мадо-о акэтэ итадакитай,

— выражения, обычно трудно воспринимаемые иностранцами. „Мораитай" и „итадакитай"—желательное наклонение от глаголов морау и итадаку, означающих (оба) „получать". Т. е „мадо-о акэтэ мораитай" будет значить: „Хочу, чтобы Вы открыли окно", при чем „акэтэ" относится к лицу, к которому обращена просьба, а „мораитай" — к тому, кто просьбу эту выражает.

Весьма употребительна для выражения довольно вежливого приказания такая форма как

ёндэ-мо ии (или ёндэ-мо ёросии) — можно (и) прочесть (букв „и прочтя хорошо").

Табэтэ-мо ии (-мо ёросии) — можно (и) с'есть (букв. „и с'ев хорошо")

Митэ-мо ии (-мо ёросии) — можно (и) посмотреть (букв. „и посмотрев хорошо").

Примечание: Иногда „мо" отбрасывается и говорится табэтэ ии, митэ ии, что придает фразе более грубый оттенок

Аналогичные отрицательные обороты будут.

ёманакутэ-мо ии (ёросии) — можно и не читать

табэнакутэ-мо ии (ёросии) — можно и не есть

минакутэ-мо ии (ёросии) — можно и не смотреть.

Попутно отметим здесь другие способы выражения пожеланий, в частности, пожеланий в прошедшем с оттенком сожаления, что то или иное действие не имело места. Прежде всего сочетание:....тара(ба)...ёкатта. Например: Мо: сукоси хаяку дэкакэтара ёкатта.—Надо было выйти чуть пораньше (букв.. если вышел бы еще немного ранее—было бы хорошо; дэкакэтара — прошедшее условное от дэкакэру — выходить; ёкатта прошедшее от прилагательного ёи). Еще пример: Тагамэтара ёкатта, — если бы он его предостерег, было бы хорошо.

Другая форма:. .ба... ии: Табако-о ямэрэба ии — Хорошо было бы если-б он бросил курить. После ёкатта или ии в таких предложениях часто следует „га":

Мо: сукоси хаяку курэба, ёкатта га... — Хорошо было бы если-б он пришел немного ранее, но...

Амэ-га яндара ии га... — Хорошо бы если-б дождь прекратился, но.....

§ 52.

Деепричастная форма [или Gerundium] образуется путем наращения суффикса „тэ“ на основу глаголов 2-го спряжения и суффикса „э“ на претеритальную основу глаголов 1-го спряжения [точнее же было бы просто сказать, что суффиксом деепричастной формы служит „-э“, присоединяемое к претеритальной основе глаголов в 2-ом спряжении же претеритальная основа будет равна простой основе плюс суффикс „-т-“; окончание -тэ является т. о. сложным (двухморфемным): -т-э]:

Табэтэ — кушая	2-ое спряжение.	каитэ — пиша	1-ое спряжение.
митэ — глядя		саситэ — указывая	
окитэ — вставая		маттэ — ожидая	
акэтэ — открывая		синдэ — умирая	
		аттэ — встречая	
		тондэ — летая	
		тоттэ — беря	

Смысл деепричастных форм приблизительно соответствует указанному русскому переводу.

Деепричастные формы некоторых глаголов постоянно употребляются в сочетании с другими глаголами, так например: курабэтэ миру — сравнивать. Курабэтэ — деепричастная форма от курабэру (сравнивать); миру — смотреть. Конечно, можно сказать и просто курабэру, но японцы гораздо чаще и охотнее употребляют сложное выражение: курабэтэ миру. Особенно часты такие соединения с глаголами куру — приходить — и ику, юку (итти): Цурэтэ ику — увести с собой (уйти с). Цурэтэ куру—притти с... Моттэ ику—унести, моттэ куру—принести, и т. п.

Примечание: В таких сочетаниях как ёндэ куру, иттэ куру, нагарэтэ куру, мы имеем нечто вроде совершенного вида наших глаголов: ёбу — звать, ёндэ куру — позвать, ику— итти, иттэ куру — сходить, нагарэру — плыть, нагарэтэ куру— приплыть.

Иногда, в сочетании с деепричастиями некоторых глаголов куру обозначает начало действия: Амэ-га футтэ кимасита— дождь начал итти. (Для обозначения начала действия употребляются таже сложные глаголы, оканчивающиеся глаголом дасу: накидасу — начать плакать, какэдасу — начать бежать и т. д.).

В сочетании с прилагательным ёросии (в Токиоском говоре чаще ии), деепричастная форма выражает приказание данное в сравнительно мягкой форме:

Нива-ни дэтэ ии — Можно выйти в сад.

На правах элиптического оборота, деепричастная форма может и самостоятельно выражать приказание: Еку ки-о цукэтэ — Будьте внимательны.

Деепричастные формы употребляются и наречно. Некоторые из таких наречных форм настолько оторвались от своих основных функций, что мыслятся как самостоятельные слова

Хадзимэтэ — „сначала" с муз. ударением на 2-ом слоге, но в качестве подлинного деепричастия от глагола хадзимэру — „начиная" — безударно (дзэнхэй).

Исоидэ — поспешно (от глагола исогу — спешить).

Аратамэтэ — с'изнова (от глагола аратамэру — менять).

Итаттэ — чрезвычайно (от глагола итару — достигать).

Кивамэтэ — в высшей степени (от глагола кивамэру — довести до конца).

Деепричастные формы, как формы наречные, имеют ограниченное склонение, встречаясь в сочетании с „ва" и „мо", и иногда с „но".

Гохан-о ямэтэ-ва до:-дэс-ка — Если прекратить обед, то как? (Смысл: — Можно-ли бросить обедать?).

Чаще же всего встречаются такие сочетания: (деепричастие) — ва икэмасэн, например: табэтэ-ва икэмасэн, яндэ-ва икэмасен — нельзя есть, нельзя прекращать. Следовательно, формула ....тэ-ва икэмасэн выражает отрицательное приказание или запрещение.

При сочетании с „-мо", деепричастие имеет уступительный смысл: иттэ-мо дамэ-да, — даже, если пойдешь — бесполезно (и пойдя — бесполезно). При сочетании же с „-мо ии" или „-мо ёросии", деепричастная форма выражает разрешение: иттэ-мо ии — иди (или идите), и буквально пойти хорошо, и пойти можно.

„Мо" с отрицательной формой деепричастия означает вежливую форму запрещения: Киканакутэ-мо ии — можно и не слушать.

В следующих предложениях мы найдем родительный падеж от деепричастных форм:

Хадзимэтэ-но ко:ги — первая лекция.
Ситтэ-но то:ри — как уже известно.

§ 53.

Образование видов в Токиоском наречии не имеет столь определенно выраженного характера, как в других наречиях (напр. в говорах Кюсю [1]). Далее мы приводим наиболее значительные из видовых форм, не обозначая их в каждом отдельном случае специальными терминами:

1) Каитэ иру, каитэ ору,
ёндэ иру, ендэ ору,
табэтэ иру, табэтэ ору.

Во всех этих случаях на русский язык мы переводим: пишет, читает, ест. Однако мы также переводим настоящим временем и каку, ёму, табэру. Но между каку и каитэ иру и между ёму и ёндэ иру есть разница. Формы на иру и ору означают действие продолжающееся в момент разговора:

Кодомо-га хон-о ёндэ имас. — Ребенок читает книгу (читает ее в данный момент, когда о нем идет речь).

Или же — действие, имевшее место раньше, с результатом которого, однако, говорящий имеет дело в настоящее время:

Сравн. следующия фразы: Кими-ва гакко:-э мада нагаку ику-ка. — Ты еще долго будешь ходить в школу?

Мо: нинэн ходо икимасу. — Еще года два буду ходить.

Кими-ва гакко.-э мо: нагаку иттэ имас-ка. — Давно ли ты ходишь в школу?

Мо: нинэн ходо иттэ имас — Два года уже хожу.

Данна-сан ирассяимас-ка. — Дома ли господин?. — Иэ, ирассяимасэн, кайся-э иттэ имас. — Нет, его нет он пошел на службу (букв. в Торг. Дом). В последнем примере сказано „иттэ имасу" (или иттэ иру, но имасу — вежливее), так как господин пошел и там находится.

Несмотря на то, что этот вид (сочетание деепричастия с иру или ору) этимологически соответствует южно-японскому Perfectiv'y (напр. — нагасакск диалектическ. кя:тои ← каитэ-ору), а не Progressiv'y (напр. — какиои ← каки-ору), в его смысловые

[1]) Где мы встречаем стройную систему с различением 3 видов прогрессивного, перфективного и линквитативного (см. „Психофонетические наблюдения над яп. диалектами, I стр 77, § 46)

функции входит, как мы видим из двух категорий вышеприведенных примеров, выражение обоих данных видовых значений (и прогрессивного и перфективного видов), а потому условно его можно назвать прогрессивным видом.

При этом надо отметить, что в живой разговорной речи вместо ёндэ иру, кайтэ иру говорят ёндэру, кайтэру и т. п.).

Для прошедшего (описательного) прогрессивного вида мы имеем следующие формы. кайтэ ита (имасита) или кайтэ отта (оримасита), ёндэ ита (имасита) или ёндэ отта (оримасита), табэтэ ита (имасита) или табэтэ отта (оримасита) и т. д.

Прошедшее время в прогрессивном виде обозначает действие, которое в прошедшем было продолжительно.

Сакудзицу юки-га аса-кара бан-мадэ футтэ имасита — вчера с утра до вечера шел снег.

Или же — действие которое кончилось, когда совершилось другое действие:

Иссясан-ва кита токи-ни бё:нин-мо наоттэ ита — когда пришел врач, больной уже выздоровел.

Прогрессивный вид формы вероятности выражает действие, которое (в качестве длительного процесса), может быть, и имеет место (в настоящем или будущем), в чем говорящий однако не уверен.

Итиро:-ва доко-ни имасу-ка. — Где Итиро? Табун дайдоко-ни гохан-о табэтэ имасё: (или чаще табэтэ иру-дэсё:). — Должно-быть, он ест обед на кухне.

Отрицательные формы прогрессивного вида будут: для настоящего: ёманаидэ иру (ору), каканаидэ иру (ору); для прошедшего: ёманаидэ ита (отта), каканаидэ ита (отта) или какадзу-ни ита (отта), ёмадзу-ни итта (отта).

Для будущего: Каитэ ирумаи или кантэ орумаи.

2) Каитэ ару, ирэтэ ару, хиитэ ару. Эти формы по-русски могут быть переведены· написано, вложено, и т. д.

Сакудзицу-но тэгами-ва доко-ни ирэтэ ару. — Где вчерашние письма (букв. — куда вложены вчерашние письма)?

Иэ-но маэ-ни нива-га косираэтэ ару. — Перед домом устроен сад.

Коко-ни оитэ атта хон-о тотта-ка. — Взял ли ты книги, которые были здесь оставлены?

Этот вид — сочетание деепричастной формы с глаголом ару мог бы быть назван перфективным видом (токиоского говора).

3) Ирэтэ оку, адзукэтэ оку, каитэ оку, сутэтэ оку. На русский язык эти формы будут переведены: вкладываю, сохраняю, пишу, выбрасываю. Такой перевод, однако, не точен. Ирэтэ оку — *значит не просто вкладываю, а вкладываю и оставляю* Каитэ оку — пишу с тем чтобы написанное сохранилось надолго Сутэтэ оку — выбрасываю с тем, чтобы там и осталось выброшенным и т. д. эти формы вполне соответствуют понятию линквитативного вида (ср. нагасакск. диалектическ кяитёку - каитэ-оку).

Оку с отрицательной деепричастной формой значит „оставлять", напр: цукэнаидэ окимасе — оставим незажженным.

4) Киттэ симатта, каитэ симатта, ёндэ симатта (симау — кончать). Эта форма может быть переведена: написал, прочел, отрезал. Однако и здесь требуется некоторое уточнение. Киттэ симатта значит не только отрезал, но окончательно отрезал, или кончил резать. Каитэ симатта — написал, совершенно закончил писание, и т д.

Вместо каитэ симатта, ёндэ симатта и т. д. в беглой речи часто говорится каитятта, ёндзятта и т. д.

§ 54.

Нам остается рассмотреть отрицательные (негативные) формы глаголов, которые составляют спряжение параллельное с положительными Каждая положительная форма имеет соответствующую отрицательную

Основная отрицательная форма, соответствующая настоящему времени в ряде положительных форм, образуется путем присоединения суффикса „анай" к презенциальной основе 1-го спряжения и суффикса „най" к основе 2-го. Так, отрицательная форма от глагола ему будет ёманай (1-ое спряжение), для глагола табэру (2-ое спряжение) — табэнай. Еманай и табэнай и вообще все отрицательные настоящего времени спрягаются как прилагательные (как нагаи, тикаи и т. д.). Приводим далее все формы отрицательного спряжения глагола 1-го и 2-го спряжения, и параллельно (для сравнения) — соответствующие положительные формы.

1-ое спряжение.

	Положит.	Отрицательн.
Настоящее вр.	ёму	ёманай
Вероятн. наст.	ёмо:	ёмумай
Прошедшее	ёнда	ёманакатта
Условное	ёмэба	ёманакэрэба
Вероятн. прош.	ёндаро:	ёманакаро:
Условное прош.	ёндара	ёманакаттара
Желательное	ёмитай	(ёмитаку най)
Участительное	ёндари	ёманакаттари
Побудительный	ёмасэру *	ёмасэнай *
Императив	ёмэ	ёмуна
Деепричастие	ёндэ	ёманакутэ
Страдательный	ёмарэру *	ёмарэнай *

2-ое спряжение.

	Положит.	Отрицательн.
Настоящее вр.	табэру	табэнай
Вероятн. наст.	табэё:	табэрумай
Прошедшее	табэта	табэнакатта
Условное	табэрэба	табэнакэрэба
Вероятн. прош.	табэтаро:	табэнакаттаро:
Условное прош.	табэтара	табэнакаттара
Желательное	табэтай	(табэтаку най)
Участительное	табэтари	табенакаттари
Побудительный	табэсасэру	табэсасэнай
Императив	табэро	табэруна
Деепричастие	табэтэ	табэнакутэ
Страдательный	табэрарэру	табэрарэнай

Формы отмеченные * являются в морфологическом отношении нормальными глаголами 2-го спряжения (в положительной и отрицательной формах настоящего времени). Здесь они поставлены в столбце глаголов 1-го спряжения, так как эти формы являются производными от глаголов 1-го спряжения.

Некоторого пояснения требует форма на „маи“ („-у-маи“ для 1-го и „-р-у-маи“ для 2-го спряжения). Для 2-го спряжения возможно и „табэрумаи“ и „табэмаи“, — „по всей вероятности не будет есть“. Форма эта употребляется главным образом по отношению к третьему лицу.

Заметим также следующие возможные диалектические (Киото) варианты негативных форм: накатта / (нанда [табэнакатта/табэнанда], накаттаро·/нандаро: [табэнакаттаро:/табэнандаро:], накаттара /нандара [табэнакаттара/ табэнандара], накаттари/ нандари [табэнакаттари/ табэнандари].

Примечание: Мы здесь в виде примеров привели глаголы 2-го спряжения; в 1-м вместо нанда и т. д. будет ананда и т. д.

Вместо формы табэнакэрэба говорится иногда табэнэба. Эта же форма табэнакэрэба в беглом разговоре заменяется формой табэнакэря.

Примечание: Отметим чрезвычайно распространенное сочетание: ... .накэрэба наримасэн — означающее долженствование табэнакэрэба наримасэн — нужно есть; ёманакэрэба наримасэн — нужно читать и т. д.

Вместо формы табэнакэрэба может быть употреблена описательная табэнаи нара и вместо табэнакаттара — табэнакатта нара.

Форма с запретительной частицей „на" соответствует грубой форме приказания (напр табэру-на, — табэро). Вежливее сказать о-табэ-дэ наи-ё или табэнаи ё:-ни.

Желательная форма, морфологически равная прилагательному, специальной негативной формы не имеет: митай — митаку най, так же как прилагательное сирои — сироку наи, еи — еку наи и т. д., т. е. эти формы выражаются наречной формой в сочетании с отрицательным прилагательным наи (митаку— наречная форма от митаи).

Специальное внимание должно быть обращено на отрицательную деепричастную форму, которая, кроме указанных форм (анакутэ, накутэ) может быть выражена суффиксом дзу (взятым из классического языка) или же сочетанием наидэ. ёмадзу, еманаидэ, табэдзу, табэнаидэ.

Форма отрицательного деепричастия также употребляется наречно, причем некоторые формы на дзу имеют почти самостоятельное значение (почти порвали связь с глаголом). Например:

нокорадзу — без остатка (от глагола нокору — оставлять).

омовадзу, сирадзу — бессознательно (от омоу — думать и сиру — знать), и т. д.

„Дзу“ часто после себя имеет суффикс „ни“: омовадзу-ни, ивадзу-ни. Эти сочетания также употребляются в смысле наречия.

Возможны сочетания с ору и с иру: табэдзу-ни иру, табэнайдэ иру — быть без еды.

После накутэ, или наидэ, или дзу часто следует „ва“: табэдзу-ни-ва орарэмасэн — без еды жить нельзя.

После накутэ или найдэ часто следует икэнаи или наранаи (икэмасэн или наримасэн):

Минакутэ-ва наримасэн — нужно посмотреть.

Каканакутэ-ва наримасэн — нужно написать.

В Токиоском наречии накутэ-ва говорят чаще, чем найдэ-ва. Накутэ-ва в беглой речи заменяется накутя, а найдэ-ва — наидзя.

15-я ГЛАВА.

Вежливое спряжение.

§ 55.

Так же как негативные формы имеют противоположные формы позитивные, так все обычные формы глаголов, выше рассмотренные, имеют противополагающиеся им формы вежливого спряжения. Эти формы вежливого спряжения нам неоднократно уже встречались в примерах. В жизни они употребляются чаще, чем формы обычные. Это вежливое спряжение состоит в прибавлении глагола „масу“, теперь уже неупотребительного самостоятельно, основам глаголов 2-го спряжения и к презенциальным основам глаголов 1-го спряжения (в первом спряжении к основе прибавляется еще гласный и):

Табэмас	Окимас
акэмас	ёмимас
мимас	торимас и т. д.

(Примечание: Конечное „у“ в глаголе „масу“ не слышится, так же как и „и“ после с в прошедшем — „масита“ [чит. как „масьта“]; тоже нужно сказать и относительно „у“, „и“ в именных суффиксах -дэс(у), -дэсита [-дэс, дэсьта])

Поскольку формы на мас употребляются, как уже было указано, чрезвычайно часто, представление об этом глаголе, как о глаголе особо вежливом, почти утратилось; скорее глагольные формы без масу воспринимаются как невежливые. Во

всяком случае, формы без масу в обычном разговоре употреблять не рекомендуется. Их употребляют в разговоре с друзьями, низшими и т. д.

Глагол масу имеет некоторые особенности в спряжении. Приводим далее глаголы 1-го и 2-го спряжения, спрягаемые с глаголом масу:

1-ое спряжение.

	Положит.	Отрицательн.
Настоящее вр.	ёмимас	ёмимасэн
Прошедшее	емимасита	емимасэн-дэсита
Вероятное	ёмимасе:	ёмимасэн-дэсе: емимасумаи
Вероятн. прош.	ёмимаситаро:	ёмимасэн-дэситаро:
Условное	емимасурэба	ёмимасэнкэрэба
Условн. прош.	емимаситара	ёмимасэн-дэситара
Императив	емимасэ	ёмимасу-на
Участительн.	ёмимаситари	ёмимасэнакаттари
Деепричастн.	емимаситэ	ёмимасэндэ

2-ое спряжение.

	Положит.	Отрицательн.
Настоящее вр.	табэмас	табэмасэн
Прошедшее	табэмасита	табэмасэн-дэсита
Вероятное	табэмасе:	табэмасэн-дэсё: табэмасумаи
Вероятн. прош.	табэмаситаро:	табэмасэн-дэситаро:
Условное	табэмасурэба	табэмасенкэрэба
Условн. прош.	табэмаситара	табэмасэн-дэситара
Императив	табэмасэ	табэмасу-на
Участительн.	табэмаситари	табэмасэнакаттари
Деепричастн.	табэмаситэ	табэмасэндэ.

Мы приводим наиболее употребительные формы спряжения глаголов с масу. однако существуют и другие формы. так вместо емимасэндэсита говорят ёмимасэнакатта или ёмимасэнанда. Вместо ёмимасё: — ёму-дэсё:. Вместо ёмимаситаро: — ёмимаситадэсе: (эта форма употребляется чаще, чем емимаситаро:). Вместо ёмимасэн-дэситаро. — емимасэнакаттаро: или ёмимасэнандаро: (возможно также еманакаттадэсё:). Вместо ёмимасурэба (ёми-

масуря) — ёмимасунара или ёмимасэба. Вместо ёмимасэн-кэрэба (ёмимасэнакэря) — ёмимасэн нара. Вместо ёмимаситара — ёмимасита нара. Вместо ёмимасэн-дэситара — ёмимасэнакаттара ёмимасэнандара, ёмимасэн накатта нара. Вместо ёмимасэндэ — ёмасэдзу(ни). Вместо ёмимасэнакаттари — ёмимасэнандари.

Как видно из приведенного спряжения глаголов с масу, у суффикса масу отсутствует форма желательности. Залоговые формы, конечно, тоже могут принимать окончание масу: табэрарэмасу, ёбарэмасита и т. д.

16-я ГЛАВА.

Глаголы Куру и Суру.

§ 56.

К глаголам 2-го спряжения можно отнести также глаголы куру и суру (приходить и делать), имеющие однако некоторые особенности в спряжении [именно—тройное чередование (Ablaut) коренных гласных: „у/и/о“ в куру и „у/и/э“ в суру].

Приведем спряжение этих глаголов, как в обычной форме, так и в форме с масу:

Глагол Куру:

	Формы обычные.	
	Положит.	Отрицательн.
Настоящее	куру	конай
Прошедшее	кита	конакатта
Вероятное	коё:	комай (конай-даро:)
Вероятн. прош.	китаро:	конакаттаро:
Условное	курэба	конакэрэба
Условн. прош.	китара	конакаттара
Императив	кой	куру-на
Участительн.	китари	конакаттари
Деепричастие	китэ	конайдэ
Желательное	китай	китаку най
Страдательн. зал.	корарэру	корарэнай
Побудительн. зал.	косасэру	косасэнай

Формы с масу.

	Положит.	Отрицательн.
Настоящее	кимас	кимасэн
Прошедшее	кимасита	кимасэн-дэсита
Вероятное	кимасё	„ -дэсё:
Вероятн. прош.	кимаситаро:	„ -дэситаро:
Условное	кимасурэба	кимасэн-кэрэба
Условн. прош.	кимаситара	„ -дэситара
Императив	кимасэ	—
Деепричастие	кимаситэ	кимасэндэ
Страдательное	кораремасу	корарэмасэн
Побудительн.	косасэмасу	косасэмасен

Куру обычно употребляется в 3-м лице или для других лиц, когда разговор не требует особой вежливости. В противном случае, для первого лица говорится маиру или агару:

О-таку-э ситидзи-ни агаримас (или маиримас) — приду к Вам (в Ваш дом) в семь часов.

Для второго (или третьего) лица вместо куру употребляются вежливые глаголы ирассяру, оидэ насару, оидэ-ни нару.

Ицу оидэ насаимасу-ка — когда пожалуете?

Мо· дзики ирассяру-н-дэсё: — сейчас придет.

§ 57.

Глагол Суру

Формы обычные.

	Положит.	Отрицательн.
Настоящее	суру	синай, сэнай, сэну (сэн)
Прошедшее	сита	синакатта
Вероятное	сиё:	симай (сэмай, сумай) синай-даро: (сэнай-даро:)
Вероятн. прош.	ситаро:	синакаттаро: (сэнакаттаро:)
Условное	сурэба, сэба	синакэрэба (сэнэба)
Условн. прош.	ситара(ба)	синакаттара
Деепричастие	ситэ	синайдэ (сэнайдэ), сэдзу(ни)
Желательн.	ситай	ситаку най
Участительн.	ситари	синакаттари

Формы обычные.

	Положит.	Отрицательн.
Императив	сиро сэё	суру-на
Страдат.	сэрарэру	сэрарэнай
Побудит.	сасэру (сасу)	сасэнай

Формы с масу.

	Положит.	Отрицательн.
Настоящее	симас	симасэн
Прошедшее	симасита	„ -дэсита
Вероятное	симасё:	„ -дэсё
Вероятн. прош.	симаситаро:	„ -дэситаро:
Условное	симасурэба	„ -кэрэба
Условн. прош.	симаситара	„ -дэситара
Деепричастие	симаситэ	—
Участительн.	симаситари	симасэнакаттари
Императив	симасэ	симасу-на
Страдат.	сэрарэмас	сэрарэмасэн
Побудит.	сасэмас	сасэмасэн

Глагол суру (делать) в соединении с существительным в винительном падеже, образует новое глагольное выражение Так. „зевать" — говорится „акуби-о суру" (акуби — зевок), приготовляться — ситаку-о суру (ситаку — приготовление). Но еще чаще „о" винительного падежа отсутствует и суру сливается в одно целое — (в одно сложное слово) с предшествующим именем, являясь таким образом, суффиксом деноминативных (т. е. производных от имен) глаголов. Таким образом вместо акуби-о суру и ситаку-о суру говорят: акуби-суру, ситаку-суру

Особенно много таких соединений с существительными китайского происхождения: аннай-суру—сопровождать, бэнкё:-суру—учиться, сицумон-суру — спрашивать, сю:дзэн-суру — ремонтировать, со:дзи-суру — чистить, соцуге-суру—кончать школу и т. д. („о" винительного падежа в таких случаях почти никогда не употребляется).

„Суру" употребляется также со словами европейского происхождения, например, „рабу-суру" — любить, от английского love Потенциально каждое существительное иностранного происхождения может принять суру: можно сказать „рэболюсён-суру" — („рэболюсён" — revolution) и т. д.

Много глаголов образуется из соединения суру с ономатопоэтиками: биккури-суру — пугаться, удивляться; бон'яри-суру — быть рассеянным и т. д.

В некоторых сочетаниях суру с китайскими существительными (притом, ввиде общего правила, краткими, — которым в китайском их источнике соответствовал 1 слог, а в письме 1 иероглиф, оканчивающимися на цу, или н или на долгий гласный звук [1]) имеют место звуковые чередования, постигающие или конец именной основы (цу/с-) или начальный согласный в -суру (с/-дз): бассуру — наказывать, кэссуру — решать, андзуру — думать, беспокоиться, киндзуру — запрещать, дзондзуру — думать и т. д. В этих глаголах суру уже перестает восприниматься: в Токио вместо андзуру, киндзуру, синдзуру и т. д. говорится андзиру, киндзиру, синдзиру и т. д. — глаголы эти воспринимаются как глаголы 2-го спряжения и от них образуются глагольные имена — андзи, киндзи и т. д.

Следует отметить особую смысловую роль суру в таких сочетаниях как:

Хэнна адзи-га суру — являет странный вкус,
Ии ниои-га суру — хорошо пахнет,
Дзуцу:-га суру — страдает головной болью,
Также странным кажется суру в таких выражениях:
Ото-га суру — слышится звук,
Коэ-га суру — „ голос,
Дзисин-га суру — происходит землетрясение,
Инабикари-га суру — блестит молния и т. д.

Отметим соединения деепричастной формы суру „ситэ" с „то" в таких предложениях как:

Кумиаи-но дайхё: то ситэ ... — как представитель союза.
Онна то ситэ дэрарэмасэн — как женщина (будучи женщиной) выйти не могу.

Иногда вместо „то ситэ" говорится „ни ситэ".

Особое значение то суру имеет после вероятной формы глагола:

Ико: то симасита га ... — хотя и намеревался пойти ...

В таких случаях „то суру" имеет значение „намереваться".

---

[1]) В последнем случае данный долгий гласный, в частности о: долгое, восходит к древнему а + губной носовой, т.-е. к древне-японскому *аМ (см. фонетику), чему в китайском источнике данного заимствования соответствует аη_{l}, т.-е. а плюс заднеязычный носовой.

Вежливый эквивалент суру будет для 1-го лица — итасу, для второго (третьего) — насару.

Сицурэй итасимасу — совершаю неприличие (извинение).

О-агари насай — пожалуйте.

17-я ГЛАВА.

Этимология глагольных спряжений.

§ 58.

Сравнивая формы глаголов 1-го и 2-го спряжения, в особенности формы 1-го спряжения от основы настоящего времени с соответствующими формами глаголов 2-го спряжения, мы легко убедимся, что в суффиксах 1-го спряжения можно произвести расчленение.

1-ое спряж.	2-ое спряж.
Номанай	Табэнай
Номитай	Табэтай.

Сравнивая анай и най, итай, и тай мы можем в суффиксах 1-го спряжения отделить первую гласную: — а-най, и-тай. Также можно расчленить и окончание форм от претеритальной основы, но сделать это можно лишь путем историко-лингвистического анализа.

Если мы сделаем небольшой экскурс в область классического языка, то мы увидим, что в нем суффиксы для 1-го и 2-го спряжения были одинаковы, но в 1-м спряжении они соединялись с корнем через соединительный гласный, во втором — наращивались как и теперь прямо на корень. Такими соединительными гласными для 1-го спряжения были: а, и, у, э. Вместе с корнем они составляли основы для дальнейшего спряжения.

Три гласных—и, у, э имели кроме морфологической функции соединения и роль суффиксов (и — как суффикс глагольного имени, у—как суффикс настоящего времени и э — как суффикс повелительной формы; раньше и суффикс а повидимому имел самостоятельное значение). Следовательно, глаголы 1-го спряжения имели четыре основы:

Глаголы

каку:	сасу:	мацу·	сину:	ау:
кака	саса	мата	сина	ава
каки	саси	мати	сини	аи/ахи
каку	сасу	мацу	сину	ау/афу
какэ	сасэ	матэ	синэ	аэ/ахэ

ному:	тору.	исогу.	тобу:
нома	тора	исога	тоба
номи	тори	исоги	тоби
ному	тору	исогу	тобу
номэ	торэ	исогэ	тобэ

Приведем для примера спряжение одного из упомянутых глаголов (суффиксов спряжения классического языка, теперь уже не применяемых, мы приводить здесь не будем).

Глагол Каку. Основы: кака, каки, каку, какэ.

1-ая основа: кака.

	Положительн. формы:	Отрицательные:
Настоящее	—	кака-най
Прошедшее	—	кака-накатта
Условное	—	кака-накэрэба
Вероятное	*кака-му—→*кака-у (—→како:)	—
Условн. прош.	—	кака-накаттара
Вероятн. „	—	кака-накаттаро:
Участит.	—	кака-накаттари
Деепричастн.	—	кака-накутэ

2-ая основа—каки (глагольное имя).

	Положит. формы:	Отрицательн. формы:
Прошедшее	каки-та	—
Условн. прош.	каки-тара	—
Вероятн. „	каки-таро:	—
Желательное	каки-тай	—
Участительн.	каки-тари	—
Деепричастие	каки-тэ	—

3-я основа—каку (настоящее время).

	Положит. формы:	Отрицательн. формы:
Вероятное	—	каку-маи

4-ая основа—какэ (повелит.).

	Положит. формы:	Отрицательн. формы:
Условное	какэ-ба	—

Разница от современного разговорного языка заключается в формах от второй основы. Вместо старого какита, мы имеем каита, вместо какитара — каитара, вместо какитаро: — каитаро: и т. д. и только в желательной форме каки- сохранилось в прежнем виде,—какитай.

Мы имеем здесь результаты известных фонетических изменений. Эти фонетические изменения внесли значительные изменения и в морфологическую структуру глагольных форм, изменив даже и самый тип спряжений. Первое спряжение японского глагола уже сделало значительный шаг вперед к типу спряжений в флективных языках.

В современном 1-м спряжении, передвинулась морфологическая граница. Так, в старом японском мы имели каки-та, в современном—каит-а, в старом — ёми-та, ёби-та, в современном— ёнд-а (и для ёму и для ёбу) и т. д. Поэтому мы и говорим, что окончанием прошедшего времени для 2-го спряжения будет -т-а, а для 1-го — -а; но этимологически (т.-е. если мы вскроем происхождение этих форм) мы всегда установим, что это „а“ для первого спряжения есть фрагмент (остаток) „та“.

Примечание: Знание четырех основ первого спряжения облегчает иногда учащимся усвоение спряжения японских глаголов. Запоминать же их не представляет никакой трудности, так как порядок гласных, на которые оканчиваются основы соответствуют порядку японского алфавита (а, и, у, э; на „о“ основы нет). Этот мнемонический прием имеет наконец и то преимущество, что он дает представление о традиционной японской грамматике, преподающейся в японских школах.

В японских грамматиках базы указываются не только в первом, но и во втором спряжении (по аналогии с 1-ым). Так как на первую базу наращиваются главным образом суффиксы отрицательных форм, то в японской грамматике она называется отрицательной. Хотя во втором спряжении нет характерного гласного 1-го спряжения, японские грамматики все же называют основу табэ отрицательной, когда она стоит в формах табэ-най, табэ-накатта и т. д.

18-ая ГЛАВА.

Описательные глагольные формы.

§ 59.

Вместо некоторых глагольных форм, как например прошедшего вероятного, прошедшего условного, будущего отрицательного (табэтаро:, табэтара, табэмай), японцы предпочитают описательные формы, как уже указывалось выше; описательные эти формы состоят из простой формы плюс дэс или да (дэсита, дэсе:, датта, даро:). Такие описательные формы возможны не только для указанных выше глагольных форм, но и для всех глагольных форм вообще.

Вместо того, чтобы сказать табэтаро: или каитаро: (он по всей вероятности ел, писал), чаще говорится: табэта-даро: (табэта-дэсе·) и каита-даро: (каита-дэсё:).

Вместо табэнакаттаро: (прошедшее вероятное отрицательное)—табэнакатта-дэсё:, или —реже—табэнай-дэситаро:.

Вместо табэмай (или табэрумай) (он по всей вероятности не будет есть) или какумай (он по всей вероятности не будет писать), говорится табэнай-даро· (табэнай-дэсё:), каканай-даро: (дэсё:).

Вместо формы какэрэба и каканакэрэба (условные) часто встречается каку нара(ба) и каканай нара(ба); вместо каитара и каканакаттара говорится каита нара(ба) и каканай-дэситара(ба).

Между дэс (дэсё:, даро:, дэсита и т. д.) и глаголом часто вставляется „но“: каку-но-дэс, табэру-но-дэс. Иногда это просто „н“: каку-н-дэс, табэру-н-дэс. (Об этом „н“ смотри стр. 47).

Данна-сан сугу куру-н-дэсё: — Господин сейчас должно быть вернется. (Куру-н-дэсе· равно куру-но-дэ аримасе:, — т.-е. господин будет тем, который явится скоро).

Гакко:-кара каэрэба сугу фукусе: суру-н дэс (суру-но-дэ аримас) — как вернусь из школы, сейчас же займусь повторением (уроков), (буду тем, кто займется повторением)

Обе эти фразы можно сказать и без „н“ („но“). данна-сан сугу куру-дэс и Гакко:-кара каэрэба сугу фукусё: суру-дэс.

Примечание· В первых фразах (с „н“) чувствуется еще осознание в „дэс“—„дэ аримас“ и „дэ“ как падежа; во-вторых, „дэс“ воспринимается как сказуемостный суффикс.

§ 60

Отрицательные глагольные формы могут быть тоже построены с „дэс“. Так:

Каканай-н-дэс (-да) или Каку-дэ-ва (-дзя) най-дэс.

Каканакатта-н-дэс (-да) или Каита-дэ-ва (-дзя) най-дэс.

Каканай-н-дэсё· (-даро:) или Како:-дэ-ва (-дзя) най-дэсе. (-даро·).

Каканакатта-н-дэсе́: или каита-дэ-ва (-дзя) най-дэсе́:.

Примечание: Отметим, что оборот с дэсу может заменить повелительную форму (обращенное к низшему):

Со: суру-н-дэсу-е́ — делай так.

Такие выражения как „ёмо:-дэ-ва най-ка“ означают· „давайте почитаем“ (не почитать ли ?); „кими-ва хаяку окита-дэ-ва (-дзя) най-ка“ — „Ты, ведь, сегодня рано встал“ (не встал ли ты рано сегодня?).

Выражения же „Суру моно-дэ-ва най“ или „суру-н-дэ-ва най (суру моно-дзя най, суру-н-дзя най) — означает: „Не следует делать этого“.

Варау моно-дэ-ва най (варау моно дзя най)—не следует смеяться (над этим).

19-ая ГЛАВА.

Лица в японском глаголе.

§ 61.

Отсутствие специальных форм лица у японских глаголов заменяется или специальными глаголами 2-го или 1-го лица, или особыми описательными формами, употребляющимися только при обращении ко 2-му лицу (реже—в разговоре о третьем лице).

Вместо глагола суру—делать—для 2-го лица (реже для 3-го) употребляется глагол насару, для 1-го же—глагол итасу.

Нани-о насару-ка — Что Вы делаете (что изволите делать)? (Для первого лица этот глагол никоим образом не может быть употреблен).

Гобэнкё:-о насару-н-дэс-ка — Вы занимаетесь? (Вы изволите заниматься?)

Примечание: Заметим, что повелительным от насару будет „насай“.

Ика-ни итасимасе:-ка — как я должен поступить (сделать)? (итасу говорится только о себе. Употреблять его для других лиц нельзя)

О-дзяма-о итасимасита—я Вам помешал (сделал помеху).

Вместо табэру — есть, и ному — пить - - говорится для 1-го лица итадаку, для 2-го (3-го) агару или мэсиагару.

О-тя мо: иппай итадакимасе:-ка — смогу ли я выпить (получить) еще одну чашку чая.

До:дзо такусан мэсиагаттэ кудасай (мэсиагарэ) —пожалуйста кушайте (ешьте, пейте) побольше.

О-агари кудасай
Мэсиагаттэ кудасай } кушайте.
Мэсиагарэ

Глаголом 2-го лица вместо ору — быть — являются глаголы ирассяру или оидэ насару.

О-ути-ни ирассяимас-ка — находитесь ли дома (дома ли)?

Наннэн То:кё:-ни ирассяру-н-дэс-ка—Сколько лет Вы в Токио?

Эти же глаголы употребляются и вместо куру — приходить.

Ирассяй, ирассяй—заходите, заходите (пожалуйте).

Токунага-сан ирассяимасита—пришел (пожаловал) г-н Токунага.

Еку ирассяимасита — добро пожаловать. (Хорошо пришли).

Ирассяру и оидэ насару употребляются также и вместо ику — итти.

Доко-э ирассяимас-ка—куда идете (куда изволите итти).

Примечание: Заметим, что в глаголе ирассяру (1-го спряжения) вместо ирассяримасита говорится ирассяимасита, вместо ирассярэ—ирассяй, вместо ирассяримаситэ — ирассяимаситэ и т. д.

Вместо глагола яру—давать—для 2-го (3-го) лица говорится кудасару, для 1-го — агэру.

Нани-ка кудасай — дайте что-нибудь.

Коно о-канэ-о ватакуси-ни кудасару-н-дэс-ка—даете Вы мне эти деньги?

О-каси-о агэмасё-ка — дать Вам пирожное?

Примечание: Как и ирассяру, кудасару в прошедшем имеет форму кудасаимасита (а не кудасаримасита), повелительную—кудасай, а не кудасарэ и т. д.

Вместо морау — получать —для первого лица говорится итадаку или тё:дай суру (тё:дай итасу)

О-тэгами-о тё:дай итасимасита — я получил Ваше письмо.

Вместо ю: — говорить — для 2-го (и 3-го) лица говорится оссяру.

Нани-о оссяру-н-дэс-ка — что вы говорите?

Примечание. Глагол оссяру, также как кудасару и ирассяру, имеет в прошедшем оссяимасита, в повелительном оссяй и т. д.

Поскольку глаголы оссяру, ирассяру, кудасару сами по себе являются глаголами 2-го лица — т.-е. „вежливыми" глаголами, они могут употребляться и без „масу"—„ирассита" вполне вежливо, хотя говорят и „ирассяимасита". То-же и „ирассяй" — повелительное от ирассяру, оссяй—от оссяру, кудасай от кудасару—являются вполне вежливыми формами, тогда как повелительное от других глаголов, хотя бы от ханасу — говорить — „ханасэ" или от куру — приходить — „кой" — формы в высшей степени грубые и употребляются исключительно в разговоре с социально-низшими или собственными детьми и т. д.

§ 62.

Для обозначения 2-го (и 3-го) лица употребляются также специальные описательные формы. Так „нани-о номимас-ка" может означать и „Что пью я?", и „Что пьешь?", и „Что мы пьем?" и т. д. Форма же „Нани-о о-номи насаимас-ка" означает только „Что Вы пьете?" (или реже о 3-ем лице), но никак не говорится о себе самом.

Такими описательными формами являются:

глагольное имя, предшествуемое гонорифической приставкой „о", плюс глаголы годзару, -ни нару или насару; напомним, что у глаголов, 2-го спряжения основа (корень) глагола совпадает с глагольным именем.

Так, глагол читать—ёму, 1-го спряжения:

хон-о о-ёми-дэ годзаимасу хон-о о-ёми-ни наримасу хон-о о-ёми насаимасу	Вы читаете книгу.

Табэру — есть — глагол 2-го спряжения:

Сакана-о о-табэ-дэ годзаимасу Сакана-о о-табэ-ни наримасу Сакана-о о-табэ насаимасу	Вы едите рыбу.

Возможны и следующие обороты, воспринимаемые, однако, как менее вежливые:

Хон-о о-ёми-дэс-ка—Читаете ли Вы книгу?

Заметим, что специальные глаголы 2-го лица (мэснагару, ирассяру) в этих описательных формах не употребляются.

20-ая ГЛАВА.

Синтаксическое употребление глагольных форм.

§ 63.

По синтаксическому употреблению глагольные формы могут быть разделены на несколько категорий·

1. Аттрибутивно-предикативные формы, т.-е. те формы, которые могут употребляться и как определение (аттрибуты) и как сказуемые (предикаты). Внутри этой категории уже по морфологическим признакам мы можем установить две группы: чисто вербальные глагольные формы и отглагольные прилагательные. Чисто вербальными формами будут: настоящее, прошедшее, вероятное и т. д Отглагольными прилагательными будут все негативные формы и формы желательности; характеристикой этих последних форм может служить особая система словоизменения (спряжения по временам):

ёмитай — хочу читать еманай — не читаю
ёмитакатта — хотел читать еманакатта — не читал
ёмитаку накатта — не хотел читать и т д.

Как вербальные, так и отглагольно-прилагательные формы могут быть и определением и сказуемым.

Хон-о ёнда хито — человек, читавший книгу.
Хон-о ёму хито — человек, читающий книгу.
Хон-о ёмитай хито — человек, желающий читать книгу.
Хон-о ёмитакатта хито — человек, желавший читать книгу.

Из этих примеров мы видим, что глагольные аттрибутивные формы соответствуют нашим отглагольным прилагательным (причастиям), т.-е. в русском языке есть специальная глагольная форма определений, в японском же (разговорном) такой формы нет, та же форма, которая стоит в определении, может стоять и в сказуемом.

Хито-ва хон-о ёму Хон-о ёму хито.

Следовательно, те функции, которые у нас выполняются специальной формой—причастием,—в японском выполняются расположением слов. Та же глагольная форма перед именем является определением, а в конце предложения — сказуемым. В данном случае в глаголе наблюдается полная аналогия с прилагательным. Но наличие двух синтаксических функций прилагательного (аттрибутивно-предикативной формы: акаи хата — красный флаг и хата акаи — флаг красен) не вызывает особых затруднений, так как и в русском языке прилагательное может быть и определением и глаголом, тогда как глагольные формы как определения учащимися воспринимаются с трудом.

Мы должны также отметить, что связь японских глагольных определений с определяемым гораздо шире, чем у нас Поясним примером. ному хито — пьющий человек. Ному мидзу — пиемая (которую пьют) вода. И в том и в другом случае мы имеем ному. Каита тэгами — написанное письмо; и (тэгами-о) каита хито — человек, написавший (письмо).

В таких выражениях, следовательно, как каита тэгами, ному хито — ному и каита можно по функции приравнять к причастиям. Совершенно самостоятельную позицию занимают просубстантивные формы глаголов на „но", которые тоже переводятся причастиями, но употребляются без последующего имени:

ику-но — тот, который идет, идущий

ёнда-но — (про)читавший, прочитанный и т. д.

II. Адвербиальные (наречные) формы. Сюда, прежде всего, относятся деепричастные формы каитэ, ёндэ, моттэ, ситэ, окитэ и т. д. Эта форма часто является сказуемым в придаточных предложениях, при чем в отличие от русского языка действия соседних предложений могут и не быть согласованы по подлежащему (суб'екту).

Сюда же относятся и все условные· ёмэба, какэба, ёндара, окирэба и т. д.

III. Именные формы. Прежде всего основная форма глагола—глагольное имя (ханаси, ёми, ёби, каки, табэ и т. д). Об этой форме уже говорилось в § 37.

Далее к этой же категории следует отнести просубстантивные формы глагола на но, о которых только-что говорилось выше (нэру-но, каку-но; каита-но-о оитэ кудасай—оставьте написанное) и наконец — форма альтернативная для обозначе-

ния нескольких перемежающихся действий на тари с суффиксацией глагола суру:

наитари вараттари ситэ (наличие ситэ и служит признаком именности этих форм).

IV. Последнюю категорию занимают повелительные формы, которые ни в одну из вышеуказанных категорий включены быть не могут: в первую—за отсутствием аттрибутивных функций; во вторую—за неимением функций адвербиальных и в третью—за неимением именных признаков.

21-ая ГЛАВА.

Потенциальные глаголы.

§ 64.

Для выражения возможности — в частности у глаголов второго спряжения, как известно, существуют специальные формы (словообразовательные), совпадающие с формами страдательного залога.

Табэрарэта — был с'еден

Мирарэта — был замечен; но оба эти примера могут означать и: можно есть, можно видеть. Например: куракутэ мирарэмасэн — не могу видеть из-за темноты.

Кроме этих форм для 1-го спряжения имеется еще одна форма выражения возможности: корень глагола соединяется с глаголом эру — получать, редко самостоятельно употребляющимся в разговорном языке.

Примечание: Однако, этот глагол встречается в нижеследующих употребительных фразах:

мата ори-о этэ укагаимасе:—еще раз навещу Вас, когда представится случай.

Госансэй-о этай то омоимас—хотелось бы получить Ваше согласие (одобрение).

Глагол ёму — читать. Ем+эру — ёмэру — мочь читать. Коно дзи-о ёмэмас-ка—можешь ли ты прочесть этот знак?

Глагол хаиру — входить; хаир+эру — хаирэру — мочь войти: То-га симэтэ аттэ хаирэмасэн — так как дверь закрыта, не мог войти.

Некоторые из этих глаголов воспринимаются как страдательно-потенциальные:

Торэру (тору — брать) —добываться,
Сирэру (сиру — знать) — быть известным.
Урэру (уру — продавать) — быть продаваемым, продаваться.
Каэру (от кау — покупать) — быть покупаемым, покупаться.
Кикоэру (кику—слышать) — быть слышимым, слышаться.
Миэру (миру — видеть) — быть видимым, видеться.

Примечание: Миру — единственный глагол 2-го спряжения, который имеет потенциальную форму.

Будо:сю-га будо:-кара торэру — вино добывается (делается) из винограда

Оккасан-ни сирэру то икэнай — если это узнается матерью, будет нехорошо (не годится).

Кину-га оку урэру — шелк хорошо продается.

Угуису-но коэ-га кикоэта—слышится голос (пение) соловья.

Эти потенциальные глаголы ставятся главным образом при подлежащих неодушевленных, в то время как при подлежащих одушевленных обычно ставятся ранее указанные формы страдательные (потенциальные).

22-ая ГЛАВА.

Переходные и непереходные глаголы.

(транзитивные и интранзитивные).

§ 65.

Глаголы переходные и непереходные, т-е. глаголы, требующие винительного падежа (прямого дополнения) и его не требующие, в японском языке часто происходят от одного корня, хотя закономерность образования переходных от непереходных или обратно установить трудно.

Приводим примеры глаголов транзитивных и интранзитивных от одного корня.

Примечание: По большей части глаголы эти пишутся одним и тем же иероглифом.

Непереходные:		Переходные:	
Агару	— подыматься, есть	агэру	— подымать
Атару	— приходиться	атэру	— принаравливать
Ацумару	— собираться	ацумэру	— собирать
Какару	— быть повешенным	какэру	— вешать
Магару	— быть согнутым	магэру	— сгибать
Мадзару	— быть смешанным	мадзэру	— мешать
Осамару	— быть управляемым	осамэру	— управлять
Осамару	— быть уплоченным (о налогах)	осамэру	— уплачивать
Сагару	— спускаться	сагэру	— спускать
Сидзумару	— успокоиться	сидзумэру	— успокаивать
Тамару	— накопляться	тамэру	— накоплять
Томару	— останавливаться	томэру	— останавливать
Вакару	— делиться (понимать)	вакэру	— делить
Кавару	— меняться	каэру	— менять
Сувару	— сидеть	суэру	— сажать
Хадзимару	— начинаться	хадзимэру	— начинать
Амару	— оставлять в излишке	амасу	— быть в излишке
Каэру	— возвращаться	каэсу	— возвращать
Кавару	— меняться	кавасу	— менять
Кудару	— спускаться	кудасу	— спускать
Мавару	— вертеться	мавасу	— вертеть
Модору	— итти обратно	модосу	— отсылать обратно
Наору	— поправляться	наосу	— поправлять
Окору	— подыматься	окосу	— подымать
То:ру	— проходить	то:су	— проводить
Ватару	— переходить	ватасу	— передавать
Дэру	— выходить	дасу	— выдавать, вынимать
Когэру	— подгорать	когасу	— сжечь
Макэру	— быть побежденным	макасу	— победить
Нигэру	— убежать	нигасу	— выпустить
Нурэру	— вымокнуть	нурасу	— замочить
Нобиру	— растянуться	нобасу	— растянуть
Окиру	— подыматься	окосу	— подымать

Ориру	— слезать	оросу	— спускать
Отиру	— падать	отосу	— уронить
Самэру	— охлаждаться	самасу	— охлаждать
Токэру	— расплавляться	токасу	— расплавлять
Цуиэру	— истратиться	цуиясу	— истратить
Хоробиру	— опрокинуться	хоробасу	— опрокинуть
Хиру	— сушиться	хосу [1]	— сушить
Какурэру	— прятаться	какусу	— прятать
Коборэру	— разливаться	кобосу	— разливать
Конарэру	— быть разжеванным	конасу	— размягчать, жевать
Коварэру	— разрушаться	ковасу	— разрушить
Кудзурэру	— распасться на части	кудзусу	— раздробить на части
Нагарэру	— течь	нагасу	— пустить плыть
Таорэру	— упасть, быть свергнутым	таосу	— заставить упасть, свергнуть
Ханарэру	— быть отделенным	ханасу	— отделять
Хадзурэру	— быть раз'единенным	хадзусу	— раз'единять
Цубурэру	— быть раздавленным	цубусу	— раздавить
Цуку	— прикрепиться, прибыть	цукэру	— прикрепить
Аку	— открыться	акэру	— открыть
Муку	— оборачиваться	мукэру	— повернуть
Катамуку	— накреняться, склоняться (иметь тенденцию)	катамукэру	— наклонять
Тодоку	— достигать, прибывать	тодокэру	— посылать, доводить до сведения
Цудзуку	— продолжаться	цудзукэру	— продолжить
Кудакэру	— разбиваться	кудаку	— разбить
Нукэру	— выходить	нуку	— вынимать, очищать
Сакэру	— быть разорванным	саку	— рвать

1) Ср. то же чередование (гласных и и о) в существительном хи/хо-(древн. пи/по-) „огонь", от которого, очевидно, и образованы были глаголы хиру и хосу.

Токэру	— распускаться	току	— распускать
Хиракэру	— быть открытым	хираку	— открывать, начинать
Якэру	— сгореть, поджариться	яку	— сжигать, поджаривать
Итаму	— болеть	итамэру	— делать больно
Кому	— быть переполненным	комэру	- заставлять входить во что-нибудь, вводить
Сидзуму	— тонуть	сидзумэру	— топить
Сусуму	— прогрессировать, двигаться вперед	сусумэру	— заставлять прогрессировать
Цуму	— быть запакованным	цумэру	— запаковать
Яму	— прекратиться	ямэру	— прекратить
Ясуму	— отдыхать	ясумэру	— заставить отдохнуть дать отдых.

Иностранцы должны уделять особое внимание этим глаголам: не путать, например, хадзимару и хадзимэру, цуку и цукэру, цубусу и цубурэру и т. д.

Кэйко-ва хадзимаримасита-ка — начались ли занятия? тогда как „начал ли ты заниматься?“ — будет:

Кэйко-о хадзимэмасита-ка.

Цукуэ-ни цукимас — значить сидеть за столом (букв. приложиться к столу), а цукуэ ни иро-о цукэмас — покрасить стол (букв. — приложить краски к столу).

О-тэнки-ва цудзукимасё: — хорошая погода по всей вероятности будет продолжаться.

Ханаси-о цудзукэру — продолжать разговор.

23-я ГЛАВА.

Сложные глаголы.

§ 66.

Сложные глаголы образуются из двух глаголов, глагола и существительного, глагола и прилагательного.

При сочетании двух глаголов первый глагол обычно стоит в форме глагольного имени.

Иихару — настаивать (ии от ю: — говорить — глагольное имя; хару — натягивать).

Минарау — практиковаться, учиться (ми — глагольное имя от миру — смотреть; нарау — учиться).

Соединяются с глаголом и существительные:

Эгаку — писать картины (от э — картина, и каку — писать).

Нэгиру — срезать цены (заставлять снижать цены) (от нэ — цена — и киру—резать).

Следующий пример показывают соединение прилагательного (его корня или основы) с глаголом.

Нагабику — тянуться (про облака) (от нагаи — длинный и хику — тянуть).

§ 67.

В некоторых сложных глаголах, состоящих из двух глаголов, второй из них не вносит нового смысла, а лишь несколько видоизменяет смысл первого, приближаясь по функции к вспомогательному глаголу.

Такого рода сложных глаголов в японском языке очень много. Далее мы приведем наиболее важные из них

1. Агару, агэру.

С глаголами агару и агэру имеются следующие сложные глаголы:

Тобиагару — подыматься вверх (взлетать).

Окиагару — подыматься (вставать).

Миагару — смотреть вверх.

Какиагару — написать.

Сиагару — закончить.

Дэкиагару — быть законченным, готовым.

Таким образом, прибавление глагола агару или агэру придает глаголам следующие значения: тобу — лететь вообще, тобиагару — лететь ввысь (только); миру — смотреть, миагэру — смотреть ввысь. В некоторых случаях, однако, агэру придает глаголу значение законченности действия, аналогично префиксам „на“ или „за“ в русском языке: писать — каку, написать — какиагэру.

2. Ау, авасэру.

Глаголы ау и авасэру встречаются в следующих сочетаниях:

Цукэау — помогать друг другу.

Сириау — знаться (быть знакомым).

Нирамиау — смотреть друг на друга (с неприязнью).

Глагол ау — встречать — имеет здесь значение русского суффикса „ся“ (взаимного действия). Сиру — знать, сириау — знаться, нираму — смотреть с неприязнью, нирамиау — смотреться (т. е. взаимно смотреть, смотреть друг на друга, а не смотреться в смысле смотреть на себя, как в „смотреться в зеркало“).

Кикиавасэру — наводить справки.

Мо:сиавасэру — приходить к соглашению.

Ариавасэру — находиться под рукой.

Авасэру — сводить, заставлять встречаться — изменяет смысл основного глагола следующим образом: кику слушать, кикиавасэру — заслушать (мнение других); мо:су говорить, мо:сиавасэру — сговариваться, договориться, притти к соглашению.

3 Тигау, тигаэру.

Икитигау — расходиться (разойтись).

Сурэтигау — пройти мимо друга (рядышком).

Кикитигау — ослышаться.

Тигау значит — отличаться. Ику — итти, икитигау — разойтись (напр.: Идя в Институт, я разошелся с Павлом Ивановичем). Сурэру — тереться, сурэтигау — тоже разойтись, но пройдя друг около друга, почти задев друг друга. Кику — слышать, кикитигау — ослышаться,

4. Дасу.

Нигэдасу — начать бежать, побежать.

Омоидасу — вспомнить.

Накидасу — заплакать, закричать.

Иидасу — заговорить.

Во всех этих сочетаниях дасу имеет значение вспомогательное, обозначая начало действия, аналогично нашему префиксу „по“ — побежать — или „за“ — заговорить, заплакать. Иногда же дасу имеет значение префикса „вы“. например в следующих сочетаниях:

Сагасидасу — выискать, найти (сагасу — искать).

Фуридасу — вытрясти (от фуру — трясти).

5. Каэру, кавару.

Какикаэру — переписать (от каку — писать).

Кикаэру — переменить (от киру — носить, одевать).

Норикаэру — сделать пересадку (от нору — ехать в экипаже или верхом).

Уэкаэру — пересадить (от уэру — сажать).

Харикаэру — перекрыть (от хару — крыть).

Ммарэкавару — переродиться (ммарэру — родиться).

Глаголы каэру и кавару имеют здесь значение русского префикса „пере".

6. Каэсу.

Торикаэсу — брать обратно (от тору — брать).

Ёбикаэсу — звать обратно, назад (от ёбу — звать).

Значение глагола „каэсу" в этих сочетаниях выражается русскими словами „обратно", „назад".

7. Какэру, какару.

Какикакэру — начать писать (каку — писать).

Фурикакэру или Фурикакару — начать падать (фуру — падать).

Сикакэру — начать делать.

Какэру обозначает начало действия.

8. Канэру.

Емиканэру — быть в затруднении при чтении (не мочь прочесть).

(Коно дзи-ва ёмиканэру — этот знак я затрудняюсь прочесть).

Вакариканэру — не быть в состоянии понять.

Канэру здесь употреблено в смысле „не мочь", „не быть в состоянии", но этот же глагол может иметь значение „колеблюсь", „не решаюсь".

Мо:сиагэканэру — не решаюсь сказать (Вам).

Примечание: Отметим также канэру в таком выражении как —

Еру-но акэру-о матиканэта — Я не мог дождаться утра (Я страшно ждал утра).

9. Киру, кирэру.

Урикиру — распродать (от уру — продавать).

Урикирэру — быть распроданным.

Омоикиру — бросить думать о чем нибудь (от омоу — думать).

Киру в этих сочетаниях может быть передано словами „окончательно прекратить“ или префиксом „раз“ (распродан и т. д.).

10. Кому.

Цумикому — погрузить (кому — грузить).
Фукикому — вдувать (фуку — дуть).
Ирикому — входить (иру — входить).
Отикому — ввалиться (упасть внутрь) (отиру — падать).
Орикому — вшить, впрясть (ору — прясть).

Здесь кому, как ясно видно из примеров, передается русским префиксом „в“. ходить — входить, дуть — вдувать и т. д.

11. Отосу.

Миотосу — смотреть вниз (ми от миру — смотреть).

Какиотосу — пропустить (букву, слово и т. д.) во время письма (каку — писать).

Отосу — значит уронить, опустить.

12. Сугиру.

Табэсугиру — переесть (слишком много с'есть) (от табэру — есть).

Номисугиру — перепить (от ному — пить).

Утагаисугиру — быть слишком подозрительным (от утагау — подозревать).

Сугиру — имеет значение префикса „пере“.

13. То:су.

Фукито:су — продувать.
Ярито:су
Сито:су } — проделать (сделатьк до онца, выполнить).

То:су имеет значение „проводить через“, в приведенных примерах может быть передано префиксом „про“.

14. Цуку, цукэру.

Куицукэру — укусить (куу — кусать).
Нарэцуку — привыкать (нарэру — привыкать).

Отицуку — осесть (отиру — падать).

Фукицукэру — придуть (напр. ветер придул корабль к берегу) (Фуку — дуть).

Какицукэру — записать (каку — писать).

Бутицукэру — ударить (буцу — бить).

Иицукэру — приказать, дать распоряжение (ю: — говорить).

Цуку — значит прикрепляться, цукэру — прикреплять.

В русском языке оттенок, придаваемый глаголом цуку, может быть иногда передан однократным видом (кусал — куимасита, укусил — куицукимасита). В „Фукицукэру" — „цукэру" передается в русском префиксом „при", в „какицукэру" — префиксом „за" (не совсем точно, вернее „написал и этим закрепил навсегда").

Отметим „цукэру" в таких сложных глаголах как кикицукэру, мицукэру (от кику — слышать, миру — видеть). Кикицукэру значит уловить звуки, слова (прикрепить слух) Мицукэру — обратить на что нибудь внимание (прикрепить взгляд— заметить).

15. Цукусу.

Мицукусу — просмотреть до конца.

Кикицукусу — прослушать до конца.

Ярицукусу — сделать все до конца.

Иицукусу — до конца сказать (все высказать).

Цукусу значит истощить, использовать до конца. Может быть по-русски передана префиксом „вы": выслушать, высмотреть, высказать и т. д: Ю:-бэки кото-ва минна иицукусита — высказал все, что имел сказать.

17. Цумэру, цумару

Иицумэру — заставить замолчать (от ю: — говорить)

Оицумэру — теснить (от оу — теснить).

Икицумару — зайти в тупик (от ику — итти).

Цумэру — заставить дойти до конца, остановить; цумару быть остановленным. Иицумэру — загнать в тупик допросом и т. п. Оицумару — преследуя загнать (зверя на охоте, преступника и т. д.).

18. Цудзуку, цудзукэру.

Фурицудзуку — не переставая падать (о дожде, снеге и т. д.— от фуру—падать)

Тэрицудзуку — продолжать блестать (тэру — блестеть).

Номицудзукэру — пить не переставая (ному — пить).

Цудзуку — продолжать, продолжаться. Придает значение непрерывности, длительности действия.

Аикаварадзу фурицудзуку — все так и льет (о дожде).

§ 68.

В некоторых сложных глаголах, по своему составу не отличающихся от указанных выше, первый глагол часто является как бы префиксом, потерявшим всякое значение, иногда же он вносит только весьма незначительное изменение в значение второго глагола. Первые части этих сложных глаголов можно поэтому назвать мнимыми префиксами.

Приводим примеры некоторых из таких глаголов:

1. Фуримаку — брызгать (водой).
   Фуримуку — поворачивать (голову).
   Фуриотосу — скидывать (спешить конного).
   Фурисутэру — выкинуть, бросить.

„Фури“ (от глагола фуру — трясти) в этих сочетаниях только усиливает основное значение второго глагола.

2. Мэсиагару — есть.
   Мэсицукау — иметь у себя на службе.
   Мэсицурэру — брать с собой.

„Мэси“ (от глагола мэсу — звать) тоже не изменяет смысл основных глаголов: агару — есть, цукау — иметь у себя на службе, и цурэру — брать с собой, вести за собой.

3. Осихакару — обдумывать.
   Осихираку — открывать.
   Осихиромэру — расширять.
   Осиирэру — вводить.
   Осикоросу — убить.
   Осимодосу — толкать назад.
   Ситаосу — свергнуть.

Глагол осу — толкать от себя, хотя и сохранил основное свое значение в некоторых сочетаниях (как например, осимодосу — толкать назад), но в большинстве случаев он уже превратился в простой префикс без особого смысла.

4. Сасиагэру — подносить.
Сасидасу — подносить.
Сасихику — вычитать.
Сасисавару — ставить препятствия, мешать.
Сасисэмэру — нажимать.
Сасисимэсу — указывать.

Все приведенные выше глаголы сохранили бы то же значение и без „саси".

5.Ториацукау — обращаться
Ториау — обращать внимание.
Ториавасэру — соединить.
Торихакарау — принимать меры.
Торикаэсу — взять обратно.
Торикэсу — аннулировать, погасить
Ториматомэру — собирать воедино
Ториковасу — разбивать.

„Тори" от глагола тору — брать.

6 Утихоробосу — разрушить, ликвидировать.
Утикацу — побеждать.
Утикэсу — аннулировать
Утикоросу — убить.
Утиморасу — упустить.
Утисутэру — бросить.
Утицудзуку — продолжать.

„Ути" от глагола уцу — бить — также как и „тори" в предыдушем примере—особого смысла не имеет.

7 К мнимым глагольным префиксам может быть отнесено и „тати" от глагола тацу — стоять — в таких сочетаниях, как:
Татиау — присутствовать, быть в наличии.
Татидомару — остановиться (от глагола томару)
Татихатараку — работать.

Татииру — входить
Татикоэру — переходить.
Татимодору — возвращаться.
Тативакарэру — расставаться.

Иногда, однако, „тати“ вносит новый смысл в весь глагольный комплекс, так напр. „Татиокурэру“ — быть тяжелым на под'ем (—опаздывать подымаясь), или „Татиоегу — начать плавать“, где тати придает смысл начала действия.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Парадигмы спряжений глаголов.

1-ое спряжение.

Глагол Каку. Основа настоящего: Как.

„ прошедшего: Каит.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	каку	каканай
Прошедшее	каита	каканакатта
Повелит.	какэ	(каку-на)
Условное	какэба	каканакэрэба
Условн. прош.	каитара	каканакаттара
Вероятное	како:	какумай
Вероятн. прош.	каитаро:	каканакатаро:
Желательн.	какитай	(какитаку най)
Участительн	каитари	каканакаттари
Деепричастие	каитэ	каканакутэ

Глагол ику — итти — имеет претеритальную основу не иит, как следовало бы ожидать по аналогии с каку и др, а итт, и все соответственные формы являются производными от этой основы[1]).

Глагол Сасу. Основа настоящего: Сас.

„ прошедшего: Сасит.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	сасу	сасанай
Прошедшее	сасита	сасанакатта
Повелительн.	сасэ	(сасу-на)
Условное	сасэба	сасанакэрэба
Условн. прош.	саситара	сасанакаттара

[1]) В провинциальных говорах встречается, наоборот, претеритальная основа *ит-, и прошедшее время имеет, следовательно,* форму ита (вместо токиоск. итта); деепричастие же в известных говорах (в частности нагасакских) образуется от этой формы прошедшего и имеет форму итатэ (вместо ожидаемого итэ и токиоского иттэ). Все эти уклонения от общей схемы (как в токиоском, так и в других говорах) об'ясняются, конечно, слишком кратким звуковым составом основы этого глагола (ик-).

Вероятное	сасо·	сасумай
Вероятн. прош.	саситаро:	сасинакаттаро:
Желательн.	саситай	(саситаку най)
Участительн.	саситари	сасанакаттари
Деепричастие	саситэ	сасанакутэ

Глагол Мацу. Основа настоящего времени: Мац/мат.
„ прошедшего „ Матт.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	мацу	матанай
Прошедшее	матта	матанакатта
Повелительн.	матэ	(мацу-на)
Условное	матэба	матанакэрэба
Условн. прош.	маттара	матинакаттара
Вероятное	мато·	мацумай
Вероятн. прош.	маттаро:	матанакаттаро:
Желательное	матитай	—
Участительное	маттари	матанакаттари
Деепричастие	маттэ	матанакутэ

Глаголов на цу очень немного: кроме приведенного мацу ждать), их всего 7:

кацу — побеждать
моцу — держать в руках, или сохраняться
содацу — возрастать
тацу — стоять или кроить
уцу, буцу — бить.

Глагол Сину. Основа настоящего времени: Син.
„ прошедшего „ Синд.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы
Настоящее	сину[1])	синанай
Прошедшее	синда	синанакатта
Повелительн	синэ	(сину-на)
Условное	синэба	синанакэрэба

1) В говоре Тоса этот глагол имеет—как и в классическом языке—настоящее вр. в виде синуру (а не сину, как в токиоском); такова же тосаская форма и другого глагола на н-, именно инуру (входить).

Условное прош.	синдара	синанакаттара
Вероятное	сино:	синумай
Вероятн. прош.	синдаро:	синанакаттаро:
Желательн.	синитай	(синитаку най)
Участительн.	синдари	синанакаттари
Деепричастие	синдэ	синанакутэ

Глагол Ау. Основа настоящего времени· А/ав.
„ прошедшего „ Атт

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	ау	аванай
Прошедшее	атта	аванакатта
Повелительн.	аэ	(ау-на)
Условное	аэба	аванакэрэба
Условн. прош	аттара	аванакаттара
Вероятное	ао:	аумай
Вероятн. прош.	аттаро:	аванакаттаро.
Желательное	аитай	(аитаку най)
Участительное	аттари	аванакаттари
Деепричастие	аттэ	аванакутэ

Глагол Ному. Основа настоящего времени: Ном.
„ прошедшего „ Нонд.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	ному	номанай
Прошедшее	нонда	номанакатта
Повелительн.	номэ	(ному-на)
Условное	номэба	номанакэрэба
Условн. прош.	нондара	номанакаттара
Вероятное	номо.	номумай
Вероятн. прош.	нондаро:	номанакаттаро:
Желательное	номитай	(номитаку най)
Участительное	нондари	номанакаттари
Деепричастие	нондэ	номанакутэ

Глагол Тору Основа настоящего времени. Тор.
„ прошедшего „ Тотт.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	тору	торанай
Прошедшее	тотта	торанакатта
Повелительн.	торэ	(тору-на)
Условное	торэба	торанакэрэба
Условн. прош.	тоттара	торанакаттара
Вероятное	торо:	торумай
Вероятн. прош.	тоттаро:	торанакаттаро:
Желательное	торитай	(торитаку най)
Участительное	тоттари	торанакаттари
Деепричастие	тоттэ	торанакутэ

Глагол Исогу. Основа настоящего времени: Исог.
„ прошедшего „ Исоид.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	исогу	исоганай
Прошедшее	исоида	исоганакатта
Повелительн.	исогэ	(исогу-на)
Условное	исогэба	исоганакэрэба
Условн. прош.	исоидара	исоганакаттара
Вероятное	исого:	исогумай
Вероятн. прош.	исоидаро:	исоганакаттаро:
Желательное	исогитай	(исогитаку най)
Участительное	исоидари	исоганакаттари
Деепричастие	исоидэ	исоганакутэ

Глагол Тобу. Основа настоящего времени: Тоб.
„ прошедшего „ Тонд.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	тобу	тобанай
Прошедшее	тонда	тобанакатта
Повелительн.	тобэ	(тобу-на)
Условное	тобэба	тобанакэрэба
Условн. прош.	тондара	тобанакаттара
Вероятное	тобо:	тобумай

Вероятн. прош.	тондаро:	тобунакаттаро:
Желательное	тобитай	(тобитаку най)
Участительное	тондари	тобинакаттари
Деепричастие	тондэ	тобанакутэ

2-ое спряжение.

Глагол Акэру Основа — Акэ.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	акэру	акэнай
Прошедшее	акэта	акэнакатта
Повелительн.	акэро	(акэру-на)
Условное	акэрэба	акэнакэрэба
Условн. прош.	акэтара	акэнакаттара
Вероятное	акэе:	акэрумай
Вероятн. прош.	акэтаро:	акэнакаттаро:
Желательное	акэгай	(акэтаку най)
Участительное	акэтари	акэнакаттари
Деепричастие	акэтэ	акэнакутэ

Глагол Миру. Основа — Ми.

	Положит. формы.	Отрицательн. формы.
Настоящее	миру	минай
Прошедшее	мита	минакатта
Повелительн.	миро	(миру на)
Условное	мирэба	минакэрэба
Условн. прош.	митара	минакаттара
Вероятное	миё	мирумай
Вероятн. прош.	митаро:	минакаттаро:
Желательное	митай	(митаку най)
Участительное	митари	минакаттари
Деепричастие	митэ	минакутэ.

РАЗДЕЛ V.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА.

24-я ГЛАВА.

Служебные слова (собственно).

§ 69.

Служебные слова в японском языке сравнительно немногочисленны; функцию их часто выполняют различные наречные формы глагола: деепричастия, условные формы и т. п.

Приведем далее ряд служебных слов с указанием их функций и с примерами их употребления:

1) г а в конце предложения имеет значение русского но, хотя, несмотря на и т. д. Га является следовательно служебной частицей соединения предложений Оно соединяет два предложения, из которых первое носит характер уступительный и т. д.

Бимбо: ситэ иру га сё:дзики - да — Хотя он и беден, но он честен.

Амэ-га футтэ кита га карэ-ва итта — хотя дождь и начался, он все же пошел.

Иногда же противоположение выраженное в га чрезвычайно слабо, и га по значению приближается к простому соединительному слову.

Сакудзицу соко-ни маиримасита га таихэн омосиро: годзаимасита, — Я вчера пришел туда и было очень интересно. (Здесь га, конечно, лишено смысла противоположения).

Ано хито-ва кодомо-о рокунин моттэ имасу га минна отокода, — У этого человека шесть детей и все они мальчики (хотя здесь и имеется некоторое противоположение, но очень незначительное).

Га может стоять и после предложения, за которым ничего не следует, но в таких случаях эти предложения всегда являются как бы незаконченными:

Амэ-га фурэба ии га... — Если бы пошел дождь, было бы хорошо... (но он не идет).

Табако-о ямэрэба ии га... — Если бы он бросил табак, было бы хорошо (но он не бросает).

Примечание: Заметим, что в приблизительно таком же смысле в конце фразы иногда встречается „моно-о".

Синэба ёкатта моно-о — Если бы я умер, было бы хорошо (О, если-б я умер!).

2) то как служебное слово может употребляться в двух совершенно различных случаях:

а) в первом случае „то" имеет значение соединительного слова, им обычно заканчиваются или условные или временные придаточные предложения; это „то" не следует путать с соединительным суффиксом „то".

Сёкудзи-га овару то итидо нива-ни сампо симасита, — Как только (когда) еда была закончена, (мы) все вместе прошлись по саду.

Кими-га яру-но-о миру то ои-со:-да, — Когда смотришь, как ты это делаешь, кажется легко.

В этих двух предложениях, „то" временное переводится на русский язык словом „когда".

Дадим другие примеры

Гудзу-гудзу суру то табэтэ симау дзо, — Если ты будешь медлить, я тебя с'ем.

Соно супу-но нака-ни о-сио-о мотто ирэру то дамэ-ни наттэ симаимас, — Если в этот суп еще положить соли, он совсем испортится.

В этих двух предложениях „то" имеет условное значение и переводится словом „если".

б) Во втором случае „то" служит для выделения прямой речи и ставится обычно перед такими глаголами, как ю: — говорить, омоу — думать, мо:су, ханасу — говорить, кику — спрашивать, котаэру — отвечать и т. д.

Сорэ-га моттомо ои хо:хо:-да то омотта — Это будет лучший способ — подумал.

Ано хито-ва Танака то иимас — Этот человек зовется Танака.

Ано хито-ва бё.ки-да то кикимасу — Я слышал: этот человек болен.

К этой-же категории относится „то“ в таких предложениях как: Ико:-то симасита — решил: пойду; или: онна то ситэ икарэ-масэн — будучи женщиной, не могу пойти.

3) К а — вопросительная частица, становится всегда в конце вопросительного предложения.

Ано хито-ва Танака-сан дэс-ка — Этот человек — г-н Танака?

Отметим часто встречающиеся в японском языке двойные вопросы:

Фуро-га дэкимасита-ка до:-ка киитэ кудасай — спросите, пожалуйста, готова ванна или нет.

Амэ-га фуру-ка, фуранай-ка — вакаранай, — Не понимаю идет дождь или нет.

Часто после ка следует то омоу или то ю:, то кику:

Асу куру-ка то кикимасита, — Спросил: придет ли завтра.

Иногда в разговорном языке вместо „ка“ встречается классическое „я“, но случаи употребления его редки.

4) К а р а — служит причинной связкой. Соединяет два предложения, ставится после настоящего и прошедшего времени (т.е. после финитных форм).

Амэ-га футта кара ути-ни отта — так как шел дождь, я сидел дома.

Кае.би-ва ицука датта кара ке-ва е.ка даро,—так как вторник было пятое число, сегодня восьмое число.

Коно хасира-га ару кара иэ-га таорану — Так как имеются эти столбы, дом не рухнет.

Во всех этих случаях — кара причинное и его не следует путать с „кара“ после деепричастных глагольных форм:

Ути-э каиттэ-кара тэгами-о какимасита — после того как я вернулся домой, я написал письмо.

О-нака-га хэтэ-кара ути-э каэтта — После того, как я стал чувствовать голод, я вернулся домой (О-нака-га х э т а кара ути-э каэтта — так как я стал чувствовать голод, то я вернулся).

В этих предложениях „кара“—суффикс исходного падежа,— мы имеем, следовательно, склонение адвербиальных форм глагола. После деепричастных форм это „кара“ на русский язык переводится „после того как“.

5) С и — имеет функции разделительного слова, ставится в конце придаточных предложении. На русский переводится: и...и...

Нива-ни-ва момо-но ки-мо аримас-си сакура-но ки-мо аримасу, — В саду есть и персики и вишни.

Нива-га тиисаи си мити-га сэмаи си хана-га сукунаи, — и сад мал и дорожки узки и цветов мало.

6) К э р э д о м о употребляется так же как и „га“, но выраженное им противопоставление значительно сильнее.

Корэ-ва риппана гакуся да кэрэдомо ке:си то ситэ-ва ёку най, — Он превосходный ученый, но как учитель он не годится.

Ки-ни иранаи кэрэдомо сиката-га аримасэн — хотя мне это и не нравится, но ничего не поделаешь.

Дзэнрёку-о цукусита кэрэдомо сиппайсита — несмотря на все усилия (хотя он и истощил все силы), но провалился (потерпел неудачу).

25-я ГЛАВА.

Служебные слова, имеющие самостоятельное значение.

§ 70.

Далее мы приведем ряд слов (иногда имеющих и самостоятельно определенный смысл), употребляющихся служебно и имеющих значение синтаксических формальных принадлежностей.

1) Моси, мосимо — если — обычно начинает условное придаточное предложение. Глагол сказуемое в таком случае будет кончаться на ба(эба), тара(ара), или на суфикс нара.

Моси боку-га канэмоти-даттара сонна-ни хатараканай — если-б я был богатым, я бы так не работал.

Моси тэнки-га ёкаттара ме.нити ундо:кай-га ару. Если завтра будет хорошая погода, завтра будут гимнастические упражнения.

Моси со: то сурэба кими-га аяматтэ иру — Если ты так думаешь, то ошибаешься.

Мосимо боку-га даттара — ... если бы я был на вашем месте...

2) Тоттэ (этимологически—то иттэ) употребляется в значении хотя, несмотря на то, что и т. д.

Хито-га бимбо:-да кара тоттэ кэибэцу суру-на,—Не презирай людей хотя бы они и были бедны.

Иногда тоттэ значит „для“, „для того, чтобы“.

Хана-сан-ва коно хана-о ната-ни агэтай тоттэ нива-э дэмасита — Хана (женское имя) вышла в сад для того, чтобы преподнести вам этот цветок.

3) Суффиксы склонения мадэ и ри иногда также употребляются с синтаксической функцией—заключая собою придаточное:

Карэ-га куру-мадэ-ни ситаку симасё. — подготовимся до его прихода (до того, как он придет)

Хаха-га бё:ки какаттэ-ри ватакуси-ва титтомо сото-э дэру хима-га аримасэн — С тех пор как мать заболела, я совершенно не имел времени выходить из дому.

4) Суффиксальное мо имеет также значение уступительное, особенно часто встречается оно с деепричастными формами.

Иттэ-мо дамэ-да — Если и пойти, все равно толку не будет.

5) Сикаси, сикасинагара, саринагара употребляются в начале предложений и имеют смысл русских слов „но", „однако" и т. д.

Сикараба, сарэба, сараба употребляются так же как и сикаси, но в значении „таким образом".

§ 71.

Некоторые существительные, имея свое самостоятельное значение, употребляются и в качестве служебных слов:

1) Аида — буквально — промежуток времени или пространства, употребляется в конце предложения в смысле „в то время как".

Бо:си-о тоттэ куру аида соко-дэ маттэ иттэ кудасай — В то время как я пойду за шляпой, подождите пожалуйста там.

Иногда после аида ставится падежное ва или ни.

2) Кагири (иногда с ва или с ни-ва) значит в буквальном смысле „граница"; употребляется как служебное слово с отрицательными глаголами в смысле „покамест", „до тех пор как" и т. д.

Ната-ва мадзимэ-ни хатараканай кагири(ва) сэйко:-симасэн.— Покамест вы не будете серьезно работать, вы не добьетесь успеха.

3) Кавари, кавари-ни. Кавари значит перемена; как служебное слово оно означает „вместо чего-нибудь", „взамен этого", „но".

Коно рё.саннити кумоттэ ита кавари-ни коннити-ва суккари харэмасита, — Последние два-три дня было облачно, но сегодня совсем прояснилось.

4) Ноти, ноти-ни, ноти-ва. Ноти имеет значение „будущее время", „будущее". Как служебное слово употребляется в значении „после того как".

Ватакуси-ва дэта ноти-ни кимасита — Он пришел после того, как я вышел.

5) Ато — будущее. Ато-дэ — „после того как".

Кися-га дэта ато-дэ кимасита — он пришел после того, как поезд отошел.

6) Саки, саки-ни, саки-ва. Саки — перед. Как служебное слово значит: „перед тем как".

Бё:ин-ни хаиру саки-ни — Перед тем как лечь в больницу

7) Токи, токи-ни, токи-ва, токи-ни-ва. Токи — значит время Как служебное слово, значит — „в то время как", „как" и т. д.

Сиппаи-сита токи-ва мата яттэ миру — При неудачах, пробую вновь.

[Примечание. Заметим здесь прошедшее время в сиппаи-сита

Вместо „токи" могут стоять другие аналогичные слова (обозначающие „время") — как-то: дзибун, коро, цуидэ, сэцу и т. д.

8) Таби (таби-ни, таби гото-ни) — значит „раз" (один раз). Иногда говорится тамби. Как служебное слово значит „всякий раз как":

Ватакуси-но као миру табигото-ни бэнкё: сиро то ю: — Каждый раз как он меня видит, он говорит мне: занимайся.

9) Токоро — буквально значит место. Как служебное слово имеет разнородные значения. Приводим несколько примеров употребления токоро как служебного слова:

Боку-но ситтэ иру токоро-дэ-ва со.-дзя аримасэн — поскольку мне известно, это не так.

Цукиаттэ мита токоро-дэ-ва ии хитораси — поскольку я с ним встречался, он мне кажется хорошим человеком.

В этих примерах „токоро" имеет значение „поскольку".

Катта токоро-дэ-ва нанимо наранай-даро: — даже если он победит (выиграет), ничего не выйдет. (Токоро — даже если).

Ендэ мита токоро-дэ ватакуси-ни-ва тотэмо вакаримасумаи кара ёсимасё:, — Хотя я и прочел, я бы все равно ничего не понял, поэтому (лучше) оставить (это дело). (Здесь токоро— хотя).

Макэта токоро-дэ нигэмасита — Как только он проиграл, он обратился в бегство. (Токоро — как только).

10) Уэ, уэ-дэ — после, после того; уэ-ни — сверх того (буквально уэ значит вверх).

Сиккэн-но уэ ниммэй суру — назначать на должность после экзамена.

Мита уэ-дэ кау-ка-мо сирэмасэн — может быть и куплю, после того как я посмотрю.

В таком же смысле как „уэ" употребляется слово идзё: (идзе:-ва) — китайское сочетание — самостоятельно редко употребляющееся; в сочетаниях значит „более чем": Сандзикан идзё: — более трех часов.

Нидзю:сай идзё.-но моно-ва ню:гаку-о юрасадзу—поступление в школу лиц выше двадцати лет не допускается.

Мита идзё:-ва ханасанакэрэба икану — Раз вы видели (это) вы должны (об этом) рассказать.

11) То·ри, то·ри-ни То:ри имеет много значений (дорога, способ, сорт и т. д.). Как служебное слово значит: подобно тому, как; согласно тому, как и т. д.

Киита то:ри-ни соно ханаси-о курикаэситэ-горан—Попробуйте изложить это так, как Вы это слышали сами.

Маттаку готю:мон-но то:ри-ни сэйдзо:-симасита — Сделано, согласно Вашего распоряжения.

Заметим такие употребительные выражения, как Госо:ти-но то:ри-ни—Как Вам известно; Горан-но то·ри — как изволите видеть; Якусоку-но то·ри — как было условлено.

12) Тамэ, тамэ-ни. Слово Тамэ, употребляющееся как полное слово (не как служебное), редко; оно значит польза. Как служебное очень употребительно, означает „для", „для того, чтобы" „из-за", „так как" и т. д.

Бё:ки-но тамэ-ни корарэмасэн — не могу притти из-за болезни (так как был болен).

Коно хон-ва Нихонгакусэй-но тамэ-ни цукутта хон-дэс— эта книга написана для японских студентов.

13) Маэ, маэ-ни, маэ-ва. Маэ в своем основном значении „перед" употребляется сравнительно редко; как служебное слово имеет значение „перед тем, как", „пока".

Сэнсэй-но куру маэ-ни фукусю:-о симасё: — перед тем, как придет учитель, повторим (уроки).

Можно впрочем сказать и „Сэнсэй конай маэ-ни фукусю:-о симасё:“ — Пока не пришел учитель, займемся повторением.

14) Ути, ути-ва, ути-ни. Ути значит середина; как служебное слово — во время того, как; до тех пор, пока; когда и т д

Курума-га тамаранаи ути-ни тобиноттэ-ва икэмасэн — Пока вагон (повозка) не остановится, вскакивать на лету нельзя.

Осоку наранай ути-ни каэримасё: — вернемся, пока не поздно.

Инака-ни ору ути-ни бэнкё:-о теттомо синакатта — пока я был в деревне, я совсем не занимался.

15) Ё:, ё:-ни. Ё·, как самостоятельное слово встречается в значении образ, манера, вид и т. д. Как служебное слово значит „подобно тому как“, „так чтобы“ и т. д.

Боку-ва кю:ко:-ни маниау ё:-ни хаяку окита — я встал рано, с тем, чтобы попасть на экспресс.

Ме:нити нарутакэ куру ё·-ни итасимасё:—завтра я непременно постараюсь быть у вас (Завтра я сделаю так, чтобы посетить вас).

16) Юэ, юэ-ни. Юэ — причина; как служебное слово: по причине, поэтому, соответственно этому и т. п

Вакарану юэ-ни кику — спрашиваю, так как не понимаю.

В настоящее время юэ как служебное слово сравнительно редко употребляется. Отметим, однако, довольно употребительные выражения: сорэ-га юэ — поэтому, нани-юэ — в том же значении.

СЛОВАРЬ.

А

А: — таким образом
Абура — жир, масло
Абуракои — жирный
Авасэру — сводить вместе
Агару — подыматься
Агэру — подымать
Адзи — вкус
Адзукэру — давать на хранение
Айда — промежуток, между тем как
Аикаварадзу — без перемен
Аицу — тот тип
Акаи — красный
Аками — краснота
Аканасу — томат
Акиндо — купец
Акирака-на — ясный
Аку — открываться
Акуби — зевок
Акунин — преступник
Акэру — открывать
Амари — слишком
Амару — быть в излишке, оставаться
Амасу — оставлять
Амэ — дождь
Ната — Вы
Анатагата — Вы (множ. число)
Аннай — сопровождение
Андзуру — думать, беспокоиться
Ано — тот
Аогаэру — зеленая лягушка
Аодакэ — молодой бамбук
Аой — синий
Аоми — синева
Аравасигатаи — труднообнаруживающийся
Араи — грубый
Аратамэтэ — вновь, сызнова
Ариавасэру — находиться под рукой
Аригато: — спасибо
Аруку — ходить
Ару — иметься
Арэ — тот
Аси — нога
Асобу — забавляться
Асу — завтра
Асуко — там
Атама — голова
Атару — приходиться, достигать
Ататака-на — теплый
Атира — там
Ато — потом
Ау — встречаться
Ацумару — собираться, скопляться
Ацуса — жара

Б.

Бака — дурак
Бакарасии — дурацкий
Бакуфу — бакуфу (название феодального правительства Японии)
Бакэцу — ведро
Бан — вечер
Банто: — слуга, лакей
Бассуру — наказывать
Бёки — болезнь
Бёнин — больной
Бимбо: — бедность
Бимбо:-суру — бедствовать
Биккури-суру — испугаться
Бо: — палка
Бо:би-суру — защищаться
Бококу — отечество
Боку — я
Бокура — мы
Бо:си — шапка
Бон'яри — рассеянно
Будо: — виноград

Будо:сю — вино
Буккё:кусай — поповский (пахнущий буддизмом)
Бутицукэру — ударить
Буцу — бить
Бэнкё: — занятия
Бэнкё:ка — усердный

В.

— ва — суффикс счета птиц
Вакаданна — молодой господин
Вакариканэру — не быть в состоянии понять
Вакариясуй — понятный, удобопонятный
Вакару — понимать
Вакарэру — расставаться
Ватакуси — я
Ватакусидомо — мы
Ватаси — я
Ватасу — передавать
Ватару — переходить
Варау — смеяться
Варэварэ — мы
Варэра — мы
Варуи — плохой

Г.

Гайкоку — иностранное государство, за-граница
Гайто: — пальто
Гакко: — школа
Гакусэй — ученик
Гакуся — ученый
Гакусякусай — педантичный, схоластичный
Гиндза — Гиндза, название улицы в Токио
Гинко: — банк
Госё — дворец
Гохан — рис, обед
Гункан — военное судно
Гудзу-гудзу суру — медлить
Гэнки — бодрость
Гэндзай — настоящее (время)
Гэнкан — прихожая

Д.

—даи — счетный суффикс для повозок
Дайдзин — министр
Дайдоко — кухня
Дайто:рё: — президент
Дамару — молчать
Дамэ — напрасно, бесполезно
Данна — господин
Дарэ — кто
Дасу — вынимать, выдавать
Дзасси — журнал
Дзаннэн-на—вызывающий сожаление
Дзаннин-на — грубый
Дзё:букуро — конверт
Дзи — знак, иероглиф, буква
Дзибун — время, в то время как;
Дзибун—сам
Дзидай — эпоха
Дзидо:ся — автомобиль
Дзинко: — население
Дзисин — землетрясение
Дзисё — словарь
Дзицугё:ся — делец
Дзондзуру (дзиру) — знать
Дзуйбун — очень
Дзуцу: — головная боль
Дзэйтаку — роскошь
Дзэннин — хороший человек
До:буцу — животное
Додзё: — вьюн
До:дзо — пожалуйста
Доицу — Германия
Доко — где
Доно — какой
Доната — кто
Доро — дорога
До:тю: — в пути
Дэкакэру — выходить
Дэкиру — мочь, изготовляться
Дэру — выходить

Ё.

Ё:(ни) — подобно тому как
Ё: — дело
Ёбидасу — вызывать
Ёбикаэсу — возвращать

Ебу — звать
Еваи — слабый
Ёгорэру — загрязниться
Ёи—хороший
Ё:ка —восемь дней, 8-ое число
Ёкка — четыре дня, 4-ое число
Ёкудзицу — на следующий день
Ёмиканэру — не мочь прочесть
Ёму — читать
Ёросии — хороший
Ёру — ночь
Ё ти — детство
Еттари — четыре (человека)
Ецу — четыре

И.

Идзе. — свыше
Идзурэ — какой, где
Ии — хороший
Ии- — глагольное имя от ю: говорить
Иидасу — начать говорить
Иихару — настаивать
Иицукусу — высказать (сказать все до конца)
Иицумэру — заставить замолчать
Иицукэру — приказать
Икивакарэ — расставание
Икитигау — разойтись
Икицумару — зайти в тупик
Ику — итти
Икура — сколько
Икуцу — сколько
Ими — смысл
Имото — младшая сестра
Инабикари — молния
Инака — деревня
Ину — собака
Ирассяру — приходить, итти, быть
Ирикому — входить
Ирэру — вкладывать
Иси — камень
Исин — название эпохи крушения феод строя
Исинагэ — бросание камней
Исогасии — занят
Исогу — спешить
Исоидэ — поспешно
Ису — стул
Ися — врач
Итадаку — получать, есть
Итаму — болеть
Итамэру — делать больно
Итару — достигать
Итасу — делать
Итасиката — способ действия
Итаттэ — в высшей степени
Итибан — первый номер
Ицу — когда
Ицука — пять дней, 5-ое число
Ицуцу — пять

К.

Кабэ — стена
Кава — река
Кавари — перемена
Кавари-ни — вместо, взамен
Кавару — меняться
Кавасу — менять
Каги — ключ
Кагири — до тех пор, пока
Кадзэ — ветер
Кадо — ворота, дверь
Кадогути — вход
Кадодэ — отбытие
Кае:би — вторник
Кайся — Торг. дом, акц о-во
Какару — требоваться
Каки — устрица
Какиагэру — написать
Какикаэру — переписать
Какимоно — письмо
Какиотосу — пропустить во время письма
Какитомэ — заказное письмо
Какицукэ — записка
Какицукэру — записать
Каку — писать
Какурэру — прятаться, исчезать
Какусу — прятать
Каминари — гром
Канарадзу — непременно
Кани — краб
Кандзи — иероглиф, кит. знак
Канки — холод

Канэ — деньги, металл
Канэирэ — кошелек
Кау — покупать
Кара — воротник
Карай — едкий
Кариудо — охотник
Карэ — он
Карэра — они
Каси — печенье, пирожное
Касу — одалживать
Ката — сторона, персона
Катай — твердый, трудный
Катамуку — накреняться
Катамукэру — накренять
Каттэгамасии — своевольный
Кацу — побеждать
Каэру — возвращаться
Каэруоёги — плавание лягушкой
Каэсу — возвращать
Кё: — сегодня
Кё:си — учитель
Ки — настроение, дух
Кивамэтэ — в высшей степени
Кикаэру — переменить
Кикиавасэру — наводить справки
Кикигурусии — неприятный, отвратительный на слух
Кикитигау — ослышаться
Кикицукусу — прослушать до конца
Кикоэру — быть слышимым
Кику — слушать
Кику — спрашивать
Кимоно — одежда
Кими — ты (господин, государь)
Киндзё — окрестности
Киндзуру — запрещать
Кино: — вчера
Кину — шелк
Киру — резать
Кирэй — красивость
Кирэй-на — красивый
Кися — поезд
Кисэй — характер
Ко: — так
Ко: — название циклического знака (употр. в смысле — 1-ый)
Ко — ребенок
Ко:ба — завод
Кобосу — разливать
Коборэру — разливаться
Когасу — сжечь
Ко:гэки (суру) — нападать
Когэру — подгореть
Кодзики — нищий
Кодзо: — мальчик (из лавки)
Кодзуцуми — посылка, сверток
Кодомо — ребенок
Кои — густой
Коицу — этот человек, этот тип
Коко — здесь
Коку-на — строгий
Конарэру — быть размягченным, разжеванным
Конасу — размягчать, жевать
Коната — эта сторона, здесь
Коконока — 9 дней, 9-ое число
Кококоцу — девять
Комэ — рис
Коннити — сегодня
Коно — это, этот
Консэцу-на — любезный
Ко:оцу — первый и второй
Коросу — убивать
Корэ — это
Косираэру — делать, строить
Косяку-на — дерзкий
Коти (ра) — здесь
Кото — дело, обстоятельство
Котоба — слова
Котомукэй-на — абсурдный
Коэ — голос
Коюби — маленький палец
Кувасии — подробный
Кудаку — разбивать
Кудакэру — разбиваться
Кудару — спускаться
Кудасару — давать
Кудасу — спускать
Кудзурэру — разваливаться, распадаться
Кудзусу — дробить
Куицуку — кусать
Ку:кё-на — пустой
Кума — медведь

Кумиаи — союз
Кумогакурэ — изчезновение за облаком
Кумору — быть пасмурным
Кун — товарищ
Курай — темный
Курой — черный
Куро — имя собак или кошек
Куру — приходить
Курэру — давать
Курусии — мучительный
Кусай — гнилой, вонючий
Кути — рот
Кутибуэ — свисток
Куцу — сапоги
Куцуя — сапожник
Кэ — волос, шерсть
Кэйко — занятия
Кэмури — дым
—кэн — счетный суффикс для домов
Кэнка — ссора
Кэнкю:ка—иследователь, трудолюбивый
Кэнтику — постройка
Кэнтикука — архитектор
Кэса — сегодня утром
Кэссуру — решать
Кяку — гость

М.

Ма — комната
Маваридо:и—долгий, окольный (путь)
Мавару — вертеться
Мавасу — вертеть
Магару — быть согнутым
Магэру — сгибать
Мадзару — быть смешанным
Мадзивару — обращаться с кем-либо
Мадзэру — мешать
Мадо — окно
Маи — счетный суффикс для листов бумаги
Маинити — каждый день
Маиру — итти, приходить
Макото-ни — поистине
Макэру — быть побежденным
Маннэн'эмпицу — самопишущее перо
Мару — приставка к названиям судов
Мати — улица
Матигаэру — ошибаться
Матидо:и — долгожданный
Мацу — ждать
Мацури — праздник
Маэ — перед тем как, пока
Мё:гонити — послезавтра
Мё:нити — завтра
Миагару — смотреть вверх
Мигото — великолепие
Мигурусии — неприятный на вид
Мидзу — вода
Микадо — священные ворота (титул имп-ра)
Микотонори — императорский указ
Микка — третье число, три дня
Мина — все
Минами — юг
Миотосу — смотреть вниз
Минарау — практиковаться, учиться
Мирэнгамасии — трусливый
Миру — видеть
Мити — дорога
Митомэру — признавать
Мицу — три
Мицукусу — просмотреть до конца
Мия — храм
Мияко — столица
Миэру — виднеться
Мма — лошадь
Ммарэру — родиться
Ммэ—слива
Модору — возвращаться
Модосу — отсылать обратно
Момо — персик
Моно — вещь
Момораи — нищий
Монооки — склад
Морау — получать
Мо:рэцу-на — пылкий, ожесточенный
Моси — если
Мо:су — говорить
Мотто — еще более
Моттэкуру — приносить
Моцу — нести
Мудзукасии — трудный

Муика — 6 дней, 6-ое число
Муку — повернуться (к чему-нибудь)
Мукэру — повернуть, направить
Мунэ — грудь
Муцу — шесть
Мэ — глаз
—мэй — счетный суффикс для людей
Мэйси — существительное
Мэката — вес
Мэндо: —затруднение
Мэндо:кусай — надоедливый
Мэндори — курица
Мэсиагару — есть
Мэсицукау — иметь у себя на службе
Мэсу — звать
Мэцубуси — наглазник (у лошадей)

Н.

Нагабику — тянуться (про облака)
Нагаи — длинный
Нагэру — кидать (камни)
Надакаи — известный
Най — отриц. прилагательное (часто является переводным эквивалентом слова „нет“ в русском языке)
Накидасу — заплакать
Наку — плакать
Нанацу — семь
Нанука — 7 дней, 7-ое число
Нао — еще более
Наору — выздороветь
Нарабу — стоять в ряд
Нарабэру — ставить в ряд
Нарау — учиться
Нару — становиться, делаться
Насакэ — милосердие, милость
Насакэбукай — милосердный
Насакэнай — бессердечный, жалкий
Насару — делать
Наси — груша
Насу — делать
Нацуку — привыкать
Нива — сад, двор
Ниватори — курица
Нигасу — упустить
Нигияка-на — оживленный
Нигэдасу — побежать
Нигэру — убежать
Ниисан — старший брат
Нику — мясо
Никуй—отвратительный, неприятный
Ниммэй — назначение
—нин — счетный суффикс для людей
Ниои — запах
Нирамиау — смотреть друг на друга (с неприязнью)
Нихон — Япония
Нихонго — японский язык
Нобасу — растянуть
Нобиру — растянуться
Ноборигатай — трудный для под'ема
Но:гё: — земледелие
Но:гё:си — история земледелия
Номисугиру — пить слишком много
Номицудзукэру—пить не переставая
Ному — пить
Норикаэру — сделать пересадку
Нору — ехать (в экипаже или верхом)
Поти (ни) — после
Нуку — вычищать, вынимать
Нукэру — выходить
Нурасу — замочить
Нурэру — вымокнуть
Нусуму — красть
Нэ — цена
Нэгиру — снижать цену
Нэдзуми — мышь
Нэко — кошка
Нэру — спать
Ню:гаку (суру) — поступать в школу
Ню:ё:-на — нужный

О.

Обака — дурак (большой дурак)
Обоэру — запоминать
Обоэясуй — легко-запоминаемый
Одзэй — множество (про людей)
Оёбу — достигать
Оёгу — плавать
Оира — мы
Оицумэру — теснить
Окадзэ — ураган (большой ветер)
Окиагэру — подыматься
Окии — большой:

О ки-на — большой
Окиру — вставать
О киса — величина
Оккасан — мать
Окору — подыматься
Окосу — подымать
Оку — класть
Омаэ — ты
Омаэгата — вы
Омаэтати — вы
Омоидасу — вспомнить
Омоикиру — бросить думать о ком-нибудь
Омосирои — интересный
Омоу — думать
Онака — живот
Ондори — петух
Онна — женщина
Оннарасии — женственно
Ору — быть
Орэ — я
Осиирэру — вводить
Осикоросу — убивать
Осимодосу — толкать назад
Ситаосу — свергнуть
Осихакару — обдумывать
Осихиромэру — расширять
Оссяру — говорить
Отикому — ввалиться
Отиру — падать
Ото — звук
Отоко — мужчина
Отокорасии — мужественно
Отосу — ронять
Ото.то — младший брат
Оцу — название циклич. знака (употр. при перечислениях со значением — „второй")
Оя — родители

П.

Пан — хлеб
Пиано — рояль
Писутору — пистолет
Покэтто — карман
Поти — имя собаки

Р.

Рабу-суру — любить (искаженное английское слово)
Ре:рия — ресторан
Рико:-на — умный
Ринго — яблоко
Ро до: — труд
Ро'до кумиаи — Рабочий Союз
Ро до.ся — рабочий
Рондон — Лондон
Росиаго — русский язык
Рэй - - пример
Рю фу-суру - - распространяться

С.

Сагару — опускать
Сагасидасу — выискивать
Сагасу — искать
Сагэру — опускать
—сай — год (при вычислении возраста)
Сайдзин — талантливый человек
Сакана — рыба
Саканаити — рыбный рынок
Саканая — рыбник
Саки — перед
Саки-ни — ранее, перед тем как
Сакка — писатель
Саку — расцветать
Саку — рвать
Сакудзицу — вчера
Сакунэн — прошлый год
Сакуя—вчерашняя ночь, вчера ночью
Сакэ — водка
Сакэру — разрываться
Самасу — охлаждать
Самба — акушерка
Сампо — прогулка
Самуи — холодный
Самураи — воин, самурай
Самурау — служить
Самуса — холод
Самэру — охлаждаться
Сан — господин
Сасиагэру — подносить
Сасидасу — подносить

Сасиоку — оставлять
Сасисавару — ставить препятствия
Сасисимэсу — указывать
Сасисэмэру — нажимать
Сара — тарелка
Сару — обезьяна
—сацу — счетный суффикс для книг
Сёмоцу — книга
Сё:сэцу — повесть, рассказ
Сё:сэй — я
Сибаи — театр
Сигото — дело
Сидзумару — успокоиться
Сидзуму — тонуть
Сидзумэру — топить
Сидзумэру — успокоить
Сика — олень
Сикакэру — приступить к делу
Сикан — офицер
Сикару — ругать
Сиккэн — экзамен
Сиккэй-на — невежливый
Симасу — делает
Симау — кончать
Симбун — газета
Симпо — прогресс
Симэру — закрывать
Сина — Китай
Сина — товар
Синамоно — товар
Синдзиру — верить
Синдзигатай — невероятный
Синно: — (вм. син'о:) принц
Сину — умирать
Сио — соль
Сиокарай — соленый
Сиппай — неудача, провал
Сиппо — хвост
Сирасэру — уведомлять
Сиру — знать
Сириау — быть знакомым, знаться
Сироми — белок
Сируси — знак
Ситагау — следовать
Ситаку — подготовка
Сити — заклад
-со: — суффикс для счета судов
Со: — так, таким образом
Соба — рядом
Со:дзи — чистка
Соицу — этот тип
Соко — там
—соку — суффикс для счета пар сапог
Соната — эта сторона
Соно — тот
Сора — небо
Сорэ — то
Соти — там
Сото — вне
Соцуге: — окончание школы
Сувару — сидеть
Судзусии — свежий
Сукоси — немного
Сукунай — малочисленный
Суму — жить
Сури — вор
Суру — делать
Сурэтигаи — пройти мимо друг друга
Сусуму — прогрессировать
Сусумэру — заставлять прогрессировать
Сурэру — тереться
Суэру — сажать, усаживать
Сэдзи — комплимент
Сэйдзи — политика
Сэйдзикай — политич. мир
Сэйдзо:-суру — изготовлять
Сэйкацу — жизнь
Сэйнэн — юноша, молодежь
Сэйко: — успех
Сэйфу — правительство
Сэкай — мир
Сэкайдзю: — на всем свете
Сэмай — узкий
Сэн — 1 копейка (1/100 эна)
Сэцу — период; в то время как
Сэцумэй — об'яснения
Сю:дзэн — ремонт
Сюппацу—отправление, от'езд
Сякай — общество
Сякайсю:ги — социализм
Сяккин — долг

Т.

Табако — табак
Табакокусай — пахнущий табаком
Таби — раз, всякий раз как
Табэру — есть
Табэсугиру — переесть (слишком много с'есть)
Тадзунэру — спрашивать, посещать
Тайсёкка — обжора
Такаи — высокий
Такусан — много, достаточно
Тамару — накопляться
Тамби — см. таби
Тамэ — польза
Тамэ-ни — для, для того чтобы
Тана — полка
Танин — посторонний
Танингамасии — посторонний, не имеющий отношения к делу
Тануки — барсук
Таору — падать
Таосу — ронять
Татаку — стучать
Татами — цыновка
Татиау — присутствовать
Тативакарэру — расставаться
Татидомару — остановиться
Татииру — входить
Татикоэру — переходить
Татимодору — возвращаться
Татихатараку — работать
Тацу — стоять
Тё:дай-суру — получать
Тё:сокусимпо — быстрый прогресс
Тиисай — маленький
Тиисa-на — маленький
Тити — молоко
Тити — отец
То — дверь
То: — десять
То: — счетный суффикс для рогатого скота
Тобиагару — взлетать кверху
Тобу — летать
Тогамэру — предостерегать
Тогэру — кончать, достигать
Тодоку — достигать
Тодокэру — посылать
Тои — вопрос
То:и — далекий
Токасу — расплавлять
Токи — время, в то время как
Токоро — место, но, хотя, однако
Токэру — расплавляться
Томару — останавливаться
Томэру — останавливать
Тори — птица
Ториавасэру — соединять
Ториау — обращать внимание
Ториацукаи — обращение
Ториацукау — обращаться
Торикаэсу — возвращать
Ториковасу — разбивать
Торикэсу — аннулировать
Ториматомэру — соединять воедино
Тору — брать
То:ру — проходить
Тосёкан — библиотека
Тосиёри — старик
То:су — проводить через
Тоу — спрашивать
То:хё: — баллотировка
Тэ — рука
Тэараи — грубый
Тэбуру — стол
Тэгами — письмо
Тэйсяба — вокзал
Тэнки — погода
Тэра — храм
Тэру — блестеть
Тэцудо: — железная дорога
Тя — чай

У.

Угуису — соловей
Укабу — плавать
Укабэру — заставить плыть
Укагау — спрашивать, навещать
Укэру — получать
Унаги — угорь
Урикиру — распродать
Урикирэру — быть распроданным
Уру — продавать
Уси — корова

Усинаиясуй — легко-теряемый
Усинау — терять
Усо — ложь
Усугураи — полутемный
Ута — песнь
Утагау — подозревать
Утидасу — открыть огонь
Утикацу — победить
Утикоросу — уб ть
Утисутэру — бросить
Утихоробосу — разрушить
Утицудзуку — продолжать
Уцукусии — красивый
Уэкаэру — пересаживать
Уэкия — садовник
Уэру — сажать

Ф.

Фукай — глубокий
Фукикому — вдувать
Фукитосу — продувать
Фукицуку — придуть
Фуку — дуть
—фуку — счетный суффикс для лекарств, затяжек табака и т. д.
Фукуро — мешок
Фунэ — лодка, судно
Фуридасу — вытрясти
Фурикакэру — начать падать (о дожде, снеге)
Фуримаку — брызгать
Фуримуку — поворачивать (голову)
Фуриотосу — скидывать (спешить конного)
Фурисутэру — сбросить
Фурицудзуку — падать без конца (о дожде)
Фуро — ванна, баня
Фуру — трясти
Фуру — падать
Фуруй — старый
Фурукусай — старомодный
Фурухон'я — букинист
Фу:сэцу — слухи, толки
Футари — 2 человека
Футацу — два
Футору — толстеть
Фуцука — 2 дня, 2-е число
Фуэ — флейта

Х.

Хадзи — стыд
Хадзимару — начинаться
Хадзимэру — начинать
Хадзимэтэ — впервые
Хадзурэру — быть раз'единенным
Хадзусу — раз'единять
—хаи — суффикс для счета полных чашек, стаканов и т. д.
Хай — муха
Хайкара — модный
Хайкаракусай — бьющий на шик
Хако — ящик
Хана — цветок
Ханами — любование цветами
Ханарэру — быть отделенным, удаляться
Ханаси — разговор
Ханасигатаи — трудновысказываемый
Ханасу — говорить
Хан'эй — расцвет
Хараисагэ — продажа
Харикаэру — перекрыть
Хару — весна
Харурасии — весенний
Хасами — ножницы, клешни
Хасаму — зажать
Хаси — палочки для еды
Хасира — балка
Хассу — отправлять
Хатакэ — сухое поле
Хатараки — работа
Хатараку — работать
Хато — голубь
Хаха — мать
Хацуон — произношение
Хаяй — скорый
Хё:гикай — совет (комитет)
Хи — огонь
Хибаси — палочки для углей
Хибати — жаровня
Хигэ — усы
Хидзё:-ни — чрезвычайно
Хидой — ужасный

—хики — суффикс для счета животных
Хику — тянуть, играть (на рояле)
Хираку — открывать
Хиракэру — быть открытым, цивилизованным
Хиру — сушиться
Хито — человек
Хитогороси — убийство
Хитори — один человек
Хитоцу — один
Хоккайдо: — Хоккайдо (остров)
Хококу — доклад, информация
Хо:мон — посещение
Хон — книга
Хонто: — правда
Хонто:-ни — по-правде
Хоробиру — опрокинуться
Хоробосу — опрокинуть
Хосой — тонкий
Хосонагай — продолговатый
Хосу — сушить
Хо:тэн — Мукден
Хо:хо: — способ
Хоэру — лаять
Хэн-на — неприятный, странный
Хэру — убывать, уменьшаться
Хэсу — заставлять убывать
Хэта — неискусный
Хэя — комната
Хякусё: — крестьянин
Хякусё:ёми — неправильное чтение (букв. крестьянское чтение)

Ц.

—цу: счетный суффикс для документов, писем и т. д.
Цубурэру — быть раздавленным
Цубусу — раздавить
Цуго: — обстоятельства, условия
Цуго:-но ии — подходящий
Цудзуку — продолжать
Цудзукэру — продолжаться
Цуиэру — истратиться
Цуиясу — истратить
Цукаи — посланец
Цукау — употреблять, держать у себя на службе
Цуку — прибывать, прикрепляться
Цукуру — делать, строить
Цукусу — истощать
Цукуэ — стол
Цукэау — помогать друг другу
Цукэру — прикреплять
Цума — жена
Цумару — быть доведенным до предела, остановленным
Цумикому — погрузить
Цуму — быть остановленным, доводить до конца
Цумэру — запаковывать
Цуно — рога
Цурэру — брать с собой, вести
Цу:тё: — известие, весть

Э.

Э — картина
Эгаки — художник
Эгаку — рисовать
Эдокко — уроженец Эдо (Токио)
Эйго — английский язык
Эру — получать
Эясуй — доступный, легко-получаемый

Ю.

Юби — палец
Юкай — приятный
Юки — снег
Юрусу — позволять
Юэ — причина
Юэ-ни — по причине, потому что

Я.

Ябуру — разорвать
Ябурэру — разорваться
Ядоя — гостиница
Якамасии — шумный, надоедливый
Яку — жечь, печь
Якэру — гореть
Яма — гора

Ямаи — болезнь
Яму — прекращаться
Ямэру — прекращать
Янаги — ива
Янэ — крыша
Яритосу — проделать
Яру — давать
Ясаи — зелень
Ясасии — легкий, милый
Ясинау — кормить, взращивать
Ясуй — дешевый
Ясуми — отдых
Ясуму — отдыхать
Ясумэру — заставить прекратить работу
Яхари — также
Яцу — восемь
Яцу — суб'ект, тип

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ФОНЕТИКА.

ГЛАВА I

СЛОВО КАК ФОНЕТИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

В морфологическом анализе (которому посвящена была I часть „Грамматики") элементарной единицей для нас служила морфема (см главу I-ую в I-ой части), а единицей высшего (по отношению к морфеме) порядка — слово[1]). Со словом — опять-таки в качестве единицы (или величины) высшего порядка — нам придется иметь дело и в фонетике, при чем здесь слово придется разлагать на слоги[2]) (слог будет, следовательно, фонетической величиной 2-го порядка), и наконец — на элементарные фонетические единицы, каковыми в яп. языке являются:

1) звукопредставления, или фонемы[3])

а) согласные,

б) гласные,

и 2) музыкально-акцентуационные представления (т. е. признаки, характеризующие каждый из слогов слова по моменту музыкальной ударяемости, или — что то же — по относительной высоте голосового тона)

Так как мы будем — в характеристике фонетических представлений яп. языка — следовать правилу „от крупных величин — к мелким, т. е. от единиц высшего порядка к элементарным фон. единицам", то нам придется посвятить первую главу „Фонетики" общей характеристике фон. представления слова в яп. языке, затем — в следующей (II-ой) главе — перейти к понятию слога (и характеристике возможных в яп. языке типов слогового состава), и наконец заняться элементарными фон. представлениями яп языка (описанием согласных и гласных фонем и явлений музыкального ударения)

Для отличения слова от части слова, с одной стороны, и от словосечения, с другой — существует общий для всех языков критерий, выражающийся в следующей синтаксической характеристике слов: слово есть потенциальный minimum фразы, т. е. тот комплекс (— сочетание звуков и, может быть, даже единый звук), который может быть употреблен — при

---

[1]) Тогда как элементарной единицей в сантаксисе явится слово, а единицей высшего порядка — фраза.

[2]) Слово в яп. языке состоит, обычно, из нескольких слогов, в редких случаях — из одного слога.

[3]) Т. е. представления отдельных звуков языка, напр. t, p, k, s (— согласные), a, ı, u, e, o (гласные фонемы).

тех или иных условиях коммуникации — в качестве целой фразы, но который в свою очередь уже не разложим на части, способные фигурировать в качестве целой фразы.

Эта потенциальная изолируемость с л о в а, т. е способность становиться (при известных условиях) фразой (отличающая его от ч а с т и с л о в а) и, с другой стороны, неразложимость слова на потенциально-изолируемые (т. е. способные стать фразой) части, — наиболее легко обнаруживаются в диалогической речи — при вопросе, переспросе, ответе, когда тот или другой из говорящих сплошь и рядом пользуются фразами из одного слова.

Конечно, критерий этот вовсе не исключает возможности переходных случаев между словом и словосочетанием как с другой стороны, и между частью слова и словом: к таким переходным случаям в русском языке относятся, в частности, некоторые предлоги, напр., б е з (Вам чаю с сахаром или без? — б е з). Такие переходные явления имеют место во всяком языке; иначе говоря, во всяком языке есть комплексы, которые иногда — в известных произносительных условиях — играют роль части слова, иногда же — в иных произносительных условиях — роль отдельного слова. Наличие их совершенно неизбежно, поскольку в истории всех языков постоянно происходят процессы постепенного преобразования словосочетаний в отдельные слова, а, следовательно, странна и неестественна была бы возможность в данном статическом состоянии языка констатировать лишь начальную и конечную стадию таких процессов.

Это обстоятельство нисколько не лишает указанный критерий значения основного признака в характеристике слова.

Вот почему при делении японской фразы на слова у нас нет никакой возможности считать за отдельные слова ни суффиксы склонения (так называемые „частицы“ или по японски т э н и о х а) вроде — ɲa, — wa, — ni, — de — ^{w}o и т. д. (потому что отдельно, вне соединения с предшествующей основой, эти морфемы не употребимы), ни основы, стоящие перед этими суффиксами (напр. hana — из состава комплексов hana — ɲa, hąna — wa, hana — ni, hana — de, hana — ^{w}o. и т. д.) — несмотря на то, что та же основа (hana). употребленная без суффикса, бесспорно является самостоятельным словом.

Но кроме этого общего (синтаксического) признака слова в каждом языке есть еще свои особые внешние, т. е. фонетические признаки, характеризующие слово, в отличие от части слова и словосочетания. К ним относятся: 1) признак акцентуационный, 2) признаки, состоящие в потенциальной характеристике начала или конца слова, или же, наоборот, середины слова[1]). Из них

[1]) Кроме того в каждом отдельном языке могут быть свои особые морфологические признаки единства данного комплекса в качестве единого сложного слова (Compositum) — в отличие от словосечения; напр., морфема о — е-в русском (в словах с а м - о - в а р, п а р - о - х о д, ч л е н - о - в р е д и т е л ь с т в о, п е с н - е - т в о р ч е с т в о и т. п. и чередования типа „Нигори“ (напр. t/-d и т. д.) в японском. И с другой стороны, само собой разумеется, что нельзя пользоваться — для определения единицы слова — критерием традиционной письменности (ибо, по общему правилу, письмо оказывается архаичнее языка и отражает факты, не соответствующие современному этапу языковой эволюции). Так, например, русское „так сказать“ в фразе „Это, так сказать, промежуточная ступень“ безусловно может рассматриваться:

наиболее единообразный характер в разных языках обнаруживает акцентуационный признак слова: так в японском Токиоском говоре слово, в общем, также, как и в русском, характеризуется наличием одного лишь ударения на одном из своих слогов — с двумя лишь оговорками, отличающими японскую акцентуацию от русской: разница, во первых, в том, что в японском (Токиоском) ударение носит преимущественно-музыкальный, а в русском экспираторный (силовой) характер; во-вторых, в том, что в японском языке возможны, так называемые, „безударные слова" (в Токиоском я их именую условным термином „дзэнхэй" 全平), но, с другой стороны, именно в Токиоском говоре эти „безударные слова" представляют, на самом деле, явление не столь специфически-отличное от акцентуационных фактов в русском и прочих европейских языках, ибо (в отличие от западно-японских говоров, напр. Киотоского, где безударные слова действительно вполне безударны) Токиоские „дзэнхэи" 全平 представляют собою, в сущности, особый тип слова, характеризуемый конечным (т. е. приходящимся на последний слог или последнюю мору слова) ударением Это конечное ударение (в отличие от не-конечных) носит однако, здесь факультативный характер, т е. в известных произносительных, условиях может осуществляться (в виде тоноповышения), а в иных произносительных условиях может отсутствовать [1]), в каковом случае слово, следовательно, и приобретает безударный характер [2]). Итак, если мы не будем принимать во внимание последней особенности (факультативного исчезновения конечного тоноповышения, которое не перестает, ведь, из-за таких факультативных случаев наличествовать в общем словарном представлении данного слова), то акцентуационный признак Токиоского слова, ввиде одного ударения на всем протяжении слова — составит полную аналогию соответствующему акцентуационному признаку в русском [3])

Наконец, как мы уже сказали, кроме акцентуационного признака в каждом языке могут быть свои законы относительно звуков, возможных в начале, в конце или же в середине слова; и этими законами, следовательно, опять-таки можно до известной степени руководствоваться для решения вопроса, является ли данный комплекс словом или же словосочетанием — в каждом отдельном случае В Токиоском, например, законом, нормирующим возможное начало слов, является недопустимость в начале слова согласного η, функции которого ограничиваются, следовательно, лишь позициями внутри слова Поэтому относительно суффикса именительного падежа — ηа вопрос решается, конечно, в том

как единое слово (в отличие от „так сказать" в фразе „он так сказать не мог") А в частице бы (был бы, стал бы и т. д) мы имеем уже вовсе даже не переходный случай, а вполне законченное превращение когда-то самостоятельного слова бы в морфему глагольного словоизменения.

[1]) Совершенно аналогичную факультативность конечного тоноповышения можно констатировать и в древне-греческом аттическом диалекте (где ударение также носило музыкальный характер).

[2]) Кроме того, к морфологическим особенностям „дзэнхэйных" именных основ относится то, что при присоединении суффикса это факультативное, конечное ударение (тоноповышение) переносится на суффикс (опять-таки в качестве факультативного)

[3]) Зато иначе будет обстоять дело в западно-японских и в южно-японских говорах. см. ниже „Акцентуация".

смысле, что это — не самостоятельное слово, а лишь часть слова (напр. в форме hana-ηa и суффикс — ηa и предшествующая ему основа hana—будут частями слова, а словом будет лишь вся форма hana-ηa) И наоборот, поскольку в данном Токиоском комплексе мы найдем внутри, а не в начале этого комплекса не-носовое g, мы будем иметь в данном комплексе не одно, а по крайней мере 2 слова[1])

В древности к таким же признакам относился принцип недопустимости слов с начальным r Но в настоящее время (в Токиоском, как и в большинстве прочих яп. говоров) он потерял всякое значение, так как обильное вхождение иностранных (китайских, главным образом) заимствований с начальным r или r′ (в соответствии звуку l в самом китайском языке) вполне приучило японское мышление считать r (и r′), наравне с большинством прочих согласных, допустимым в качестве первого звука слова[1]).

ГЛАВА II

СЛОГ.

В отличие от русского и большинства европейских языков, где слог может иметь весьма разнообразный состав (напр. ра, рак, ракс, ракст, тра, фтра, фтрак, фтракс, фтракст и т п) возможный состав слога в японском языке строго предопределен 1) законом о принципиальной допустимости только открытых, т е. оканчивающихся только на гласный (или дифтонг) слогов и о недопустимости 2 смежных согласных [благодаря чему, следовательно, в японском языковом мышлении принципиально невозможны такие представления слогов как рак, дар или, с другой стороны, тра, бда, и тем более таких, как трак, бдар]; 2) тем обстоятельством, что известные согласные допускают сочетание только с определенными (а не с любыми) гласными [напр. ф в Токиоском говоре может входить в слоговое сочетание только со следующим гласным у; сочетания же фа, фи, фэ, фо вовсе не встречаются и невозможны в современном (Токиоском) языке; наоборот, звукопредставление w („в" в русской тр ции) встречается только в слоге wa („ва") и перед гласным у невозможно; т невозможно перед у, и наоборот, ц встречается только в слоге цу и невозможно в сочетании с каким-либо другим гласным].

Отсюда вытекает, что число отдельных слоговых звукосочетаний, наличных в яп. языке, должно быть весьма ограниченным (по сравнению с перечнем возможных слогов, напр, в русском или польском языке); а так как члены малочисленной категории фонетических представлений, без

[1]) Единственными исключениями из этого правила служат 1) редупликации (удвоения) ономатопоэтических основ вроде guru-guru, gusu-gusu и т п. — где мы встречаем в начале второго повтора именно g не-носовое, 2) некоторые сложные числительные — в роде дзю-го „пятнадцать" и т п

[1]) На старом положении стоят в данном отношении лишь отдельные кюсюские говоры, (напр в Кумамото), где начальное r регулярно подменяется звуком d напр. dakuda, dampu вместо rakuda (верблюд), rampu (лампа) и т д Это значит, что представители данного говора просто не приобрели еще навыка произношения (т е. фонетического представления) слов с начальным r.

сомнения, легче поддаются учету языкового мышления, то общее представление слога, как такового, и представления отдельных слогов играют в японском языковом мышлении весьма значительную роль звук сознается не сам по себе (а согласный, в виде нормы, и произноситься не может сам по себе— в изоляции, т. е. без следующего за ним гласного), а как один из элементов строго определенного слогопредставления

Возможный состав слогов принципиально определяется следующей единой нормой „согласный (который может и отсутствовать), гласный (краткий, долгий, или составной, т. е. дифтонический)" В зависимости от характера второго (гласного) элемента, слоги распределяются в следующие категории:

I Краткие слоги формула (C) V[1]).

Примеры: а) с согласным: ka, sa, to, nu, re, и т. д.

б) без согласного a, e, o, i, (напр в nin) и (в nita)

Примечание: Сюда же нужно отнести редкий случай слога, состоящего из одного лишь слогообразующего (т. е гласного с точки зрения своей функции в слогообразовании) носового (для Токиоского говора единственным случаем такого слогообразующего явится n (т. е. n слоговое) перед следующим чисто-согласным n, — в таких, следовательно, словах, как nma, nmɔ, nmaku.

II Долгие слоги а) с долгим (однородным) гласным формула (C)V:

Примеры: to so re φu ki:
a e o u i:

б) с неоднородным ртовым гласным (т. е со ртовым дифтонгом) (C)V$_1$ и (C)V$_u$.

Примеры I. На слоги типа (C)V$_i$

kai (как русский слог кай или немецкий слог Kai в слове Kaiser)
toi (читай „той")
sui
ai, oi, ui.

II. На слоги типа (C)V$_u$:

kau (как в немецком звукосочетании Kau в слове Kaufmann)
tou
au, ou.

Примечание 1. Из дифтонгических сочетаний с неслоговым i (в качестве второго элемента дифтонга) приходится говорить лишь об ai, o и ui. Сочетание ei в Токиоском (в отличие от Тосаского) совпало с долгим e, поэтому, несмотря на написания в роде тэи, кэи, рэи, эи и т. д. в Токиоском произносится уже не дифтонг ei, а долгое e: (te, ke, e:) или точнее долгое ɜ:, факультативно сужающееся к концу (на подобие южно-английского [e^i] в day [de^i]. Во всяком случае, принципиального различения между долгим e: и дифтонгом ei в Токиоском не существует.

---

[1]) C — символ согласного (лат. consonans); скобки означают, что в ряде слогов согласный может отсутствовать V — символ гласного (лат. vocalis). Двоеточие означает долготу звука. Значок ◡ — не-слоговой характер гласного

Примечание 2. Из дифтонгов с ɯ (в качестве второго элемента) в Токиоском встречаются только aɯ и oɯ, и то только в тех случаях, когда морфологическая граница проходит внутри дифтонга, т. е когда ɯ является отдельной морфемой, напр., в ka-ɯ „покупает", to-ɯ „спрашивает" (здесь ɯ является морфемой Praesens'a — той же, что и в kak-ɯ, kir-ɯ; это чередование с ɯ в словообразующей позиции [в kak-ɯ, kir-ɯ и т. п] и сохраняет здесь (в ka-ɯ, to-ɯ) гласный ɯ от •стяжения aɯ — ɔo:, oɯ ⟶ o чему подверглись данные дифтонги в иных морфологических условиях

в) с носовым дифтонгом: с первым (слогообразующим) ртовым гласным и вторым (неслогообразующим) носовым (ŋ на конце слова и перед заднеязычным, m перед губным, перед переднеязычным согласным следующего слога); условимся обозначать всю совокупность вариантов этого носового общим символом N.

Примеры. taN [1]), koN, sɪN, seN, buN
aN, oN, ɪN, eN, ɯN.

В итоге, все разновидности слогов, с точки зрения различий второго (гласного) элемента, можно выразить в следующей таблице

I. Краткие слоги (C)ɪ, (C)e, (C)a, (C)o, (C)ɯ m [см. стр.].
II. Долгие: а) (C)V. именно: (C)ɪ: (C)e. (C)a: (C)o· (C)ɯ:
б) α) (C)Vɪ, „ (C)aɪ (C)oɪ (C)ɯɪ
β) (C)Vɯ, „ (C)a-ɯ (C)o-ɯ
в) (C)VN, „ (C)ɪN (C)eN (C)aN (C)oN (C)ɯN

Особых оговорок требуют 1) случаи слогов с долгими согласными (в atta = at : a, otta = ot : a, ɪkki = ɪk' . i, ɪtcɪ = ic : ɪ и т. д.).
2) случаи падения кратких узких гласных (ɯ ɪ) — напр. в has' (ɪ) 箸, — des, — mas, — mas'ta и т. д. (см. стр 164).

ГЛАВА III.

СОГЛАСНЫЕ

Принимая во внимание следующие моменты классификации (и взаимного противоположения парных согласных):

1) деление на краткие и долгие (геминанты или удвоенные согласные);

2) деление на „твердые" и „мягкие" согласные;

3) деление на глухие и звонкие;

4) деления по месту образования. на губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и гортанные. — мы можем расположить символы отдельных звукопредставлений Токиоской консонантической системы в нижеследующей таблице:

---

[1]) Т. е. это слогопредставление taN может произноситься в следующих видах: taŋ — (на конце слова) или taŋ — (перед k, ŋ), tan — (перед t, d, n и т п), tam — (перед p, b, m).

			Губные			Переднеязычные					Средне-язычные		Задне-язычные		Гортанные
Краткие	Тверд	Глухие	p		ɸ	t		c	s				k		h
		Звонкие	b	m	w	d	n	ʒ/-Z		ɾ			g	η	
	Мягк	Глухие	p′					c′	s′		ç		k′		
		Звонкие	b′	m′			n′	ʒ′/-Z′		r′	j		g′	η'	
Долгие	Тверд.	Глухие	p			t		c:	s.				k		
		Звонкие		[mm,-Nm]			[-Nn]							[N η]	
	Мягк.	Глухие	p′					c′·	s′				k′·		
		Звонкие		[Nm′]			[-Nn′]							[-Nη′]	

Отдельные согласные

p — глухой губно-губной смычный; может быть отожествлен с русским „п" [в словах п а р, п а п а, п о л] Встречается в сочетаниях с гласными a, u, o, e В сочетании же с i, т. е в слоге pi, произносится уже „мягкий" или палатализованный вариант — p′, как и в русском слоге *пи* [= p′i]. Так как, однако, это „смягчение" обязательно для всех согласных в положении перед i, мы позволяем себе писать здесь простое p, т е. pi вместо p′i

В статистическом отношении p (краткое) оказывается гораздо более редкой фонемой яп. языка, чем другие глухие смычные (— именно переднеязычный t и заднеязычный k), встречаясь, почти исключительно, лишь 1) в поздних заимствованиях — из романских (испанского и португальского) и германских (в частности английского) — напр. paη „хлеб" (из португальского), ю.-японск. s'apoη (вм Токиоск. s'aboη) „мыло", peη (из англ.) „перо" и т. п; 2) в ономатопоэтических (в том числе звукоподражательных) словах типа poŋ-poŋ, paŋpaη и т. п В китайских же заимствованиях за исключением самых позднейших — в роде pe : goη, p'a goη, о котором см. ниже (подстр. примеч на стр. 151), p краткое встречается исключительно в положении после предшествующего носового N = m (напр sampo 參 步) и состоит, таким образом, в чередовании с h [1]) (ср sampo 參 步 и ho 步)

Такое исключительное ограничение функций фонемы p оказывается, однако, характерным лишь для последнего периода истории японского языка (и именно с XIV — XV, приблизительно, столетий) в древнем же яп. языкѣ — включая эпохи массовых кит. литературных заимствований Го-он'а и Кан-он'а — звук p имел вполне нормальные функции, встречаясь, в общем, не реже, чем другие глухие смычные (*t, k) именно, звук p следует, согласно древне-япон-

[1]) А также, как мы увидим ниже, и с p: долгим (pp), и с b — см. стр.

скому произношению, читать (на месте современных звуков h, ç(i), φ(u)) в следующих знаках японской слоговой азбуки ха = *ра, хи = *pi, фу = ри, хэ = *ре, хо = *ро (—в современном произношении: ha, çi, φu, he, ho). Об'ясняется это исчезновение звука *р (в современном произношении) следующим историко-фонетическим изменением древнее *р стало произноситься сначала с ослаблением, а потом и с утратой губно-губной смычки [1]), что означало, следовательно, превращение этого звука (из губно-губного (мычного) в губно-губной спирант φ — т е. в звук того же, в общем, типа, что φ в современном произношении слога фу = φu; таким образом *ра изменилось в *φа, *pi — в *φi, *ри - в *φu, *ре — в *φе, *ро — в *φо Само собой разумеется, что этому переходу *р— *φ подверглись и те случаи звука *р, которые имели место в китайских заимствованиях (уже ранее вошедших в японский язык). Но указанной спирантизацией *р—→φ процесс падения губных работ в яп. языке не ограничился; в Токиоском, как и в большинстве японских говоров, звук *φ, в большинстве позиций, утратил и губно-губное сближение — осталось, следовательно, одно лишь дыхание (h), т. е совершился переход *φ←—h (перед всеми гласными кроме u; в сочетании φu спирант φ уцелел в Токиоском и до настоящего времени). Таким образом, начальное *ра—→*φа—→ha, *ре—→*φе—→he, *ро—→*φо—→ho, и наконец *pi—→*φi—→*çi, где вместо ожидаемого нами h мы встречаем среднеязычный спирант ç — под влиянием следующего гласного i. Внутри же слов имели место другие изменения: или озвончение *φ (из * р) — перед гласным а (—т е. *Ира—→*Uφа—→*Uwa), или же замена его нулем согласного звукопредставления — перед прочими гласными (напр *кар-u—→*каφ-u—→ка-u 買 фу).

Несмотря на спонтанеический (кроме положения после носового т. е. mp) характер изменения *р—→φ, японской языковой системе не суждено, однако, было — в дальнейшей истории языка — вовсе остаться без звукопредставления р Именно, в ряде случаев в язык вошли новые случаи р (краткого) Они имели место, во-первых, в относящихся к данной эпохе (т. е к эпохе после *р—→φ) заимствованиях — из романских, а затем из германских языков [1]). Кроме того, так как звуковой состав ономатопоэтических слов

---

[1]) Эта спирантизация звука *р (т. е. переход *р→φ), как и последующие видоизменения φ—→h, φ(i)—→ç(i) и т. п., совершалась, однако, неодновременно и не с одинаковой скоростью в различных диалектах: медленнее этот процесс шел на периферии японо-рюкюской территории: в северо-восточных яп. говорах, с одной стороны, и в рюкюсском языке—с другой (и там, и там мы еще встречаем, напр., сочетание φа вм. Токиосского ha); в некоторых же отдельных рюкюсских говорах (обследованных Wirth'ом и професором Н. А. Невским) доныне уцелевает старое р

[1]) В единичных случаях новое р мы находим и в китайских заимствованиях — самого позднего происхождения (т. е самой поздней или 5-ой по счету категории кит. заимствований), каково, напр, диалектическое заимствование кит. мандаринского р bai-luη 白 龍 „белый дракон“ в кюсюские (нагасакские) говоры ввиде ре : ro$\bar{\eta}$ (варьяции p'a : roη, k^{w}'a : roη/ k^{w}'a : doη). Громадное же большинство китайских заимствований, в том числе Го-он'ные и Кан-он'ные проникли в яп язык еще до начала процесса *р—→φ, и потому имевшиеся в них звуки *р (из кит. *р, *p^{c}, *f, а в Кан-он'е также из кит. р←—*b,

имеет несколько иные предпосылки историко-фонетической эволюции, чем те же фонемы (звукопредставления) в составе нормальных ингредиентов словаря, то звуки р, имевшие место в ономатопоэтиках — напр. рогирогі, рапраη [1] и т. п. — в большинстве случаев были сохранены или подновлены, несмотря на действие закона *р—→ɸ, и пережили, таким образом эпоху, в которую этот закон действовал. В итоге (в связи, кроме того, еще с сохранением р в таких случаях как 參 步 sampo, и с сохранностью долгого р = рр, о чем см. ниже стр. 154) в яп языке оказалось известное число новых или уцелевших случаев звука (краткого) р, они не могли уже, однако, обозначаться знаками ха хи фу хэ хо, так как эти последние получили уже новые звуковые значения. ɸа—→ha/-wa, ɸі—→çі/-i, ɸи/-ɯ, ɸе- →he/e, ɸо—→ho/-ʷo. Потому-то для обозначения в эту новую эпоху истории яп языка и введен был диакритический значек ◌゚ (ха゚ хи゚ фу゚ хэ゚ хо゚ — han-nigori 半濁 или han-dokuon 半濁音) В отличие от знака „нигори" (゛), обозначавшего звонкую разновидность согласного, значек ◌゚ является, таким образом, весьма поздним дополнением к яп. силлабической графике, что становится вполне понятным, так как до реализации процесса *р—→ɸ в этом значке не было никакой надобности (буквы каны, читающиеся ныне ха, хи, фу, хэ, хо, читались в ту эпоху как па, пи, пу, пэ, по).

р′, т. е. р „мягкое" или палатализованное — как русское *пь* (=р′). Встречается в следующих слоговых звукосочетаниях

1) В зависимой позиции: в сочетании с гласным і (положение перед которым обязательно требует „мягкости" согласного, в этом и состоит зависимый характер данной позиции для „мягких" согласных), т е в слоге р′і, который в фонетической транскрипции будет обозначаться нами просто через рі (— именно потому, что перед і согласный обязательно смягчается, а следовательно — в данном, т е японском языке, — не может встретиться другого сочетания „твердого" р+і). [Сравни русское [р′і] = *пи*]

2) В независимой позиции (т е. в сочетании с такими согласными, перед которыми может быть произносимым и другой,—„твердый" вариант р) именно в слогах с гласными а, о, и (краткими, или, чаще, долгими).

Т. е. р′а [читай как рус. *пя* (напр. в *пять*)]
р′о [читай как рус. *пё* (напр. в *пётр*)]
р′и [читай как рус. *пю* (напр. в *пюре*)]

Различие от русского распределения р′ (как и всякого рода парных „мягких" вообще) состоит, следовательно, лишь в следующем·

---

f←—*v) подверглись названному процессу наравне с *р в чисто японских словах: напр 八 („8") кит. *pat—→Го-он *ʳpaᵢtᵢ—→*ʳɸaᵢtᵢ—→ʳhaᵢtʲiˀ—→ток. haʳcʲiˀ, и т. п.

[1]) В нагасакских говорах эта ономатопоэтика [—рапраη, употребляемая когда говорят про сильный свет солнца] имеет дублет kʷaηkʷaη; значит и в этого рода случае — т. е в ономатопоэтической основе — звук р, как звук с весьма ограниченными лексическими функциями, заменяется ближайшим к нему относительно более частым звуком kʷ (в токиоском это, разумеется, невозможно, ввиду отсутствия звука kʷ). Заметим, кроме того, что в известных ономатопоэтиках мы найдем и случаи h (и ç) — вместо ожидаемого нами „восстановления р" — напр hono-hono (про красный цвет), çoko-çoko и др.

1) Отсутствуют случаи p′ (и прочих „мягких“ [1])) вне сочетания с последующим гласным, как в русском *рупь* [rup′], *прорубь* [prorup′] и т. д. (что вытекает из принципа „открытых“ слогов в японском языке)

2) Отсутствуют сочетания „мягкий“ парный — e (русск *пе* [p′e] в *петь* и т. д.), так как в японском [2]) перед e возможен лишь твердый вариант парных согласных: pe (но не p′e) se (но не s′e) и т. д. (О губных и заднеязычных некоторая оговорка [3]) см. ниже стр).

3) „Парным“ сочетанием к слогу pi (=p′i) является в яп. языке не *пы*, как в русском, а pu.

В статистическом отношении к звуку p′ (краткому) применимо все, сказанное выше относительно p Старое *p в положении перед i (т е в хи) и p*′ в независимой позиции (перед a, o, u), имевшее место в кит заимствованиях (напр в 广p′o ηo ⟶ço . ηo, — назв. префектуры) отразилось в современном языке (Токиоском говоре) ввиде среднеязычного глухого спиранта ç напр. 「çi」—*pi „огонь“, 「çi」— *pi „солнце, день“, ço : ηo = Хего — назв префектуры Исключением являлась лишь позиция после носового N = m (в чередовании с позицией в начале слова), где p′ (как и p) могло уцелевать сравним. напр, дублетное чтение сочетания знаков 企 予 ввиде zemp′o вместо zeη-ço· [ço — чтение 予 в изоляции], или же — по Кан-он'у — zempe. zeη-he [he: — чтение 予 в изоляции]; ср. сохранение p твердого в sampo 参 歩 [ho — 歩 в изоляции] и в тому подобных комбинациях.

Однако, так как „мягкие“ парные согласные (особенно, если мы будем иметь ввиду лишь случаи независимой их позиции — не перед i), встречаются в японском словаре значительно реже, чем соответствующие им „твердые“, то p′ (краткое) оказывается еще более редким звукопредставлением, чем даже p „твердое“ (краткое), а потому может считаться *наиболее редкой* фонемой японского консонантизма [4]).

---

[1]) Относительно s′, впрочем, нужна оговорка, см. ниже стр .

[2]) Токиоском, в отличие от Нагасакского и других кюсюкских.

[3]) Правда, нужно заметить, что сочетания „губной + e“ (т. е. pe, be, me) как с другой стороны и сочетания „заднеязычный + e“ (т. е. ke, ge, ηe), включают в себя согласный, который не совсем напоминает „твердый“ согласный русских слов *пэр, мэр, Бэла* — в их корректном интеллигентском произношении (как и в сочетаниях ke, ge, ηe произносится не такой твердый согласный, как в ka, go, ηo, а скорее приближающийся (по языковому укладу) к „полусмягченному“ k в русском этому); иначе говоря, японское pe (как и be, me) занимает среднее положение между русскими *пе* и *пэ*.

[4]) Подтверждением этой исключительной редкости p′ (краткого) в независимой позиции может служить, между прочим, и следующее звукоизменение в некоторых нагасакских говорах слово p′a . ro「η」 (имеющее в других говорах форму pe ro「η」), которое нами выше было раз'яснено как заимствованное из кит. 白 鹅, превращается в части данных говоров в k^{w}′a · ro′η (или k^{u}′a do「η」), т. е. p′ заменяется палатализованной варьяцией лабиализованного заднеязычного k, — k^{u}′ [или k^{u} в МФА]. Метаморфоза эта становится понятной только при условии исключительной редкости фонемы p′ (по сравнению с которой даже фонема k^{u}′ = k^{u} оказывается более нормальной в статистическом отношении) Ср „Факторы в фонетической эволюции языка как трудового процесса“ в Уч. Записках Ин-та Яз и Л-ры Ран-ион'а 1929, № 3, подстр. прим. на стр.

Подобно чередованию -р (после N = m) с h [или ɸ(u)] и b, для звука p (в m-p') подыскивается чередование с ç и b'

pp или p долгое (удвоенное или геминированное) сходно с русским *mm* (или „*бп*“ в слове *о'бпом*) По своему происхождению p долгое оказывается (наравне с прочими долгими глухими согласными) более древним звуком, чем звонкая фонема b (и прочие парные звонкие яп. языка), но в самую древнюю из реконструируемых нами эпох языковой истории— в начальном состоянии и до японской эпохи — оно, тем не менее, вероятно, отсутствовало, образовавшись впоследствии из сужения таких редупликационных комплексов, как, напр, jappa-ri из *japa-japa-ri или ma-ppira из *ma-pira-pira (respect. ma-ppadaka и т. п.).

эпоху кит. заимствований сюда присоединился еще ряд случаев pp в таких комплексах как ippoη — 北 вм *it-poη и т п В отличие от древнего *p краткого (изменившегося в *ɸ и далее в h, ç, w, нуль) pp или p: долгое сохранило свой смычный характер (что об'ясняется, конечно, относительной исторической устойчивостью, присущей всем долгим согласным по сравнению с краткими), т. е. уцелело в старых своих позициях вплоть до нашего времени В итоге оказывается, что в чисто японских словах и в китайских заимствованиях p является относительно более частым звуком, чем p, и чередуется — по общему типу чередований долгого и краткого согласных — уже не с p, но с его рефлексом h или ɸ(u), ç(i) - напр, jappari/jahari (в jappari p· = pp сохранилось, а в дублетной форме с кратким ·p [*japari] это последнее перешло в ɸ, а затем в h), mappadaka/hadaka [из *padaka], ippoη/hoη (и samboη, о чем см. ниже).

p': (изображаемое через pp' в нашей обычной транскрипции, а перед i, т. е зависимой позиции — просто через pp) — долгий или удвоенный „мягкий“ (палатализованный) p', соответствует русскому *mm*ь (p') в слове в т р у п п е [ftrup' e]. Встречается в тех же позициях, что и p' краткое. Точно также, как и p· (долгое) „твердое“ более част в японском языке, чем p' (краткое), и состоит в чередованиях с ç (т. е. рефлексом *p'), напр. mappira/çira (из ma-pira/*pira), ippiki/çiki (и sambiki — см ниже).

b. Соответствующий звонкий к звуку p не может считаться сходным с русским б [b] в б а б а, б о л ь и т. д

В отличие от *p древнее b (бывшее, очевидно, полуносовым, т. е. звуком типа mb, в обще-японскую эпоху) не подлежало переходу в спирант (вероятно, именно ввиду своего дифтонгического состава, — в связи с происхождением обще-японского *b = mb из комбинации д в у х согласных· *mp) и сохранилось до настоящего времени[1])

Этим об'ясняется·

1) то обстоятельство, что b значительно чаще фигурирует в составе японского словаря (и в исконно японских словах и в китайских заимствова-

---

[1]) Если не считать факультативного (и неосознанного чередования b/w в некоторых из „западных“ говоров — в Тоса и Хего, где напр., вместо a'bu abû (в Токио 'abu) может произноситься a'wu, awû, вместо abara — awara („ребро“) и т. д.

ниях [1]), чем p (несмотря на то, что все прочие парные звонкие (напр d, z, g и т д) встречаются в исконно-японских словах значительно реже, чем соответствующие глухие (t, c, k и т. д)

2) Чередование b/h (или b/ɸ, b/ç), играющее в морфологическом отношении ту же роль, что и чередования звонкого и глухого в других типах парных согласных [2]) (напр d/t, z/c и т. д) напр muśi-ba/ha 虫 齒 и 齒 akabane-hane 赤 羽 и 羽, ko-buki/ɸuki 小 吹 и 吹 сравни второй тип чередований· h/pp/b в китайских словах hoŋ/ippoŋ/somboŋ 本, — 本 (*it-poN) и 三本 (samboŋ) и т д.

b' — сходно с русским „мягким“ *бь* [b'] в словах б е л ы й, б и т ь, б я к а; встречается в слогах bi = b'i (би), b'a (бя), b'o (бе), b'u (бю), т е. перед гласными i, a, o, u

Д о л г и е (или у д в о е н н ы е) bb, b'b в японском языке не встречаются (как и д о л г и е з в о н к и е согласные вообще) Исключение представляют голько некоторые южно-кюсюские говоры (Кумамото, Сацума) напр. Кумамото'ская форма kobba — эквивалент токиоск. kore-ʳo (винит. падеж от kore „он, оно, это“); она восходит к kor'ba←kore-ba (суффиксом винит. падежа в кюсюских говорах служит — ba).

ɸ Звук типа „ф'', существенно отличающийся, однако, как от русского губно зубного „ф“ [f], так и от того губно-губного „ф“ [ɸ] которое мы произносим, чтобы потушить дыханием свечу (т. е „фукаем'). При японском звуке работает обычно одна только нижняя губа, которая, приподнимаясь (но без выпячивания вперед) немного выше края нижних передних зубов, оказывается таким образом, внешним (выходным) краем ртового резонатора (сравн. аналогичную губную работу при японском w и при гласном u),

В токиоском ɸ встречается только перед гласными u (и в случае падения последнего, перед следующим согласным — напр., в ɸ(u) ta-cu „2ª) [1]) В историческом отношении ɸ (как и h в слогах ha, he, ho или ç в слоге çi) восходит к обще-японскому *p (краткому)

Этим и об'ясняется то, что японские буквы для современных (токиоских) слогов ha, çi, ɸu, he, ho составляют ряд, параллельный ba, bi, bu, be, bo. Они читались в эпоху изобретения каны, как pa, pi, pu, pe, po, и лишь по мере эволюции звука *p (в звуки ɸ, h, ç) изменили соответствующим образом свое звуковое значение.

В южных и, с другой стороны, в северо-восточных говорах ɸ встречается и перед другими гласными (кроме u)· ср. напр., в нагасакском говоре дер Мие śe : ɸi: — Dat-Locat, от se fu (в Токио se.fu 政 府), в рюкюском ɸi: „огонь“, в Акита ɸa^{k}go—эквив. токиоского hako 箱 „ящик“. В Аомори же вместо ɸ встречается губно-зубной вариант — f (сходный, следовательно, с русским *ф*).

---

[1]) В последних японское b соответствует китайскому *b и *v в Го-он'е и китайскому *m, v [напр в 文 — buŋ] в Кан-он'е.

[2]) Условимся называть подобные чередования (служащие, как мы увидим ниже, морфологическим средством обозначения единства слова из двух лексических морфем, т е. признаком Compositi), пользуясь японским термином, ч е р е д о в а н и я м и типа „нигори“

[1]) Сравн. приводившийся мною (в „Психофонетических наблюдениях над яп. диалектами“ I) пример из нагасакского говора. ɸu-ɸucu-śeŋ „Франко-прусская война“, это слово фактически произносится как „ффцсен“.

W — по качеству является соответствующим звонким к японскому ɸ (а следовательно, сильно отличается от английского w, обладающего сильной губной работой); но встречается совершенно в иных позициях (по сравнению с яп. ɸ). Именно, в токиоском говоре w, как отдельное звукопредставление, мыслится лишь в сочетании со следующим a (напр. в wara, nawa, iwa).

Совершенно иначе следует смотреть на слабые и принципиально неосознанные призвуки (Gleitlaut'ы) типа w (^{w} — в моем обозначении), которые имеют место перед всяким гласным o, начинающим собою слог, но стоящим после гласного (или дифтонга) предшествующего слога, (того же слова), т. е. в комбинациях ao=a^{w}o, io=i^{w}o, uo=u^{w}o, eo=e^{w}o, oo=o^{w}o (если только это oo не стягивается в единое долгое o·). Например, ka^{w}o „лицо“; śi^{w}o „соль“, kasu^{w}o назв. рыбы и винительные падежи hana^{w}o, dare^{w}o и т. д. В Тоса, однако, этот Gleitlaut ^{w} (как и Gleitlaut ^{j} перед e; см. ниже) отсутствует.

В историческом отношении этот Gleitlaut^{w} может рассматриваться, как пережиток сочетаний *apo, *ipo *upo и т. д., совпавших после перехода интервокального *p в ɸ → w с исконными *awo, *iwo, *uwo и утративших, наконец, согласное звукопредставление (— фонему w), взамен чего физический элемент ^{w} стал уже обязательным (спонтанеическим) спутником всякой комбинации типа a + o, i + o, u + o и т. д.

В древности, однако, w имело гораздо более широкое распространение, встречаясь и перед прочими гласными; на это указывает уже и состав каны, имеющей особые буквы для слогов *wi (из которого в стандартном языке — i, в северо-восточных же ^{i}wi → e →i) [2]), *we (ср. напр., орфографию Го-он'а для 會 или 繪 э, т. е. *we), *wo (напр., в суффиксе Accusativi во).

Ни мягкого, ни долгого вариантов согласный w (как и ɸ) в стандартном языке не имеет (в нагасакских же говорах встречается, наоборот, w' — например, naw'a. — Dat.-Loc от nawa 繩)

m и m' [последнее в слогах m'a, m'o(:) m'u(·)] сходны с русскими *м* и *мь* (последнее в *ми, мя, мѣ, ме, мю*).

Долгое mm (= m:), имевшее в обще-японском состоянии языка наряду с долгими pp, tt, kk, ss (и nn) — напр, в ma-mmaru-, *mma 馬, ^{i}mme 梅 — с точки зрения современного звукового мышления разлагается на элементы N + m (— в начале слова: в mma, mme и т. п.) или N + m (внутри слова). В древнем же языке (до появления представлений N и ^{i}M) долгое mm (как и nn — напр. в ma-nnaka) было, повидимому, таким же нормальным долгим вариантом согласного, как и kk, tt, pp, ss.

Из вышеприведенной характеристики губных согласных (pp' pp p'p' bb' ɸ w m m'), — в частности из их позиционных условий, видно, что в современном языке эта категория утилизуется значительно слабее, чем в древности

---

[1]) При чем в интервокальной позиции (напр. в awa, iwa, ewa и т. д.) w может восходить и к исконному *w и к *p; ср. awa „пена“ и awa „просто“ (орфография каны указывает на разные источники w в этих словах).

[2]) Тогда как исконное *i (без *w) дает в этих говорах особый (апикальный) гласный ^{z}i. Конвергенция (совпадение) *wi с *e [в данном сев.-восточном их рефлексе — i] находит, нам кажется, мотивировку в том обстоятельстве, что дифтонг *oi также стянулся в *e, откуда современное сев.-восточное i.

(в обще-японском состоянии); при этом и сама губная артикуляция — по крайней мере у звуков ɸ и w (как и у гласного u) оказывается значительно ослабленной по сравнению с характером губных работ в древне-японской звуковой системе Наиболее сильно проведен процесс сокращения (и ослабления) губных работ в говорах центральной Японии и, главным образом, в говоре Тоса[1]); на периферии же японской территории — в южных (Рюкю, Кюсю) и, с другой стороны, в северо-восточных говорах — мы находим, наоборот, ряд случаев частичной сохранности губных работ — в тех позициях, где они уже утрачены в центральных говорах (и особенно в Тоса) Сюда относится, между прочим, и наличие категории заднеязычных лабиализованных, т. е k^w g^w, которые появились на японской почве в результате китайского словарного влияния (напр, кит. kua, xua —> яп. k^wa, кит. *ɣuai — > яп g^wai и т. д В большинстве центральных говоров эти k^w g^w (и $ɣ^w$) уже успели утратить губную работу, совпав, таким образом, с обыкновенными k g (и ɣ), напр., k^wasi 菜子 —> токиоск. kasi, g^wai — токиоск gai

В южных же и северовосточных эти звуки живут до сих пор, проникая изредка и в чисто-японские (по происхождению) слова, а в некоторых единичных говорах даже развив палатализованные свои варианты (т е $k^{w'}$, $g^{w'}$), — в говоре дер Мие Нагасакской префектуры. напр Дательный-Местный падеж от k^wa „мотыка“ здесь звучит $k^{w'}$a (читай квя) — по аналогии к ханя от хана („нос“), ямя от яма („гора“, диалектич. „лес“) и т. д

ПЕРЕДНЕЯЗЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ.

t и соответствующий звонкий d — как русские *т, д* в *том, дам*. Имеются в сочетаниях ta, te, to, da, de, do, т е перед всеми гласными кроме i, u. В положении перед i они замещаются через ć и s/ź, в положении перед u — через c и z/z Это об'ясняется историко-фонетическим изменением слогов *ti, *di в t'i, d'i и далее в ći, śi (при чем последнее, благодаря совпадению с *zi, может быть произносимо также в виде zi, что наблюдается обыкновенно внутри слова после гласного) и слогов *tu, *du в cu, zu (последнее, в свою очередь, благодаря совпадению с *zu, может быть произносимо — обыкновенно после гласного — в виде zu)

Долгое tt (как в русском *оттого*) встречается перед теми же гласными (a, e, o), например atta, otte, sutto. Долгое dd = d., разумеется, отсутствует (как и прочие долгие звонкие согласные, ср выше о звуке bb = b) Исключение представляют говоры Кумамото и Сацума напр, Кумамото kodde ← kor'de — экв ток ko-re-dę (Instrum от ko-re), Сацума saddoɣ ← saru-dono 猿 殿

c = ts, т е. аффриката типа „Ц“. Встречается только в сочетании cu (из *tu). В Тоса фонема c отсутствует, т. е уцелело старое tu напр Тоса

[1]) Который, однако, в прочих отношениях (точнее по совокупности своих историко-фонетических особенностей) оказывается, наоборот, наиболее архаичным из живых яп говоров, — своего рода „санскритом японской диалектологии“ Данный историко-фонетический процесс (сокращение губных работ) заслуживает, следовательно, особой мотивировки — в отличие от прочих фонетических новшеств яп языка (подробнее об этом — во „Введении в языкознание для востоковедных ВУЗ'ов“)

tu^{r}ru$_{t}$ — // киот. cu^{r}ru // Тек. 'cu^{r}ru 鶴 „журавль". Соответствующий мягкий — ć = t'ś, т. е. сложный звук, весьма близкий к русскому *ть* (которое, с об'ективной точки зрения, тоже ведь носит аффрикатный характер, — t'^{s}), но еще более сходный с соответствующим польским звуком (ć). Встречается как в слоге ći (из *ti), так и в независимой позиции — в ća, ćo(:), ću(:).

В говоре Тоса токиоскому ć соответствует t', вполне сходное с русским звуком (*ть*).

Долгое c: = tts или t:s (как в русском *отцу*), также имеется только перед u, например, в itcu:.

Долгое ć: = t't'ś или t':ś (ибо удлиняется смычный [t'], а не спирантный элемент [ś] аффрикаты) изображается в Ромадзи через tchi, в нашей же русской транскрипции — *ттш*, напр., itći (= it't'śi = it':śi) — *иттши* (весьма сходное с русским произношением слова *иттши*).

Соответствующий звонкий к звуку C („Ц"), т. е. звонкая аффриката Ʒ = dz встречается (в отличие от C) не только перед гласным u, но и перед другими гласными кроме i (в положении перед i она заменяется соответствующей мягкой аффрикатой — ź = d'ź), т. е. имеется в слогах za, zи, ze, zo (— *дзи, дзу, дзэ, дзо* в нашей транскрипции).

Специфическим свойствам этой фонемы (как и соответствующей ей мягкой — ź) является способность факультативно утрачивать свой первый смычный элемент (— d), т. е. превращаться в простой спирант z (— русск. з); таким образом, для японского звукового мышления не существует принципиального различия между c (d͡z и z: в одном и том же слове (и одним и тем же лицом) может быть один раз произнесено з (dz), в другой раз — z. При этом аффрикатный дублет (т. е. полное осуществление данной фонемы — в виде d͡z) присуще бывает обычно позициям в начале слова (напр. в zaśiki) и после носового (т. е. после N = n, напр. в banzai). Вот почему, повторяя русское слово, „зубы" японец (токиосец, киотосец и т. д, но не тосасец) произносит обычно „*дзубы*". Внутри слова между гласными, наоборот, обыкновенно произносится только спирант — z (т. е. смычный элемент d опускается): напр., kaze = kaze, izeγ = izeγ, фамилия 伊澤 isawa = izawa и т. д.

Имея в виду эту особенность данной фонемы (т. е. камбинаторно-факультативное чередование ее вариантов: d͡z и z), мы обозначаем ее (в случае надобности) через „з/z" или „d͡z/-z".

Соответствующая мягкая фонема — з', также чередующаяся в тех же комбинаторных условиях со спирантом ź (и обозначаемая нами поэтому сложным символом „з'/ź" или „dź/-ź") встречается и в слоге з'i (т. е. з'i/-źi), и в независимой позиции — в слогах з'a, з'u(;), з'o(:) [после гласного — źa, źu(:), źo(:)]. В нашей транскрипции эти слоги обозначаются, следовательно, так: *дзи, дзя, дзю, дзе*. (В ромадзи — ji, ja, ju, jo).

Примеры: з'i 字 (←кит. *зï)

азі aźi = „вкус" и „назв. рыбы".

з'u: 十 (кит. *zip⟶яп. *zipu⟶*zi(φ)u⟶z'u:⟶ток. з'u:).

Долгие з, з', разумеется, отсутствуют.

Примечание. Указанная особенность (комбинаторно-факультативная аберрация фонем з и з' ввиде „dz/z" и „d'ź-/ź") исторически об'яс-

няется совпадением (конвергенцией) слогопредставлений *du и *dı с слогами *zu и *zı. Благодаря тому, что в *du со временем (благодаря соседству со следующим гласным u, принявшим в этой позиции апикальный характер) образовался призвук ᶻ, т. е. *du→*dᶻu; это звукосочетание стало близко походить к слогу zu, и в конце концов эта пара слогов в большинстве говоров совпала на месте того и другого слога стало мыслиться одно и то же слогопредставление (zu, т. е. dzu), но ввиду своего гибридного происхождения (частью от dᶻu и частью от zu) оно могло быть произносимо и ввиде d͡zu и в виде zu; в тех позициях, которые наиболее благоприятствовали утрате смычного элемента (d), т. е. в положении между гласными, естественно поэтому стало преобладать произношение zu (хотя бы данное слово в древнем языке и имело здесь du, а не *zu: ведь о древнем распределении слогов *du и *zu новое поколение уже не имело никакого представления, поскольку произошло смешение *d [т. е. *dᶻ] и *z в единое звукопредставление). Однако после того как *z в слоге *zu было уже отожествлено со звуком *dᶻ в слоге *dᶻu (из *du), это отожествление должно было распространиться и на все случаи древней фонемы *z, т. е. проникнуть и в слоги *za, *ze, *zo, которые, таким образом, тоже стали произноситься двояко или в виде za, ze, zo (главным образом в начале слов или после носового n) или в виде za, ze, zo (обычно между гласными)

В говоре же Тоса, где указанного смешения (слогов *du и *zu) не произошло, до сих пор принципиально различаются два рода слогов: da, du, de, do и za, zu, ze, zo При этом, однако, слог du (в Тоса) уже достиг той степени, которая (в истории других говоров) предшествовала указанному смешению и была его основной причиной: Тосаское du может произноситься (факультативно) в виде dᶻu (но строго различается, однако, от тосаск. zu, последнее же уже никоим образом не может быть произнесено ввиде dᶻu)

Аналогичный процесс смешения (конвергенции) фонем имел место в токиоском и в большинстве говоров) и в слогах с соответствующими мягкими согласными, т. е. в слогах.

*dʹı (ди), *дя, *дю, *де и
*zʹı (зи), *зя, *зю, зе.

В Токиоском и в большинстве прочих говоров они совпали в слогопредставлениях sʹı/-źı, sʹa/-źa, sʹu/-źu, sʹo/-źo (где, следовательно, в начале слов и после носового произносится мягкая аффриката — в роде русского *дь*), но в Тоса они до ныне различаются, произносясь как русские слоги.

1) ди, дя, дю, де
2) зи, зя, зю, зе

s — как русское с в словах *соль, сад*. Встречается перед всеми гласными кроме ı (в положении перед ı согласный s заменяется соответствующим „мягким", т. е. — ś).

Примечание. В Тосаском говоре s (как и z) носит несколько отличный характер, приближаясь до известной степени к качеству

английского *th* в *thin*, т. е. глухого *th* (а тосаское z — к английскому звонкому *th* в словах *thou*, *there*)

s, т е соответствующий мягкий к звуку s, имеющийся в слоге śi [в Romaji *shi*, в рус. транскрипции *си*] и — в независимой позиции — в слогах śa, su, śo [в Romaji *sha*, *shu*, *sho*, в рус. транскрипции *ся*, *сю*, *сё*], по качеству напоминает русское *сь* (напр в *синий*, *сядь*, *сюда*, *сёла*), но содержит и известный оттенок „м я г к о г о ш", вполне приближаясь, следовательно, к польскому звуку (напр. в слоге sie) В Romaji японское s передается через sh, что дало повод некоторым русским авторам употреблять для него букву *ш* (шогун или шиогун вм. сёгун); прием этот совершенно противоречит, однако, характеристике яп. звука: русское ш — „твердый" звук, не имеющий (в рус. языке) соответствующего „мягкого" [т. е „твердый не-парный"], а яп. s принципиально характеризуется как „мягкий" согласный („мягкий" вариант звука s)

И s, и s бывают долгими (— разумеется, только внутри слова), напр иссай, дзасси, иссё.

Примечание В нагасакских говорах ś (а не s) произносится и перед гласным e· напр. нагасакск. sembi[1]) // токиоск. sen̄i 銭 [сравн - в качестве параллельного этому явление и нагасакское je вместо e в начале слов: таким образом нагасакское ʻje „картина" (вм. e‹ . *we‹ . кит *ɦwai) является полным гомонимом к ʻje „дом" (вм. ток ʻe из *ipe)].

r в японском—переднеязычное недрожащее[1]) и мгновенное[2]). Таков же и его „мягкий" (палатализованный) вариант — r′ (в слогах ри, ря, рё, рю = Romaji ri rya, ryo, ryu)

Дрожащее и длительное (долгое) r встречается (в токиоском, например) лишь в виде исключения — в случаях эмфатического произношения, напр в ругательствах (ber abo и т. п.); но это произношение оценивается японцами как вульгаризм (сравн. об этом у Edwards'a, Etude). N и его палатализованный („мягкий") вариант — n′ (в слогах ни, ня, не, ню = в Romaji ni nya, nyo nyu) могут быть отожествлены с русскими звуками *н* и *нь* (последний, напр, в н и в а, н я н я, н е с, Н ю р а).

Примечание. Отличный характер носит Т о с а с к о е мягкое *нь*· это уже не переднеязычный палатализованный, а среднеязычный (или палатальный) носовой, сходный, следовательно, с французским gn (в agneau, vigne) и сербским њ.

Долгие nn n′n′ (напр. в annai, śinn′u = śin′n′u·) разложимы на два принципиально различные звукопредставления N, т е гласный носовой на конце дифтонга, + согласное n или n′

---

[1]) В говоре дер. Мие с долгим i: — согласно характерному для этого говора закону количественной симметрии обоих слогов в двусложных слогах: если первый слог долог, то наблюдается тенденция и к удлинению второго (и наоборот)

[1]) Этим оно отличается от русского (нормального, т е. некартавого) р, которое является переднеязычным д р о ж а щ и м.

[2]) Этим оно отличается от ю-английского r, которое тоже, как и японский звук, является недрожащим, но не мгновенным, а длительным.

Среднеязычные согласные

ç Это парный „мягкий“ к звуку h (в слогах çi, ça, çu, ço = в Romaji hi, hya, hyu, hyo, в русской транскрипции хи, хя, хю, хе) Напоминает русское „мягкое“ *х* в *хитрый*, но более точно может быть сравнимо с немецким *ich*-laut'ом (т. е *ch* в нем. слове *ich*).

j — т е согласный звук, имеющийся в начале русских слов *я, яма, юбка, ёлка, ест* (= ja, jama, jupka, jolka, jest) — в японском встречается в слогах ja, ju, jo (— в Romaji ya, yu, yo, в русск транскрипции я, ю, е)

Кроме того, в положении перед гласным е („э“), стоящим после другого гласного (или дифтонга) того же слова, слышится слабый и принципиально-неосознанный [1]) призвук (Gleitlaut) характера j, обозначаемый нами в фон транскрипции через ^{j}, напр. в i^{j}e, saη^{j}eη [сравн выше о Gleitlaut'e ^{w} перед o].

Вот почему слово *„ена, йена, иена“* вошло в европейские языки, и в частности в русский, с начальным je (= рус. „е“), а не е (рус „э“); японскую основу eη приходилось слышать, главным образом, в сложениях с числительными (напр. ni^{j}eη, saη^{j}eη, go-^{j}eη и т. д), где, как мы только-что указали, перед гласным е („э“) должен был произноситься Gleitlaut ^{j}, этим об'ясняется и написание в Romaji—yen, а отсюда и русское написание (до 1917 г) і е н а, откуда, согласно орфографической реформе 1917 года, механически получилось написание и е н а.

В тосаском этот призвук (Gleitlaut)^{j} отсутствует (как отсутствует и ^{w} перед o) ie вместо токиоского i^{j}e (как io вм. токиоского i^{w}o)

Примечание. В токиоском говоре к среднеязычным должен быть отнесен также и „мягкий“ носовой (соответствующий токиоскому n'), о котором мы уже говорили выше

Заднеязычные согласные.

k, g — как русские *к* и *г* (в словах *камень, город*)

k', g' — соответствующие им „мягкие“, как в русском яз. в словах *Кяхта, гяур* или *киль, гимн, Керчь, герб*); встречается в слогах ki gi (= k'i, g'i) и в независимой позиции в k'a, k'u, k'o, g'a, g'u, g'o (= Romaji kya, kyu, kyo, gya, gyu, gyo; в рус. транскрипции кя, кю, ке, гя, гю, ге).

η (которое не следует смешивать с N = η на конце слога и слова) — заднеязычный носовой, являющийся настоящим согласным звуком (и имеющий, следовательно, постоянную позицию в начале слога — перед следующим гласным), он заменяет собою звук g внутри слова [сравн, напр., gaci Ӻ, но goηaci ӷ Ӻ]. Отличается от g опущением небной занавески и, следовательно, проходом воздуха через носовую полость Таким образом:

g — заднеязычный смычный звонкий не-носовой, а

η — заднеязычный смычный звонкий носовой согласный.

Наконец, подобно тому как g имеет свой палатализованный вариант, в виде g', для η имеется аналогичная же „мягкая“ фонема — η' (напр. в kaη o)

[1]) Т е. не составляющий самостоятельного звукопредставления (фонемы), а служащий механическим привеском к данной комбинации гласных фонем („гласный + e“ = „гласный + ^{j} + e“)

Так как η и η' регулярно заменяют собою звуки g и g' в н у т р и слова [1]), мы позволяем себе употреблять для них в русской транскрипции одну и ту же букву г (напр. goηacu — го-гацу, g'o = ге и kaη'o: = каге:).

Примечание. В южных говорах (кюсюских и рюкюских) согласные η η' отсутствуют (напр токиоскому наречию paηaku соответствует нагасакск. nago)

Гортанный согласный.

h — глухой гортанный спирант (типа немецкого h); в комбинаторных условиях — именно между гласными [2]) — способный озвончаться (— переходить, следовательно, в ĥ), особенно это бросается в глаза в киотоском говоре, напр., в суффиксе Subjonktivi-maho = -maĥo (эквивалент токиоск. - maśo) Следовательно, японское h (слогов ха хэ хо в анлауте) сильно отличается от русского *х* (являющегося не гортанным, а заднеязычным спирантом), и передача японского звука буквой *х* в практической русской транскрипции (напр., hama — *хама*, Jokohama — Екохама) допустима лишь вполне условно - в виду отсутствия знака для гортанного спиранта в русском алфавите (передача же японского звука h через *h* была бы, разумеется, еще хуже [сравн. напр. передачу немецкого Hegel через *Гегель*], ибо h смешивалось бы тогда с g и η). Соответствующим мягким к h служит среднеязычный глухой спирант ç (восходящий к *p'— о чем уже говорилось выше)

О морфологизованном чередовании (типа „нигори") h/-b и ç/-b и его происхождении см. выше — стр. Там же — стр. — о диалектических соответствиях ĥ // φ (и в Аомори f).

Заканчивая на этом описательный обзор токиоского и стандартного японского консонантизма, приведем в заключение перечень слогов, в которых участвуют вышерассмотренные краткие согласные [3]).

При этом мы ограничиваемся в этой таблице лишь слогами на однородный краткий гласный; соответствующие долгие и дифтонгические слоги самособой подразумеваются (т е. если приведен, напр., слог ka, то существуют, значит, и слоги kai (кай), kau, kaN; если приведен слог ko, то существуют и ko: (с долгим гласным), и koi (кой), и kou и koN.

Слоги с согласным		С согласным		С согласным		С согласным	
	pa		ba				
	pu		bu		φu		wa
	pe		be				
p	pa	b	bo	φ		w	

[1]) Исключения — в виде редупликаций типа гуру-гуру, гудзу-гудзу и нек сложных числительных с -go ĥ. — нами уже были оговорены выше но guruguru может, по крайней мере, в некоторых из говоров чередоваться с ˈgu˛ru-ˈgu˛ru тут налицо оказывается, следовательно, два акцентуационных слова, и значит второе тоноповышение приходится в начале второго из них.

[2]) Где, впрочем, h встречается сравнительно редко (ибо интервокальное *p дало *φ ⟶ w (перед a) или нуль (перед прочими гласными).

[3]) Ср. выше о значении слоговых представлений в японском языковом мышлении (стр 3).

С согласным p′: p′i = pi, p′a, p′o, p′u

С согласным b′: bı, b′a, b′o, b′u

m: ma, mu, me, mo

t: ta, tc, to

d: da, de, do

c: cu

m′: mı, m′a, m′o, m′u

ć: ćı, ća, ćo, ću

з [з/-z]: за, зu, зe, зo

r: ra, ru, re, ro

n: na, nu, ne, no

з′ [з′/ź]: з′i, з′a, з′o, з′u

r′: r′i, r′a, r′o, r′u

n′: n′i, n′a, n′o, n′u

ç: çi, ça, ço, çu

j: ja, jo, ju

k: ka, ku, ke, ko

g: ga, gu, ge, go

ŋ: ŋa, ŋu, ŋe, ŋo

h: ha, he, ho

k″: ki, k″a, k″o, k″u

g″: gı, g″a, g″o, g″u

ŋ″: ŋı, ŋa, ŋo, ŋu

ГЛАВА IV.

ГЛАСНЫЕ.

Вокализм японского языка отличается большой простотой и — если не иметь в виду специфического звукопредставления носового (N) в роли слогообразующего (=N= в токийском m) или не-слогообразующего (—N в дифтонгах) сонанта, — исчерпывается лишь пятью качественно-отличными гласными, принадлежащими к наиболее часто встречающимся в различных языках типам гласных звуков—именно к типам A, I, U, E, O.

По моменту языкового уклада эти 5 японских гласных могут быть определены, как:

1) Узкие ı, u.
2) Средние e, o.
3) Широкие a.

Из них особой характеристики заслуживает только звук японского u, значительно отличающийся от u в русском языке (= „у"), французском (= „ou") и в других европейских языках Именно,—в связи с общей ослабленностью губной артикуляции (см. выше стр) в японском языке, японское u произносится без движения (выпячивания) губ вперед. губная работа, если она вообще имеется (ибо в ряде случаев произнесения японского u [1]), она может вовсе отсутствовать), состоит обыкновенно только в иннервации одной нижней губы, которая приподнимается своим верхним краем немного выше верхнего края нижних передних зубов, становясь, таким образом, внешним (выходным) краем ротового резонатора

В ряде случаев, однако, — в частности в положении после переднеязычного спиранта (s) или аффрикаты (c, з /-z),—u произносится, как нелабиализованный апикальный [2]) гласный. А при присоединении (к условиям положения после спиранта или аффрикаты) еще других благоприятствующих условий (именно -- при глухости предшествующего спиранта, глухости следующего согласного или позиции на конце слова, и отсутствии музыкального ударения[3]) u краткое может и совершенно исчезать.

Те же условия способствуют и выпадению краткого i. Иначе говоря, оба узкие японские гласные (— u, i) в кратком виде обладают склонностью - при благоприятных условиях — оглушаться и редуцироваться, вплоть до превращения в полный физический нуль

Относительно японского o следует заметить, что это гласный, несколько более узкий (закрытый), чем o русское (ɔ в МФА), и, конечно, никогда не может заменяться через a в неударных слогах, как это свойственно русскому (акающему) произношению.

Каждый из вышеназванных пяти гласных встречается и в д о л г о м виде (a:, i, u, e, o.). При этом долгое e: в письме (какой) изображается в виде дифтонга ei, да и в действительности (в реальном произношении) может произноситься или как однородное, от начала к концу—долгое e:, или как ei, т. е. с постепенным сужением от начала к концу гласного (как ay [= e͡i] в английском слове day [= de͡i] и т. д). Исторически эта особенность долгого e: объясняется тем, что в токиоском (как и в большинстве других говоров, но не в Тоса) произошло смешение (конвергенции) e: долгого (напр. в чтении иероглифа 明 me) и исконного дифтонга ei Таким образом, слова „войско", „забор", доныне различающиеся в Тоса в виде he. и hei, в токиоском имеют уже одинаковый вокализм he.

---

[1]) Особенно после спиранта или аффрикаты, т. е. в тех позициях, где возможна бывает даже и полная утрата узких (кратких) гласных, — см. ниже.

[2]) Т. е образованный путем приближения к небу (— около альвеол) не спинки, а самого кончика языка, который приближен к альвеолам и при предшествующем s или z (в составе з = d͡z).

[3]) Для токиоского говора В Киото же, напр , u и i могут выпадать (при вышеуказанных условиях) и под ударением, т. е. в высоком по голосовому тону периоде слова Для нагасакского падения u, i тоже надо отметить влияние акцентуацинного фактора, но относящиеся сюда явления уже требуют особого описания (См. „Психофонетические наблюдения над японскими диалектами, I" или „Лекции по введению в языкознание для восточников" I, стр. 79—80).

Кроме того, каждый из названных пяти гласных может быть первым элементом дифтонга. В зависимости же от второго (неслогового) элемента токиоские дифтонги делятся на 1) дифтонги с i̯ (точнее $\overset{i}{e}$), 2) с u̯, 3) с N — в качестве второго элемента

1) Дифтонги с i̯ в качестве второго элемента·

ai̯ ui̯ oi̯
[ui̯ = ɯi] [ei̯ = e]

В токиоском (и в большинстве других говоров — в отличие от Тоса) с этими дифтонгами совпадают обычно и сочетания ae, ue, oe (напр hana-i̯ ← hana-e, doko-i̯ ← doko-e и т. д.); в результате этого названные дифтонги (как на месте сочетаний с древним i, так и на месте ae, oe, и т д) произносятся со вторым элементом в виде звука, промежуточного между i̯ и e, т е ai̯ = $a\overset{i}{e}$ и т. д.

2) Дифтонги с u̯ в качестве второго элемента

au̯, ou̯

Оба эти дифтонга встречаются исключительно при наличии морфологического деления, проходящего между первым и вторым элементами дифтонга, т. е. в таких, например, формах Praesens'a, как ka-u to-u (см. выше) В прочих морфологических позициях au̯ стянулось в o:, ou̯ тоже в o: (но в южных говорах — обычно в u:)

3) Дифтонги с носовым N в качестве второго элемента, т. е aN, iN, uN, eN, oN (осуществляются как aŋ, iŋ и т д или am, im и т. д или an, in и т д. в зависимости от следующего согласного, см).

Носовой на конце дифтонга и носовой слогообразующий.

Символом N мы обозначаем представление носового, играющего роль второго элемента дифтонга, и осуществляющегося по-разному в зависимости от следующего звука (— в начале следующего слога): если за N следует губной смычный согласный (p, b, m), то N осуществляется в виде губного носового — m (напр aNbai = ambai); если же следует переднеязычный смычный или же аффрикатный согласный (t, d, n, c, ɜ) или r, то N принимает характер переднеязычного носового n (напр. aNta = anta, aNnai = annai), в положении же перед заднеязычным (kŋ) N звучит как (не-глубокий) заднеязычный носовой — ŋ (напр , hoN-ka = hoŋ-ka hoN-ŋa = hoŋŋa); на конце слова и перед гласными (и весьма часто также и в положении перед спирантами) N тоже осуществляется в виде неглубокого заднеязычного, т. е. ɣ (напр. hoN = hoŋ, 三 國 saɣʲeŋ и т. д) Все эти комбинаторные вариации не имеют, однако, принципиального значения для японского языкового мышления (— в отличие от различения согласных n, m, ŋ, в начале слога — перед гласными, того же слога, т. е. в комплексах типа ana, ama, aŋa) А в некоторых позициях, (именно перед некоторыми спирантами) даже затруднительно бывает решить на какой из носовых согласных более похоже данное осуществление N (напр. в aNso — N = n или = ŋ?)

Совершенно естественно поэтому, что для всякого рода (позиционных вариантов) N японская „кана“ имеет только один символ („н“)

Слогообразующий носовой (N̩), известный в японском языке только в начальной (в слове) позиции, в токиоской встречается только в виде слогового m, т. е. m̩ — в положении перед следующим (вполне — согласным) m, напр., mma 馬 m̩me 梅 ˈm̩maku или mˈmaku и т. д. В прочих же, особенно в южных говорах — встречается и N̩ = n и N̩ = ŋ (напр., нагасакск. n̩da˩ku или n̩ga˩ku // ток dakū 抱, киот. вульг. ŋŋoku // токиоск. nŋoku и т. д.)

Японская орфография („кана") потребляет для начального m̩ букву у („u"), что является, конечно, совершенной условностью (было бы последовательнее писать здесь nъ так называемый „ун", т. е. букву, которая обыкновенно употребляется для N на конце слога. Ни в одном японском говоре, ведь, такие слова как мма „лошадь", ммэ „слива" не произносятся в виде ума, умэ, всюду мма, ммэ (а в сев.-восточных даже просто ма, ми[1])

ГЛАВА V

АКЦЕНТУАЦИЯ.

Так как акцентуационная система токиоского говора[2]) описана была в статье „Музыкальное ударение в говоре Токио" в Изд. Акад. Н. 1915 (а западно-японские системы — в частности говоров Киото и Тоса, как и южно-японская система нагасакских говоров, охарактеризована в „Лекциях по введению в языкознание для востоковедных ВУЗ'ов" проф. Е. Поливанова, I, 1928 г.), я ограничусь здесь самым кратчайшим изложением фактов токиоского (т. е. стандартного) языка.

Нужно указать, прежде всего, на следующие отличия токиоской (т. е. восточно-японской) акцентуации от западной и южной систем:

1. В токиоском ударение является не только музыкальным, но и музыкально-силовым или музыкально-экспираторным, т. е. ударенный слог выделяется не только по высоте голосового тона, но и по его силе (а, следовательно, и силе выдыха). В этом отношении токиоская акцентуация до известной степени приближается к нашему (русскому) понятию ударяемости.

Примечание. В киотоском, например, наоборот, могут встретиться даже такие случаи произношения слов, когда слог музыкально-ударенный (т. е. обладающий высоким тоном[3]) русским слухом будет

---

[1]) В связи с общей утратой долгот (в этих говорах) — как гласных, так и согласных.

[2]) Принадлежащего как по общим акцентуальным признакам, так и по другим чертам к восточно-японской группе говоров. Нужно заметить, однако, что вся совокупность восточных говоров будет только в самых общих чертах повторять характеристику токиоской акцентуационной системы: отдельные говоры будут отступать от нее в ряде специфических своих черт: например, в северо-восточных, — именно в аоморийском — используются для различения односложных слов (лишь факультативно различаемых в токиоском) сложные мелодии восходяще-нисходящего и нисходяще-восходящего характера; а в говоре Сига мы наталкиваемся уже почти на особую самостоятельную акцентуационную систему.

[3]) Хотя токиоский совершенно чужд свойственной русскому языку привычке делать каждый ударенный гласный долгим.

воспринят как ударенный — ибо в силовом отношении будет, по тем или другим причинам, преобладать другой (музыкально-неударенный, т. е. снабженный низким голосовым тоном) слог. Конечно, впрочем, такие случаи не являются нормой (а в случае так называемого киотоского „нисходящего повышения" — в словах asâ 朝 „утро", curû 鶴 „журавль" и т. п — они и вовсе невозможны), но само наличие их в достаточной мере говорит о том, что силовой (экспираторный) момент не имеет принципиального значения в киотоском представлении музыкальной ударенности, точнее — в представлении высокого по голосовому тону периода в слове.

2. В токиоском музыкально-экспираторное ударение может приходиться только на одну мору, т. е. или на один краткий слог, или на половину долгого, но не может охватывать несколько сложных мор (или слогов), как это имеет место в западно-японских (напр., в киотоском и — особенно часто — в тосаском) говорах, где к периоду высокого голосового тона может принадлежат неограниченный по длине ряд смежных слогов (или мор), а в известных словах даже весь состав слова[1]) Токиоский напоминает здесь, следовательно, акцентуационные явления европейских языков, напр., русского, а еще более — древне-греческого аттического диалекта, где также, как и в Токио, различались долгие и краткие слоги, и ударение (музыкальное или музыкально-экспираторное) могло приходиться или на первую, или на вторую мору долгого слога (ср выше стр.)

3. Ровным высоким словам[2]) западных говоров (напр., киот и тосаск. ˈhanaˈ 鼻 „нос", ˈkodomoˈ 子供 „дитя" и т д) в токиоском соответствует акцентуационный тип слов, условно называемый нами японским термином 全平 „дзэнхэй", к которому в одинаковой мере применимы и понятие ровного или безударного слова, а с другой стороны, и понятие слова с конечным музыкальным ударением (на последней море). Дело в том, что каждое из принадлежащих к этому типу слов может быть произнесено двояко (в зависимости от синтаксических и эмфатических условий) или как безударное, т. е с одинаковой высотой и силой всех слогов, или с музыкально-экспираторным ударением на последнем слоге — на его последней море, если этот последний слог долог; разумеется, могут быть и такие случаи, когда повышение (и усиление) на последней море будет

[1]) Например, два смежных слога (или две моры) имеют высокий голосовой тон (т е составляют период музыкального ударения) в следующих киотоских и тосаских словах: ˈhanaˈ 鼻 „нос", ˈsaraˈ 皿 „тарелка", ˈtakeˈ 竹 „бамбук", ˈsakeˈ 酒 „вино" и т. п.

[2]) А также и некоторым другим акцентуациям — по крайней мере, в определенных морфологических категориях — например, тосаск naˈgasaˈ // токиоск naˈŋasa („дзэнхэй"), тосаск oˈsagiˈ // токиоск. usaˈŋiˈ („дзэнхэй") и т. д. В Киото, этим словам соответствует тип с повышением на последней море (напр. usaˈŋi), и это, засвидетельствованное киотоским говором, состояние, позволяет нам исторически об'яснить и нижеуказываемую особенность токиоских дзэнхэев в них совпали, следовательно, и слова типа киотоского ˈkodomoˈ, и слова типа киотоского usaˈŋi, в результате — получилась категория слов, способных произноситься то с равной мелодией всех слогов, то с повышением и усилением голосового тона на последней море.

носить минимальный характер. Кроме того, морфологические условия позволяют выделять еще два разных представления конечного ударения — в бессуффиксальных формах (— Casus indefinitus) именных основ. Именно на ряду с именами, которые будут „дзенхэями", как в бессуффиксальной форме (— Casus indefinitus), так и во всех суффиксальных падежах (см. ниже 1⁰. ˈhanaˈ 鼻 „нос" и ˌkɪ 氣 „дух") мы встречаем еще категорию слов, потенциально совпадающих с ними по акцентуации в Casus indefinitus, но сохраняющих ударение на последнем слоге основы в суффиксальных формах (2⁰: haˈna 花 „цветок", ˈkɪ 木 „дерево").

	1⁰		2⁰	
Nominativ	hanaγa	kɪγa	haˈnaγa	ˈkɪγa
Subjectiv	hanaⁿa	kɪwa	haˈnawa	ˈkɪwa
Dativ-Locativ	hanani	kɪni	haˈnani	ˈkɪni
Instrumental	hanade	kɪde	haˈnade	ˈkɪde
Accusativ	hanaⁿo	kɪⁿo	haˈnaⁿa	ˈkɪⁿa
Ablativ	hanakara	kikara	haˈnakara	ˈkikara
	и т. д		и т. д.	

В Casus indefinitus основы 1⁰ и 2⁰ могут произноситься одинаково (т. е оказываются потенциальными гомонимами), но при потребности во взаимном различении [— напр, „Это — нос, а это цветок", „Это — дух, а это дерево"]— они будут фонетически (в акцентуационном отношении) различными:

1⁰ hana 鼻	ˌkɪ 氣	2⁰ haˈna 花	ˈkɪ 木
т. е. hana будет произнесено с ровной высотой и силой обоих слогов (или с минимальным повышением и усилением на 2-ом слоге)	т. е. слог kɪ будет произнесен на относительно низкую ноту и с незначительной силой голосового тона.	т. е. hana будет произнесено с явновыраженным ударением (повышением и усилением) на 2-ом слоге.	т. е. слог ki будет произнесен с высоким и сильным голосовым тоном

[1]) Условным знаком ‾‾‾ здесь указывается характерная для „дзенхэев" возможность двоякого произношения: с ровной высотой и силой всех слогов, или же с ударением на последнем слоге (— на последней море)

Примечание 1. В статье „Музыкальное ударение в говоре Токио", изд. Академии Наук 1915 г. приводится кимографическая запись кривых, подтверждающих силовые различия в произношении таких пар слов, как ˌki 気 „дух" — ˈki 木 „дерево", ˌçi 日 „солнце" — ˈçi 火 „огонь" и т. п.

Примечание 2. Такое же факультативное различие акцентуаций 1⁰ и 2⁰ встречается (в Casus indefinitus) и в трехсложных именах, напр. 1⁰ haˈʺori (Nominat haˈʺoriŋa) 羽織 и 2⁰ hakaˈma (Nominat hakaˈmaŋa 袴).

Так как суффиксальные формы склонения играют в японском языковом мышлении гораздо более яркую роль, чем Casus indefinitus. (—бессуффиксальный падеж), то мелодия Casus indefiniti — когда на ней сосредоточивается произносительное внимание (— что будет, например, иметь место при противоположении hana 鼻 – hana 花, ki 気 — ki 木 и т. п.), непосредственно абсорбируется из суффиксальных форм — напр. из hana-(ŋa) ki-(ŋa) в 1⁰ и haˈna-(ŋa) ˈki-(ŋa) во .

Примечание. Закон о факультативности конечного ударения в токиоском находит параллель и в древнегреческой (аттической) акцентуации τό—→τὸ при определенных синтаксических условиях (см. Vendryes Traité de l'accentuation grècque).

4. В отличие от западно-японского, токиоский говор не знает случаев ударения на второй море долгого слога, за исключением последних в слове слогов. Конечные же долгие слоги (т. е конечные долгие гласные и дифтонги), равно как и односложные слова, состоящие из долгого слога, могут иметь ударение как на своей первой, так и на второй море Но в последнем случае данные слова будут уже относиться к „дзэнхэям" и, следовательно, ударение на них будет носить факультативный характер ср. ˈho. 頬 „щека", ˈoN(= ˈoŋ) 恩 „милость" с музыкальным ударением на первой море — в отличие от ho 法 „закон", oN(= oŋ) 音 „звук", которые могут произноситься или с ровным голосовым тоном или (обычно с небольшим) повышением на второй море

5. В отличие от киотоского и нагасакского токиоский говор не знает различения мелодий внутри краткого слога; в нем, следовательно, невозможны такие представления, как ki 木 „дерево" и ki 気 „дух" в нагасакском, или китайские тоны (напр., mai 買 „май ³" „покупать" — mai 賣 „май ¹" „продавать"), или киотоское „нисходящее повышение" в asâ 朝 (в отличие от aˈsa 麻) Отсюда вытекает, что одноморные слова в токиоском не могут диференцироваться по моменту акцентуации. Известным исключением является выжеуказанное (см 3) факультативное различение односложных (ˌki — ˈki и т. д) по относительной высоте и силе голосового тона. Но явление это, как уже указывалось, носит вполне исключительный характер и существует лишь в качестве производного от акцентуационной характеристики двусложных форм (kiŋa — ˈkiŋa и т. д).

6. Доминирующее большинство слов (или точнее — основ) в токиоском говоре не имеет ударения дальше третьей моры (и, значит, третьего слога) от конца слова, т. е. ограничивается случаями ударяемости на предпоследнем и последнем слогах [ср. Dreisylbengesetz древнегреческой (аттической) акцентуации].

На основании всего вышеуказанного, мы видим, что для обозначения акцентуационных различий токиоского говора достаточно будет следующих символов:

1) знак ˈ перед ударенным слогом, его придется употреблять не больше одного раза для каждого слова напр. ˈasa 朝, aˈsaçi 朝日, ˈasaçi 朝日 как название газеты.

2. Знак ———— над написанием слов „дзэнхэев". напр, hana „нос", kodomo „ребенок", hana-ɣa, kodomo-ɣa. Но для основ (в Casus indefinitus) сохраняющих ударение на своем последнем слоге в склонении, мы оставляем знак ˈ haˈna 花 (haˈnaɣa haˈnawa и т. д)

3. Для одноморных основ (лишь факультативно различающихся в Casus indefinitus) я тоже использую знак ˈ в одном из двух наличных случаев (в словах 2⁰. ˈki木 из, ˈkiɣa, ˈkiwa и т. д.) и беру обратный знак ˌ для другого случая (слов 1⁰ ki 絹 из kiɣa kiwa и т д; впрочем, можно было бы, конечно, и тут использовать черту над словом· ki 絹).

Нам придется, следовательно, различать следующие типы слов:

1) в одноморных (— односложных из краткого слога) словах два типа, и притом лишь факультативно-отличных. ˈki и ki;

2) в односложных двухморных (— из одного долгого слога) два типа: ˈho (頬) и hoˑ (法);

3) в двухсложных двухморных (— из двух кратких слогов)· три типа при чем два из них лишь факультативно отличных. ˈasa 朝 (respective ˈhana как женское имя ха на), haˈna 花 (respective aˈsa 麻) и hana 鼻; последние два различаются факультативно,

4) в трехсложных трехморных: четыре типа, при чем два из них различаются лишь факультативно; ˈasaçi 朝日 как название газеты (respective Nominat. ˈasaɣa 朝), aˈsaçi 朝日 (respective Nominativ. haˈnaɣa 花), hakaˈma 袴 — название одежды, haⁿori 羽織 — название одежды (последние два типа различаются факультативно),

5) в двухсложных трехморных из первого долгого и второго краткого слогов два типа· ˈoŋŋa Nominetiv 恩 га. oŋŋa Nominativ 音 га;

6) в двухсложных трехморных из первого краткого и второго долгого слогов: три типа haˈnai 花 э, hanai 鼻 э (— Illativ'ы), ˈgohaɣi 御飯 "обед, еда. рис вареный". И т. д

Семантическая (смысловая) ценность музыкального словоударения в японском языке (во всех группах говоров кроме южно-кюсюкской подгруппы и рюкюского языка) весьма велика. Наиболее рельефно это констатируется в тех элементах словаря, которые составляют область так называемых quasi-омонимов, — т. е. мнимых однозвучных слов в словах, фонемный состав (из определенных согласных и гласных) которых одинаков, но которые все же отличаются друг от друга в звуковом отношении — и именно ничем другим, как разным местом музыкального ударения. Примерами могут служить следующие пары (а иногда и по 3) „мнимо-однозвучных" слов (привожу токиоские формы и только в скобках [ ] параллели из других диалектов) ˈasa 朝 „утро" — aˈsa 麻 „конопля" (различие и в бессуффиксальном падеже и во всех формах склонения).

[В Киото эти слова тоже различаются, но уже иначе не по месту, а по характеру тоноповышения· „утро“ — asâ, т. е. с нисходящим повышением на 2-м слоге, что дает, в общем, следующую мелодию голосового тона для всего слова „конопля“ — a⌜sa, т. е. простым повышением на последнем слоге, что дает мелодию всего слова в виде a s a[1]). По регулярным законам акцентуационных соответствий[1]) между различными диалектами (в частности между западным Киото и восточным — Токио) обе западно-японских мелодии и совпадают в восточном наречии (Токио) в акцентуационном типе с ударением на 1-м из двух (кратких) слогов, мы ожидали бы, следовательно, что оба слова дадут в токиоском ⌜asa и не будут различаться друг от друга. Так бы оно и было, если бы история обоих слов на почве токиоского говора была нормальная.

Но в то время как слово 朝 — в Токио ⌜asa имеет регулярное соответствие и прошло, очевидно, обычный путь эволюции на токиоской диалектической почве, в токиоском слове a⌜sa мы можем предполагать простое заимствование из западных говоров. в связи с тем, что слово это принадлежит, в известной мере, к словарю культурных понятий, это об'яснение может считаться вероятным. Добавляю, что в северо-восточных говорах (также представляющих вариант восточно-японской акцентуационной системы) такие заимствованные из западного наречия слова, попадаются сравнительно нередко и находят, между прочим, уже конкретное историческое об'яснение (в переселении на северо-восток ссыльных самураев из Квансая)]

⌜hana ха на женское собственное имя („Цветок“) ha⌜na 花 „цветок“ — hana 花 „нос“. [Различие между первым и вторым словами производится спонтанеически и в бессуффиксальном падеже, и во всех формах склонения. Вторая и третья основы спонтанеически различаются в суффиксальных падежах, а в бессуффиксальном падеже, т. е. в Casus indefinitus м о г у т произноситься одинаково, но могут и дифференцироваться — при особой в том потребности, (напр, когда японец хочет обучить иностранца произношению данных слов и следовательно, полностью осуществляет фонетическое представление каждого слова, или же когда он намеренно хочет дифференцировать понятия „цветок“ и „нос“· напр., во фразах такого содержания: „вот цветок, а вот нос“. Ср. аналогичное факультативное различение в русском языке в таких парах слов, как р о д и р о т; п р у т и п р у д: напр., учитель сознательно во время диктовки может произносить звонкое „д“ в р о д и п р у д, тогда как в обычной речи это „д“ уже оглушается и совпадает, таким образом, с „т“) В киотоском соответствует ⌜ha⌞na ха на ⌜ha⌞na 花 ⌜hana⌝ 鼻, т. е. первые два слова совпадают. Заметим, что в первом слове ударение во всех говорах будет на первом слоге. Дело в том, что определенная категория собственных имен (к ней принадлежат прежде всего именно двусложные женские имена) уже в общеяпонскую эпоху характеризовалась повышением на 1-м слоге — 1-м слоге[2]) —

[1]) Которые подтверждаются громадным большинством примеров — за немногими исключениями (в роде данного „конопля“).

[2]) Обще-фонетическим об'яснением этого явления может служить то весьма вероятное допущение, что в мелодии, характерной для собственных имен (по крайней мере для собственных имен данной наиболее типичной и примитивной — в звуковом отношении — конструкции· ⌜ra⌞na → ⌜ha⌞na ха на

вполне независимо от того, как было ударено соответствующее нарицательное имя существительное, — и это начальное повышение сохранилось в данной категории имен как в западных, так и восточных (да в сущности и во всех говорах—даже в таких, как Кумамото) ср. ⌜curu ж. имя ⌜curu „журавль" (киот. ⌜cu˩ru ж. имя curû „журавль"); ⌜take ж имя take „бамбук" (киот. ⌜ta˩ke ж. имя ⌜take⌝ „бамбук"), ⌜juki ж. имя ju ki „снег" (киот ⌜cu˩ki ж имя ⌜cu˩ki „снег"

Приведу еще аналогичный случай чередования неначального ударения с начальным — при превращении нарицательного имени в собственное — но уже при трехсложности основы: Т a⌜saçi 朝日 (или 旭) „рассвет", „утреннее солнце" но ⌜a˩saçi 朝日 — как название газеты ⌜umi 海 „море" — u⌜mi 膿 „гной" (в Киото наоборот u⌜mi „море" ⌜n˩mi „гной" тоже в Тоса, где есть и диалектич дублет η для 海 — o⌜mi, ŋ⌜mi (рядом с u⌜mi).

⌜kiru (- 1 спряжения kir-u) „режет (или режу, режешь и т. д.)" — kiru (2 спряжения k-i-r-u) „одевает" (в Киото и Тоса „режет" - ki⌜ru в нагасакском говоре дер Мис. — ki˩ (из *kiru) с окситонной мелодией (т. е. с повышением к исходу слова) „одевает" — К. и Тоса ⌜kiru˩ в Кат. говоре ki˩ из *ki˩ru). См. ниже о двух акцентуационных типах глагольных основ (§) 1⁰ и 2⁰ (следовательно, ⌜kiru — 1 (спр.) 2⁰, kiru — 2 (спр.) 1⁰)

⌜kaja название дерева 榧, kaja „сетка от комаров" 蚊 屋 suru (2 спр.: sur-u, т. е. II 1⁰) „делает" — ⌜suru (1 спр · sur-u, т е. I 2⁰) „трет" ⌜koto 事 „дело" - 琴 название музыкального инструмента

no⌜mi 蚤 „блоха" — ⌜nomi „долото" ⌜curu (←*turû, ср. киот. curû и Тоса tu⌜ru tu⌜ru˩-ga и т д.; и очевидно, *turû из *turum. ср. кор. turum) 鶴 „журавль" и женское собственное имя; curu (= cur-u т е. I 1⁰) „удит, ужу, удишь" kasa 瘡 „сифилис" — ⌜kasa 笠 „колпак, зонтик" 笠 (очевидно из корейского *kas→kat), ka⌜sa „величина, об'ем".

⌜miru (= mi-r-u, т. е II 2⁰) „видит 見 — miru название кораллов 海松

Приведенными примерами перечень quasi — гомонимов данного количественного состава (т е из 2 кратких слогов) далеко, разумеется, не исчерпывается· это лишь весьма незначительная часть из того количества парных слов, которое можно найти в акцентрированном словаре японского языка (например, Ямада 山田 в его 日本大詞典), в подстрочном словаре (с комментариями) к тексту Токухон'а в журнале „Rômaji Sekai", а до известной степени и в маленьком словарике в книжке, „Токе-Бэн" — „Токиоский говор' 1916 (подробно заглавия указаны в статье Е. Поливанова „Музыкальное ударение в говоре Токио" Изд Ак. Наук 1915 [1]). Но относительно не мало quasi - гомонимов и в односложных основах из краткого слога (сюда войдут и китайские

и т. д), сказалась специфическая мелодия вокативной фразы (с муз. ударением на первой море-слоге, ибо начальное ударение, как специфическая особенность вокативной фразы, констатируется и в обще-фонетическом масштабе в языках самых различных семейств ср. слав. же́но — Vocativ от жена́ (из *g^{w}éna тогда как жена́ из *g^{z}ena) С другой стороны укажем на замечание Nyvor в его Grammaire de la langue française.

[1]) Словарю Такахаси, как и изданию Токухон'а С. Идзава — допустим, что их и удалось бы получить в пользование — отнюдь нельзя доверять в акцентологическом отношении.

заимствования, напр., 區 ˈku „квартал“ 利 n „прибыль — проценты“, и известное чиело японских по происхождению основ — напр., 齒 ˈha „зуб“, 葉 ˌha „лист“ и т п.). Правда, в бессуффиксальных формах в токиоском говоре акцентуационное различение (таких, напр, пар слов, как 齒 ˈhá и 葉 ˌha) носит факультативный характер (см „Музыкальные ударения в говоре Токио“ и относящиеся сюда записи кривых на кимографе) Но в суффиксальных формах такого рода quasi-гомонимы различаются в полной мере (спонтанеически): Nominativ: haɳa „зуб“ — haɳa „лист“. Приведу несколько примеров:

ˌne 直 „цена“ — ˈne 利 „корень“
ˈna 名 „имя“ — ˈna 菜 „баклажан“
ˌkɾ 氣 „дух“ — ˈki 木 „дерево“

гомонимы [1]: { ˌçi 日 „солнце, день“ / ˌçi 碑 „памятник“ / ˌçi 火 „огонь“ } { ˌe 柄 „рукоятка“ / ˈe 繪 „картина“ / ˈe 吳 „корм“ }

Примечание. В китайских заимствованиях (напр, в числительных 1 — 10, являющихся [1]) Го-он'ными и устного, повидимому, происхождения (заимствованиями), музыкальная акцентуация находит об'яснение из музыкального слогоударения (так называемых „тонов“) китайскоге оригинала — разумеется, в той китайской форме, которая принадлежала той эпохе, когда произошло заимствование, и тому китайскому диалекту, из которого происходит данная категория заимствований (так, для Го-она таковым оказывается древний диалект удела 吳 „у“ = *ŋu—→ яп go). Убедиться в этом мы можем из того простого наблюдения, что числительные, принадлежащие к одному и тому же тону в китайском (в том числе и в современном пекинском), имеют одинаковую акцентуационную характеристику и в японском: ср напр, с одной стороны „2“ и „4“, с другой — „5“ и „9“:

Пекинск. формы в русск.	Японск. токиоские формы	Японск. киотоские (и исходные фомы)
„2“ 二 „эрл“ (ср. тиб. ˌni)	ˈni	niɾ
„4“ 四 „сы“ (ср. тиб bźi)	ɾi	siɾ-
„5“ 二 „у“ (ср. тиб. lŋa)	ˌgo	ˈgo-[2]
„9“ 四 „цзю“(ср. тиб. dyu)	ˌku	ˈku-[2]

Но и вне сферы quasi-гомонимов — для каждой данной японской основы — момент музыкального ударения (на том или другом определенном для

[1]) В токиоском.

[1]) Эти два слова различаются в Токио и в Нагасаки, но совпадают (т. е. оказываются настоящими гомонимами — и по акцентуации) в киотоском и Тоса.

[2]) За исключением дублета к ku „9“ — именно k'u:, „ котором можно видеть Кан-он Правда есть возможность об'яснить этот дублет аналогией к смежному числительному „10“ (z'u·←—z'uˈ:←—*zi(p)u из кит *źip) [ср. русское девять вм. Н-$\overset{е}{о}$-вять под влиянием д е с я т ь и т. п. явления в самых различных языках], но тут у нас есть право допускать и контаминацию двух причин, 1) наличие кан-онной формы k'u· и 2) ее использование именно потому, что она в фонетическом отношении шла в pendant к *z'u: „10“.

данного именно слова месте) играет нисколько не меньшую диференциативную роль, чем русское (силовое) ударение в характеристике русского слова. Сказать ko⌜domo вместо kodomo 子 供 или ⌜asi вместо a⌜si 足, считается для японца не меньшим искажением, чем колба́са вместо колбаса́ в русском или же (в случае ⌜asi вместо a⌜si) будет столь же ярко говорить о не-стандартности (провинциализме) языка говорящего, как, например, для нас — ленинградцев и москвичей — такие „сибирские" ударения, как „я предло́жил", „я поло́жила" (вместо предложи́ла, положи́ла).

Как показывают вышеприведенные примеры и то обстоятельство, что акцентуация именной основы характерна и для всего склонения этой основы [1]), диференциационная функция музыкального ударения состоит не в различении форм склонения, а в различении самих основ склонения, иначе говоря, в данной категории слов (именах существительных в Casus indefinitus и в склонении) представление музыкального ударения семасиологизуется, а не морфологизуется, т. е ассоциируется с лексическим, а не формальным значением каждой отдельной формы: т. е. слово a⌜sa, означающее, например, именительный падеж „конопля" 麻, по ударению отличается от слова ⌜asa 朝 — именит. падеж „утро", но не от других падежей данного слова („конопля"): как-то, a⌜sani („конопле"), a sade („коноплей") и т. д

В более консервативных (западных) говорах, однако, известную роль играет музыкальное ударение и в характеристике форм склонения. Так некоторые падежи (в западных говорах — напр, Киото и Тоса) имеют суффиксы, чередующиеся по тону высокий тон будет после последней высокой моры основы, нижний — наоборот, если основа заканчивается морой низкого тона, — как-то Тоса a⌜saga[1] им п. „конопля", но ⌜ha⌋naga им. п. „цветок". Сюда принадлежит большинство падежных суффиксов. Но в другой — менее многочисленной категории суффиксов (-e/-i, -mo, -made, атрибутивное -na, -to, заключающее прямую речь, и некоторых других) низкии тон обязателен при всех основах.

Значительно больше можно указать фактов морфологизации ударения в прилагательных и глагольных парадигмах. Правда, и здесь основная задача, выполняемая музыкальным ударением, — это характеристика данной основы, как таковой. Так, и в прилагательных — при определенном числе слогов основы (остановимся пока лишь на наиболее типичном и примитивном случае: двусложных основах прилагательных) — существуют два принципиально отличные класса основ, различающихся только по ударениям (условимся обозначать их как 1^0 и 2^0), классы эти различались и в обще-японскую эпоху и различаются

---

[1]) Если считать оговоренным то обстоятельство, что в „дзэнхэйных" суффиксальных формах от „дзэнхэйных" основ (напр. от hana „нос" 鼻) факультативное ударение переносится на последний слог всего слова, т е. на суффикс. Но далее, однако, прямая зависимость констатируется и здесь основа безударна (факультативно) — и суффиксальные от нее падежные формы тоже безударны (опять-таки факультативно).

[2]) Если не считать разве того обстоятельства, что род п (на — по) от ударенных (не-„дзэнхэйных") основ может быть „дзэнхэйным" (— в известных синтаксических и психологических условиях) в говоре Токио и безударным в западных говорах.

ныне во всех из обследованных нами говорах — кроме киотоского, а также, разумеется, тех, где (как напр, в Кумамото) — имеется уже постоянное место ударения (в киотоском совпадение обоих акцентуационных классов 1^0 и 2^0 имеет чисто-фонетическую первопричину благодаря совпадению в киотоском мелодий и совпали в акцентуационном отношении атрибутивно-предикативные, т. е. важнейшие по своей функциональности формы обоих классов напр., 1^0 *ʳacuˈ꜀ı /ɲ/ и 2^0 *ʳa꜀cuı 燈 (暖) совпали в киотоском ʳa꜀cui, а в результате этого совпадения в основной — атрибутивно-предикативной форме — произошло уже морфологическое смешение обоих классов и в остальных формах ад'ективной парадигмы в наречной форме и в спряжении по временам напр. и от 燈, и от /ɲ/ в киот. может быть образована любая из (бывших когда-то принципиально-отличными) наречных форм: ʳa꜀cu: (ср. Тоса ʳa꜀tu 暖) и aʳcu꜀. (ср. Тоса aʳtu꜀: /ɲ/).

Это акцентуационное различение основ прилагательных — конечно прежде всего есть семасиологизация, а не морфологизация музыкального ударения. Но тот факт, что каждый класс (1^0 и 2^0) характеризуется (в токиоском и большинстве говоров) не только акцентуацией атрибутивно-предикативных форм, но и своеобразной системой чередований ударяемости в наречной и прочих фармах об'ективного словоизменения, уже обусловливает принадлежность акцентуации не только к признакам словаря, но и к признакам морфологии.

Приведем образчик обоих классов (1^0 и 2^0) — т. е. обоих „акцентуационных спряжений" прилагательных, — во-первых, в говоре Токио и, во-вторых — из западных — в говоре Тоса

		1^0	2^0
2 основных формы, составляющих ад'ективную парадигму в узком смысле этого термина.	Атрибутивно-предикативная форма	akaı	sıʳroı
	Наречная (адверб иальная) форма	akaku	ʳśırki
Образцы спряжений по временам.	Praeteritum	aʳkakatta	ʳsırokatta
	Conditionalis	aʳkakereba	ʳsırckereba

и т. д.

Примечание 1. В известной синтаксической позиции атрибутивно-предикативная форма от основ 2^0 (Т. śiʳroı) факультативно утрачивает повышение, превращаясь, таким образом, в дзэнхэй, и, следовательно, факультативно совпадает по акцентуации с атрибутивно-предикативной формой основ 1^0. (Ср. аналогичную факультативную утрату повышения (неконечного) в Genitiv'ах на -no).

Примечание 2. Основа ɱma- „вкусно" — в переносном значении — „здо́рово" — принадлежит к 2^0, но в наречной форме (в токиоском) имеет дублеты: 1) правильный — ʳɱmaku и 2) ɱʳmaku, — об'ясняемый как нео онетическое явление — малой приспосабливаемостью слога ɱ к роли субстрата музыкально-силового ударения.

Аналогичное противоположение двук акцентуационных основ (и их словоизменений) усматривается и в более чем двусложных основах. Например, в формах токиоского говора.

1^0	2^0
hosonaηai	kitaˈnai
hosonaηaku	kiˈtanaku
hosonaˈηakatta	kiˈtanakatta
hosonaˈηakereba	kiˈtanakereba

Полную параллель этому делению основ (прилагательных) на 2 акцентуационных класса мы находим в глагольных основах[1]) (с соответствующими каждому классу основ схемами акцентуации спряжения), условимся оба акцентуальных класса глагольных основ обозначать тоже через 1^0 и 2^0[1])

Соответственно принадлежности глагольной основы к тому или другому спряжению (I — на согласный и II — на гласный) и, с другой стороны, к тому или другому акцентуационному классу, мы можем характеризовать каждый глагол одной из 4 формул. I 1^0, I 2^0, II 1^0, II 2^0. И при условии знания схемы акцентуационных чередований для данного типа основ и знания конструкций спряжения, можно образовать любую форму от любого глагола — т. е. определить и ее по-фонемный состав (из согласных и гласных) и ее акцентуацию.

Ограничимся нижеследующими примерами:

1^0 (основы акцентуационного класса 1^0, характеризуемые, прежде всего „дзэнкэйностью (т. е. факультативной безударностью) формы Praesensˈa)

2^0 (основы акцентуационного класса 2^0 характеризуется, прежде всего, наличием повышения на предпоследнем слоге формы Praesensˈa)

Praesens I 1^0 jaru (jar-u) 逆 II 1^0 aηeru (ae-r-u) 上

Примеры прочих форм·

Praeteritum	jatta	aηeta
Subjonctiv	jaˈro	aηeˈjo
Negativ	jaranai	aηenai
Subjonctiv Negativi	jaruˈmai	aηeˈmai
Passio	jarareru	aηerareru
Conditionalis	jaˈreba	aηeˈreba

Praesens I 2^0 ˈkaku (kak-u 書) I 2^0 haˈnasu (hanas-u 離) aˈkiru 飽 II 2^0 taiˈsuru (tai-su-r-u對) zu. 遠

ˈkaita	haˈnaśita	ˈakita	ˈtaiśita.
kaˈko·	hanaˈso	akiˈjo	taiśiˈjo
kaˈkanai	hanˈsanai	aˈkinai	taiˈsinai
kakuˈmai	hanasuˈmai	akiˈmai	taisiˈmai
kakaˈreru	hanasaˈreru	akiraˈreru	taisaˈreru
ˈkakeba	haˈnaseba	aˈkireba	taiˈsureba

[1]) Разница (по сравнению с 1^0 и 2^0 в прилагательных) лишь в том, что глагольное различие 1^0 и 2^0 сохранилось и в киотоском говоре. Кроме того, в говоре Тосі кроме двух основных классов — 1^0 и 2^0 (напр., 1^0 s'inuru 死 и 2^0 kaˈku 書) в виде единичного явления встречается третий вид акцентуации Praesensˈa (3^0) ˈoɹru (*ˈwoɹr-u) 居.

Предметный указатель к „Морфологии“ Японской Грамматики.

А.

А 24
А: 25
А (оконч. прош. врем.) 73, 99.
а (1-я база, соед. гласн.) 97
авасэру 111—112
агару 111
агэру 111
агглюгинативный язык 1
адвербиальная форма глагола 105, 126
„ „ деепричастия 85, 90
„ „ прилагательного 15, 46, 48, 51
„ „ существительного 25
ад'екватизированное существительное 13—16
аида 128
акцентуация прилагательных 47, 48
альтернативная форма 51, 78-79, 105-106
-анай 88, 97
-анакутэ 90
ананда 90
аната 24
ано 26
ано е:-ни, анна-ни 25
ара, араба 79
ари 78—79
ару 7, 9, 87
арэ 24
-арэ (форм пасс) 76
-асэ „ „ 76
асуко 24
ато, ато-дэ 129
ати 24
аттрибутивно-предикативная форма глагола 104—105
„ „ форма прилагат. 46—48
аттрибутивный суффикс 13—16
аттрибут см определение
ау 111—112
„ау“, глаголы типа 70
а:ю, а:-ю-е:-на, анна 25

Б.

Ба 79, 80, 83
базы (основы) 97—99
бан 30
без (русск. предл.) 18
безударность 47
бессуфиксальный падеж см. неопред. падеж
бин 30
близ 18
бу 32
будущего времени форма 74

В.

В (русск. предлог) 18
в (русск. префикс) 114
ва (суфф. выдел падежа) 2—4, 16, 27, 65, 85, 128
на (счетн суфф.) 34
варуй 58
вежливое спряжение 91—93
вежливые глаголы 6, 9, 81—82, 94, 97, 101—104
„ обороты 66, 81, 103—104
вербальные (чисто) формы 104
вероятности форма глагольная 72, 74—75, 96
вероятность 49, 74

взаимного действия суфф русск 112
вид однократный 115
„ совершенный 84
виды глагола 86—88
„ „ : вид прогрессивный 87
„ „ „ перфективный 88
„ „ „ с глаголом оку 88
„ „ „ „ „ симау 88
винительный падеж 11, 16, 66, 107
„ об'екта 11, 66
вне (русск. предлог) 18
возможность 72, 76, 77, 106
вопросительное слово „ка" 126
„ „ „я" 126
времена прилагательного 46
„ глагола 72—75
„ глагола. настоящее 73
времена глагола прошедшее 73—74
„ „ будущее (вероятн.) 74
времени падеж дательный 7
„ „ неопределенный 2
„ „ творительный 9
вспомогательные (по функции) глаголы 111—116
вторая основа 1-го спряжения 98
вторичные формы прилагательных 47
второе лицо 39, 66, 94, 97, 101, 103—104
второе спряжение 69 71—72, 89
вы (русск. местоим.) 38
„вы" (русск. префикс) 112, 115
выделительный падеж 2, 16, 65
выделение прямой речи 12, 75, 125

Г.

Га (именит пад. суфф.) 2—4, 16, 75
га (стар. род пад. суфф.) 5
га (служ слово) 83, 124—125, 127
гамасии 53
гару 76
гата 37
ге 39
глагол 64—123
глаголы действия 6, 8
„ пребывания 6, 8
„ типа „ау" 70
глагольное имя 41, 42, 52, 64—67, 97, 105—106, 110—111
глагольные формы см формы глагольные
го (гонорифич. префикс) 1, 39—40 66
го (мера) 32
говор см. наречие
годзару 6, 9, 76, 103
гонорифические глаголы 6, 9
гонорифический префикс 1, 39—40, 66, 80, 82, 103
грамматическое обстоятельство 4
„ подлежащее 2—4
„ сказуемое 2—4
гэндзай 73
гэцу 53

Д.

Да, дэс 9, 12, 13, 47, 75, 100—101
дай (счетн. суфф.) 35
даро:, дэсе 12, 100—101
дарэ (дарэ-ка, дарэ-мо, дарэ-дэмо) 26—27
дасу 84, 112
дательный падеж 6—8, 12, 66, 77
„ местный 6, 8, 17
„ времени 7
„ цели 7, 66
„ принадлежности 7
„ соединения 7
„ среды 7
„ результата 7
„ становления 7
„ прибывания 7, 8—9
„ наречный 8
датта, дэсита 12, 100—101
двойной падеж 4, 16
деепричастие 11, 50, 83, 84—85, 90 105, 126, 128
деепричастные функции глаг имени 67
дезидеративности форма см желательности форма
дезидеративный глагол 76
„ суффикс „гару" 76
действия глаголы 6, 8
дефективное склонение глаголов 68
„ „ прилагат. 48
„ спряжение „ 46
дзи 32
дзибун 129
дзу (отриц. суфф.) 90—91
дзэнхэй 48
диалект см. наречие
для (русск. предл.) 18, 127, 130
до „ „ 19

до 24—25, 27
до 25
до:ю:, до:ю:ё:на, донна 25
доко 24
доната 24
доно 26
доно с:-ни, донна-ни 25
домо (суфф. множ.) 37—38
дополнение косвенное 16
дополнение прямое 11, 16, 107
дополнения падежи 16
дорэ 24
до си 64
доти 24
дэ 8—10, 16—17, 100
дэмо 26—27
дэсу, дэсита, дэсе см. да датта, даро.

Е.

ё (восклиц.) 80, 81
е: (оконч. ф. вероятн.) 74—75
ё:, е-на 14—15, 25
е:, ё:-ни 25, 131
ё:гэн 46
еи 54, 55
ери (суфф исходн пад.) 11, 128
ери (суфф. пад сравн.) 11, 61—62
еримо 61
еросии 83, 85
еру 61
еттари 31, 34
е (т) цу 29

Ж.

Желательности форма (дезидеративности) 72, 75—76, 90, 93, 104
женская речь 27, 40

З.

„За" (русск префикс) 111, 112, 115
залоговые формы глаголов 72, 76—78
„ „ · залог потенциальный 72, 76—78
„ „ · „ побудительный (каузативный) 72, 76, 78
залоговые формы: залог страдательный (пассивный) 72, 76—78
запрещение 85
застывшая глаг. форма (прош. времени) 60
застывшее определение 58
зачатки склонения глаголов 68

И.

И (2-я база, соед гласн 1-го спр.) 97, 99
и (звук во 2-м спряж.) 71
и (оконч глаг. имени) 64
и (оконч. прилагат.) 15, 46
и (русск. союз) 50
идзе, идзе:ва 130
идзурэ 26
из (русск. предл.) 19
из-за „ „ 19, 130
из-под „ „ 19
изменяемые слова (ё.гэн) 46
ии 83, 85
ику 34, 35, 36, 102
ику (глагол) 84, 119
икура 26
икуцу 26, 29
именительный падеж 2, 16
именная часть сказуемого 16
именное словообразование 67
именные формы глагола 68, 105—106
императив см. приказания
имя глагольное см. глагольное имя
имя существительное 1—45
иностранные слова с глаголом „суру" 95
инструментальный творит. падеж 8
интранзитивные (непереходные) глаголы 77, 107—110
ирассяру 6, 82, 102
иру 6, 86—87, 91
иссо 62
исходный падеж 11, 126
итадаку 83
итай 75, 97
итаку 76
итару 63
итасу 97, 102
итаттэ 63
итибан 63

ито 76
их (русск. притяж. местоим.) 29
ицу 26
ицуцу 29

К.

К 19
ка (вопр. служ. слово) 126
ка (в сложн. существ.) 42
ка (день при счете) 30
ка (суффикс) 26—27
ка (счетн. суфф.) 36
кавари, кавари-ни 128
кавару 112, 113
кагири 128
какару 113
какэру 113
кан 32
канэру 113
кара (служ. слово) 11, 126
кара (суфф. исходн. пад.) 11, 126
каро: 49
касе 36
катай 54, 55—57
категории существительных (особые) 22—37
катта 49
каттара 49—50
каттари 49, 51
каттаро: 49
каузативный залог см залог побудительный
каэру 112—113
кин 32—33
Киото (говор) 90
киру 113—114
кирэру 113—114
китайские существительные 1, 27, 39
„ „ в сложн. существ. 42—45
„ „ в счетных существ. 32—33
„ „ с „на" 13—15
китайск существ с „суру" 95
„ „ счетные 31—37
классификация глагольных форм 72
классический язык 11, 16, 67, 90, 97—99, 126
ко (преф. в сложн. сущ.) 42
ко 24
ко: 25
ко.-ю., ко:-ю:-ё:-на, конна 25
коко 24
кокоиоцу 29
коку 32
коната 24
коно 26
коно ё-ни, конна-ни 25
корень глагола см. основа глагола
„ прилагательного 13, 23, 41
коро 129
корэ 24
косвенные дополнения 16
„ падежи 17
коти 24
ку (адверб. суфф.) 15, 46, 76
кудасару 81—82, 102
куру 84, 93—94
курусии 54, 56
курэру 81
кусаи 54, 55
кутэ (оконч. дееприч.) 49, 50—51
кэйе си 46
кэн (мера) 32
кэн (счетн. суфф.) 35
кэрэба 49, 50, 90
кэрэдомо 127
Кю.сю:, говор 86

Л.

Латинизация яп. письма 45
лица в японском глаголе 101—104
лицо второе см. второе лицо
„ первое см. первое „
личные местоимения русские 27—29
логическое подлежащее 2—4
„ сказуемое 2—4

М.

Ма 30
мадэ 10—11, 128
маи (отриц. вер.) 89
маи (счетн. суфф.) 34, 35, 37
маси 62—63
масу 63, 91—93, 103
маэ, маэ-ни 130
местный пад. дательный 6, 8—9

местн. пад. творит. 6, 8—9
место в предложении см. позиция в предлож.
местоимения 23—29
„ русские 27—29
ми (стар. гонор. преф.) 40
ми (суфф. существ.) 23
ми (т) цу 29
миру 84
мнимые префиксы 116—118
множественного числа суффиксы 37—38
мо 26, 27
мо: 62
мо (суфф. соед. пад.) 12, 85, 128
мой, мои (русск. притяж. местоим.) 28, 57
моно 75, 101
моно-о 125
морау 83
моси, мосимо 127
мотто 62
моттомо 63
му(т) цу 29
мы (русск. местоим.) 28
мэ 32
мэ, мэн (префикс женск. рода) 38
мэй (счетн. суфф.) 34
мэйси 1
мэси (мэсу) 116

Н.

Н 47, 100, 101
на (восклицат.) 80, 81
на (аттриб. суффикс) 13—14, 25, 47
„ в соединении с существит. 13
„ „ „ „ корн. прилаг. 13
„ „ „ „ кит. сущ. 13—15
„ „ „ „ односложн. кит. сущ. 14
на (русск. предлог) 19
„на“ („ префикс) 111
нагара 66
нагасакский говор 47
наи (отриц. прил.) 7, 51, 59, 62, 90
наи („ суфф. в глаг.) 88, 97
найдэ 90—91
накутэ 90—91
накэрэба 90
нан 34, 35, 36
нана (нанацу) 29, 31
нанда 90, 92
нани 26
нао, наосара 62
направления падеж 10
нара 80, 90
наречие (говор, диалект) 6, 46, 68, 86, 90, 91, 92, 93
„ Токио см. Токиосский говор
наречия 2, 8, 11, 15, 22, 25, 46, 48, 85, 90, 105
наречия-предлоги русские 22
наречная форма см. адвербиальная форма
наречный дательн. падеж 8
„ неопред. „ 1—2
нару 7—8, 16, 50, 80
насару 82, 97, 101
настоящего времени основа см. основа наст. врем.
„ „ форма 64, 67—68, 88, 104, 126
ната 24
начало действия 84, 112, 113, 118
негативные формы см. отрицательные формы
неизменяемые слова (тайгэн) 46
неодушевленное подлежащее 107
неопределенное наклонение 69
неопределенный падеж 1—2, 29
„ „ наречный 1—2
„ „ временной 2
непереходные глаголы см. интранзитивные глаголы
ни (суфф. дат. пад.) 6—8, 9, 17, 77, 128
никуй 54, 55
нин (счетн. суфф.) 31, 34
но (суфф. род. пад.) 5—6, 16—17, 57, 58, 59, 85
но (просубст. формы) 5, 6, 47, 68, 100 106
ноти, ноти-ни, ноти-ва 129
нумерация спряжений 69

О.

О: (глаг. оконч. вероятн.) 74, 75
о (гонориф. префикс) 1, 20—21, 39—40, 66, 80, 82, 103
о: (оконч. прилагат.) 46
о: (в сложн. существ.) 42
о (суфф. винит. пад.) 11, 16, 75—76
о, об (русск. предл.) 20
о, он (преф. мужск. рода) 38
об'екта падеж 11
об'ект см. дополнение прямое

обстоятельства грамматические 4
ограничительный суффикс 62
однократный вид 115
одушевленное подлежащее 77, 107
о.и 58
окончания врем форм глагола 73—75
„ прилагательных 46
оку 88
он, она (русск местоим.) 28
он (гонориф преф.) 39
он (китайск. чтение иероглифов) 43
они (русск местоим.) 28
ономатопоэтики 60, 96
описательные обороты 37
„ глагольные формы 100—101, 103—104
„ формы приказания 81—83
„ „ отриц спряж. прилагат 51 52
„ „ спряж прилагательных 49—50
описательный перевод русских прилагательных 58
определение 5, 46, 48, 59, 64, 104—105
определения застывшие 58, 59
определения падеж. родительный 5' 16, 57
ору 86—87, 91
оси (осу) 116—117
основа глагола (корень) 64
„ „ на гласный (2-е спр.) 64, 69, 84, 88, 91
„ „ „ согласный (1-е спр.) 64, 69
„ „ составная 64
„ настоящего времени 69, 70—72, 73—74, 76, 88, 91
„ прошедшего времени 69, 70—72, 73—74, 79, 84, 97
основная (отправная) форма глагола 59, 64, 67 - 68
основные признаки глагола 64—68
„ „ прилагательного 46—48
основные формы глагола (две) 64 68
„ „ прилагательного (две) 46
основы (две в 1-м спряж.) 69
„ по традиц. японск. грамматике см. базы
особое спряжение глагола 61
особые категории существительных 22 37
от (русск предл.) 20
отглагольные прилагательные см. причастия
отосу 114
отправная форма глагола см. основная форма глагола
отрицательная база 99
отрицательное деепричастие 85, 90
„ прилагательное „най" 7, 51, 59, 62, 90
„ спряжение глаголов 88 91
„ „ прилагательных 51—52
отрицательные формы глаголов 27, 88 - 91, 101, 104
отсутствие грамматического рода 1, 37—38
„ „ числа 1, 37—38
„ падежных окончаний 1, 29
„ полного склонения в глаголе 68
„ „ „ в прилагат. 47—48
„ спец. форм степеней сравнения 61

П.

Падежи 1—18
падеж неопределенный 1—2
„ именительный 2—4
„ выделительный 2—4
„ родительный 5—6
„ дательный 6—8
„ творительный 8—10
„ направления 10
„ предельный 10—11
„ исходный 11
„ винительный 11
„ сравнения 11
„ соединительный 12
парадигма спряжения предикативн. суффиксов 12
парадигмы спряжения глаголов 119—123
пассивный залог 8, 72, 76—77
первого лица глаголы 94, 97, 101—103
первое спряжение 69—71, 97—99
„пере" (русск префикс) 113, 114
перед („ предлог) 20, 129
перемежающееся действие 51, 78—79
переходные глаголы см. транзитивные глаголы

перечисление людей 31, 34
„ животных 34
„ крупн скота 34
„ птиц 34
„ рыб 34
„ предметов круглых и продолговатых 34—35
„ предметов плоских 35
„ зданий 35
„ книг, денег 35
„ повозок 35
„ рики 35
„ судов 36
„ писем 36
„ мест и участков 36
„ чашек и т д 36
„ лекарств 36
„ пар 36
перфективный вид 87—88
пиетическая префиксация см. гонорифическая префиксация
по (русск. предлог) 21
„по" (русск префикс) 112
побудительный (каузативн.) залог 24, 88, 92, 94
повышение тона 47
под (русск предлог) 21
подлежащее 2—4, 16
„ в придат предложениях 4, 6, 16
„ грамматическое 2—4
„ логическое 2—4
„ неодушевленное 107
„ одушевленное 77, 107
подлежащего творит падеж 10
позитивные формы см положительные формы
позиция глагольных форм в предложении 105
позиция прилагательного в предложении 48
позиция счетного в предложении 29
положительные формы глагола 72, 88
потенциальные глаголы 106—107
потенциальный залог 72, 76—77, 106
почтительная префиксация см гонорифич префикс.
пребывания глаголы 6, 8, 9
превосходная степень 63
предельный падеж 10
предикатив см сказуемое
предикативная форма прилагательного 15, 46, 47
предикативные суффиксы 12, 13
предлоги русские 18—22
предложения-определения 58—59
предположение 50
презенциальная основа см основа наст. времени
претерит см. прошедшее время
претеритальная основа см основа прош. времени
префиксация гонорифическая см гонорифич преф.
префиксы мнимые 116—118
„ рода 38
при (русск. предлог) 20
„при" (русск. префикс) 115
прибавления падеж соединительный 12
прибывания падеж дательный 7, 10
приближения степень 24—25
придаточные предложения 4, 6, 10, 67, 80
признаки глаголов 1-го спр. 71
„ „ 2-го спр. 69—71
признаки глагола и прилаг см. основные признаки
приказание 85, 80—83, 106
приказания форма 80—83, 106
прилагательное 46—63
прилагательного функции у существит 13
прилагательного функции у род падежа 5, 57
прилагательные отглагольные см. причастия
прилагательные русские на японск. языке 28—29, 57—61
прилагательных склонение 47, 48
„ спряжение 46, 49—52, 75, 88, 104
приложения падеж родительный 5
принадлежности падеж дательный 7
принадлежности падеж родительный 5, 57
притяжательные местоимения русские 28—29
причастия 59—60, 68, 104—105
причинная связка „кара" 11, 126
причинность 51
причины падеж, творительный 9
про (русск. предлог) 21
„про" (русск префикс) 114
прогрессивный вид 86—87
производные залоговые основы 76
простое соединение 12
просубстантивная форма прилагательного 5, 47
просубстантивная форма глагола 5, 47, 68, 105
просубстантивное причастие 68
просубстантивный суффикс „но" 5, 47, 68, 100, 105
противоположение 7, 50, 124, 127
прошедшее время 49, 60, 72, 74, 104, 126
прямое дополнение 11, 16 107
прямой речи выделение 12, 75, 125

Р.

Р 71
ра (суфф. множ. ч) 37—38
разделительное слово „си“ 126—127
рарэ (формант пасс. глаг.) 76, 106
расии 53—54
расположение глаг. форм в предложении 105
результата падеж дательный 7
ри 32
рин 32
ро (суфф приказ) 80
ровный тон 48
рол грамм существит 1, 37—38
„ „ прилагат 48
родительный падеж 5—6, 28, 29, 85—86
родительный падеж принадлежности 5, 57
„ „ определения 5, 16, 57
родительный падеж приложения 5
родительный падеж в функции прилагательного 5, 57
ру (р) 71
ру (оконч. глаг) в 1-м и 2-м спр 71
гумаи 89
русские местоимения по-японски 27—29
„ личные по яп. 27—28
„ „ притяжат. по-яп. 28—29
русские предлоги по-японски 18—22
„ прилагат. „ 57—61
„ причастия „ 59—60 104—105
„ степени сравнения по-японски 61—63
русские склонения 1
русский именит. падеж 4
русский однократный вид 115
„ префикс „в“ 114
„ „ „вы“ 112, 115
„ „ „за“ 111, 112, 115
„ „ „на“ 111
„ „ „пере“ 113, 114
„ „ „по“ 112
„ „ „при“ 115
„ „ „про“ 114
русский страдательный залог 77
„ суффикс „ся“ 112
рэ 24, 27
рэба 79

С.

С 21
са 22—23
саки, саки-ни, саки-ва 129
сараба, сарэба 128
саринагара 128
саси (сасу) 117
сасэ 76
сацу (счетн суфф) 35
се (счетн. суфф) 36
се (мера) 32
семантическая группа 23, 27
семантические категории дат. 6—8
семасиологические признаки глаг. форм 72
си (служ слово) 126—127
си 31
сикараба 128
сикаси, сикасинагара 128
симау 88
синтагма 1
синтаксические функции прилагательного 48
синтаксическое употребление глаг. форм 104—106
ситэ 78—79, 96, 106
сказуемое 12, 46, 64, 104—105
„ грамматическое 2—4
„ логическое 2—4
сказуемостный творит. падеж 9
склонение деепричастных форм глагола 85, 126
склонение прилагательных 47, 48
склонение существительных 1—12, 22
склонение финитных форм глагола 68
склонения суффиксы 2—12, 16—18
словоизменения суффиксы см. суффиксы словоизменения
словообразования суффиксы см суффиксы словообразования
сложные глаголы 65, 110—118
„ „ с особыми глаголами 111—116
сложные глаголы с мнимыми префиксами 116—118
сложные прилагательные 52—57
„ „ из 2-х прилагат 52
сложные прилагательные из глаг. имени и прилаг 52, 65
сложные прилагательные из существит. и прилаг 52—53

сложные прилагательные с особыми прилагат. 53--57
сложные существительные 40—45
„ „ из 2-х существ. 40—41
сложные существительные из корн, прилаг. и существ. 41
сложные существительные из глаг. имени и существ. 41, 65
сложные существительные из 2-х глагольных имен 41, 65
сложные существительные японские 40—42
сложные существительные китайские с японскими 42—43
сложные существительные китайские 43—45
сложные существительные счетные японские 29—30
сложные существительные счетные японские с китайскими 30
сложные существительные счетные китайские 31—37
смысловые признаки см. семасиологические признаки
служебные слова 124—131
„ „ собственно 124—127
„ „ имеющие самостоятельное значение 127—131
со:, со:на 15, 67
со—24
со: 25
со:-ю:, со:-ю:-ё:на, сонна 25
со: (счетн. суфф.) 36
совершенный вид 84
соединения частица „га“ 124, 127
„ падеж дательный 7
„ „ творительный 9
соединительное слово „то“ 12, 125
соединительные гласные 97
„ функции условной формы 80
соединительный падеж 12
„ „ простой 12
„ „ прибавления 12
союз „и“ 50
соко 24
соку 36
соната 24
соно 25—26
соно ё:-ни, сонна-ни 25
сопоставление 4, 8
сорэ 24
составная основа глагола 64
составное (сложное) сказуемое 9, 15—16
соти 24
спряжение глаголов 64—123
спряжение глагола куру 93—94
„ „ суру 93—97
„ „ каку 119
„ „ сасу 119—120
„ „ мацу 120
„ „ сину 120—121
„ „ ау 121
„ „ ному 121
„ „ тору 121—122
„ „ исогу 122
„ „ тобу 122—123
„ „ акэру 123
„ „ миру 123
спряжение отрицательн. глаголов 88—91
спряжение предикативных суффиксов 12
спряжение прилагательных 46, 49—52, 75, 88, 104
спряжений парадигмы 119—123
спряжения 1-ое и 2-ое 64, 69—72, 97
сравнения падеж 11—12, 61—62, 128
„ степени 61—63
сравнительная степень 61
среди (русск. предлог) 21
средства падеж творительный 9
среды „ дательный 7
срощение с гонориф. префиксом 40
становления падеж дательный 7—8
степени сравнения 61—63
степень приближения 24—26
страдательный залог в русск. яз. 77
„ (пассивный) залог 8, 72, 76—77
сугиру 114
сун 32, 33, 37
supinum 66
суру 60, 71—72, 78, 93, 94—97, 106
суру в соединении с существ. 95
суффикс аттрибутивный 13—16, 25, 47
„ ограничительный 62
„ просубстантивный 5, 47, 68, 100, 105
суффиксы деепричастной формы 84
„ имен. словообразования 67
„ множествен. числа 37—38
„ падежные 12
„ первого спряжения 97, 99
„ перемежающегося действия 78—79
„ приказания 80—81
„ склонения 18, 48, 67—68
„ словоизменения 1—18, 24, 42—43
„ словообразования 22—25
„ спряжения прилагательных 49—52, 75
„ существенности 22—23
„ счета 33—37

„ условности 79—80
существенности суффиксы 22—23
существительные 1—45
счетные суффиксы 33—37 (см. перечисление)
счетные существительные 29—37
„ „ японского происхожд 29—31
счетные существительные китайского происхожд 31—37
сэн 32
сэцу 129
сю (суфф. множ числа) 37—38
„ся“ (русск. суфф.) 112
сяку 32, 33, 37

Т.

Та—(оконч 2-го спр.) 73, 99
таби, таби-ни, табигого-ни 129
табу языковое 31
тадо си 16
тай 75, 97
тайгэн 46
таку 76
тамау 82
тамби 129
тамэ, тамэ-ни 18—19, 130
тан 33
тара, тараба 79, 83
тари 78—79, 106
тати (суфф множ числа) 37—38
тати (тацу) 117—118
твоя, твой (русск притяж. местоим) 28—29, 57
творительный падеж 8—10
„ „ инструментальный 8
творительный падеж местный 8—9
„ „ причины 9
„ „ средства 9
„ „ времени 9
„ „ условия 9
„ „ соединительн. 9
„ „ сказуемостный 9
„ „ подлежащего 10
те 32
те (счетн суфф) 35
ти 24
тигау 112
тигаэру 112
типа „ау“ глаголы 70
типы склонений японск. и русск. 1
то (оконч. перед годзару) 76
то (мера) 32
то (прямой речи) 12, 76, 125
то (служебное слово) 12, 80, 96, 125
то (суфф прост. ф Нагасакск говора) 47
то (суфф соед пад) 12, 17, 18, 125
то (счетный суфф) 34
то омоу 75, 125
то суру 96
тоди 54, 56
токи, токи-ни, токи-ни-ва 129
токоро 129
Токиосский говор 1, 6, 46, 68, 69, 71, 85, 86, 91, 96
тон 47—48
то ри, то ри-ни 130
тори (тору) 117
Тоса говор 47, 68, 120
то су 114
тоттэ (то-иттэ) 127—128
транзитивные (переходные) глаголы 16, 107—110
ты 28
тэ (суфф деепр) 84

У.

у (оконч глагола) 64, 67, 71, 73
у („ прилаг.) 46
у (русск предлог) 22
у (3-ья база, соед гласн 1-го спр.) 97
ударение 48
удвоение слова 38
умаи 89
употребление глагольн форм (синтаксическое) 104—106
употребление глагольн. форм аттрибутивно-предик 104—105
употребление глагольн. форм адвербиальных 105
употребление глагольн форм именных 106—105
употребление глагольн. форм повелительных 106
употребление настоящего времени 72—73
употребление прошедшего времени 72—74
управление падежами 16—17
„ „ глаголом 16
„ „ прилагат. 17
„ „ существит. 17
условия падеж творительный 9

условное настоящее 50, 80
„ прошедшее 50, 80
условности форма 72, 79 - 80, 105
условность нумерации спряжений 69
уступительные предложения 124, 128
ути, ути-ни, ути-ва 131
ути (уцу) 117
участительное наклонение 51, 78—79
уэ, уэ-дэ 130

Ф.

Флективные языки 99
финитные формы 68, 126
фонетическое совпадение 6
фонетические изменения в глаголах 1-го спр. 99
фонетические изменения при слиянии слов 33, 95—96
форма настоящего времени 64, 67—68, 72—73
форма прошедшего времени 60, 73—74
форманты падежей см. суффиксы словоизменения
форманты пассивных глаголов 76
„ каузативных глаголов 76
формы глагольные 72—93
„ „ времени 72—74
„ „ вида 72, 86—88
„ „ дезидеративности 72, 75—76
формы глагольные условности 72, 79—80
формы глагольные фрекентативности 72, 78—79
формы глагольные залогов 72, 76—78
„ „ негативности 72, 88—91
формы глагольные вероятности 72, 74—75
формы глагольные деепричастные 84—86
формы глагольные вежливости 72, 91—93
формы глагольные приказания 80, 81, 106
„ „ позитивные 72
формы прилагательного 46
„ спряжения прилагательного 49
фрекентативности форма см. участительности
фуку 36
фун 32, 33
функции дееприч. формы прилагательного 50—51
функции прилагательного у глагола 59
функции прилагательного у род. падежа 57
функции прилагательного у существительных 13
функции прилагательного синтаксические 48
фури (фуру) 116
фута (футацу) 29
футари 31, 34

Х.

Хай (счетн. суфф.) 36
хако 30
хидзё:-ни 63
хики (счетн. суфф.) 34
хито (хитоцу) 29
хитори 31, 34
хо: 61—63
ходо (огранич. суфф.) 62
хон (счетн. суфф.) 34, 35, 37
хэн 32, 33

Ц.

Цели падеж дательный 7, 66
цу (глаголы на „цу“) 120
цу (признак японск. счетного) 26, 29, 31
цу (суфф. счетный) 36
цудзуку 116
цудзукэру 116
цуйдэ 129
цуки 30
цуку 114—115
цукусу 115
цукэру 114—115
цумару 115
цумэру 115

Ч.

Чередование основ 1-го спр. 70—72
через (русск. предл.) 22
четыре основы (базы) 1-го спр (а, и, у, э) 97—99
числительные см. счетные существит.
число грамм. в прилагательных 48
„ „ в существительн. 1, 37
число основ настоящего времени 69—70
чисто-глагольные формы 104

Э.

Э (суфф пад напр.) 10
э (звук во 2-м спр.) 71
э (суфф дееприч.) 84
э („ приказ) 81
э (4-я база соед гл 1-го спр.) 97
эба 79
эн 32
эру 77—78
эру 106—107
этимология глагольных спряжений 97, 99

Ю.

Юэ, юэ-ни 5, 131

Я.

Я (ва) 65
я (вопрос в стар. языке) 126
я (в сложн существ.) 42
я (русск местоимение) 27—28
я (соед пад.) 12
японская традиционная грамматика 38, 46, 68, 99
японский тип склонения 1
ясуй 54—55
я (т) цу 29

Е. Плетнер.

Академия наук СССР
Институт научной информации
и фундаментальных библиотек
по общественным наукам
16.9.71

Оглавление.

Предисловие III
Введение VI

Часть I-ая: Морфология словоизменения.

1-ая глава. Части речи в японском языке XV

1-й раздел. Имя существительное.

2-ая глава Суффиксы словоизменения 1
3-ья „ Особые категории существительных . . 22
4-ая „ О роде и числе существительных . 37
5-ая „ Пиэтетический префикс „о“ или „го“ . . 39
6-ая „ Сложные существительные 40

2-ой раздел. Прилагательное.

7-ая глава. Основные признаки прилагательного . . 46
8-ая „ Спряжение прилагательных 49
9-ая „ Сложные прилагательные 52
10-ая „ Как передаются русские прилагательные на японском языке 57
11-ая „ Степени сравнения 61

3-ий раздел. Глагол

12-ая глава Основные признаки глагола . . . 64
13-ая „ Спряжения глаголов (1-ое и 2-ое) 69
14-ая „ Спряжение глаголов (глаг. формы) . . 72
15-ая „ Вежливое спряжение 91
16-ая „ Глаголы куру и суру 93
17-ая „ Этимология глагольных спряжений . 96
18-ая „ Описательные глагольные формы . . . 100
19-ая „ Лица в японском глаголе . . . 101
20-ая „ Синтаксическое употребление глаг форм . 104
21-ая „ Потенциальные глаголы 106
22-ая „ Переходные и непереходные глаголы . . 107
23-ья „ Сложные глаголы 110
Приложение. Парадигмы спряжений глаголов 119

4-ый раздел. Служебные слова.

24-ая глава. Служебные слова (собственно) 124
25-ая „ Служ. слова, имеющие самостоятельное значение . . . 127
Приложение. Словарь 132

Часть II-ая: Фонетика.

1-ая глава. Слово как фонетическая единица 144
2-ая „ Слог 147
3-ья „ Согласные 149
4-ая „ Гласные 163
5-ая „ Акцентуация 166
Приложение. Сводная таблица трех систем транскрипции . . . . .